

Федеральное государственное автономное образовательное
Учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»

На правах рукописи

Гуреева Анна Андреевна

**СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент В.А. Митягина

Волгоград – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Языковая личность переводчика как комплексный коммуникативный феномен	10
1.1. Категориальная триада «языковая личность – коммуникативная личность – вторичная языковая личность» в исследовании процессов межкультурной коммуникации	10
1.2. Определение роли переводчика в классических и современных переводоведческих концепциях	31
1.2.1. Перевод как коммуникативный акт: переводчик – активный коммуникатор	33
1.2.2. Коммуникативно-прагматический подход к переводу: переводчик - эксперт-текстовик	43
1.2.3. Переводчик как актер опосредованной коммуникации	54
1.2.4. Перевод как интеракция в «третьем пространстве»	59
1.3. Дискурс как сфера деятельности профессиональной языковой личности переводчика	77
Выводы по главе 1	97
Глава 2. Параметральная характеристика переводчика в рефлексиях и авторефлексиях о субъекте опосредованной коммуникации	100
2.1. Рефлексии и авторефлексии переводчиков как основа транслятологии	100
2.2. Социокоммуникативное поведение переводчика: контексты русской лингвокультуры	117
2.3. Социокоммуникативное поведение переводчика: контексты британской и американской лингвокультур	127
Выводы по главе 2	138
Заключение	142
Список литературы	145

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация внесла фундаментальные изменения в жизнь современного общества. Рост масштабов внешней миграции, расширение международных контактов в коммерческой, образовательной, политической, культурной сферах деятельности человека увеличивают спрос на переводческие услуги, так как эффективная межкультурная коммуникация в условиях углубления интеграционных процессов является одним из ключевых факторов достижения успеха в разнообразных сферах профессиональной деятельности человека.

Комплексный характер межъязыковой коммуникации требует осмысления конвенциональности действий переводчика как субъекта коммуникации, обусловленности решений, принятых переводчиком для реализации целей коммуникации, так как в условиях двуязычной, двукультурной среды опосредованной коммуникации именно переводчик способен понимать и транслировать посредством своей профессиональной деятельности «чужую» для коммуникантов культуру. Присутствие переводчика делает межъязыковую интеракцию возможной, преобразует её, изменяя предположения и ожидания коммуникантов о том, как будет протекать коммуникативное событие.

Данное диссертационное исследование посвящено описанию языковой личности переводчика как комплексного коммуникативного феномена, выявлению и изучению социокоммуникативных характеристик языковой личности переводчика.

Объектом исследования является языковая личность устного переводчика.

В качестве **предмета** исследования выступают социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

1) эффективность исследовательских подходов антропологической лингвистики предоставляет новые возможности для осмысления логики и обусловленности коммуникативных действий, совершаемых переводчиком;

2) несмотря на устойчивый и многоаспектный интерес к социальному феномену межкультурной коммуникации, рефлексии о феномене устного перевода еще не выступали в качестве объекта коммуникативной лингвистики;

3) комплексный анализ социокоммуникативного поведения переводчика может содействовать разрешению противоречий между теоретиками и практиками перевода и, таким образом, способствовать оптимизации межкультурной коммуникации.

В основу данного исследования положена следующая **гипотеза**: в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации переводчик создает коммуникативное пространство, которое в полной мере реализует его социокоммуникативные и переводческие компетенции, является результатом деятельностной реализации его языкового сознания, характеризующегося гибкостью, способностью к переключению и переводом мыслей и образов из долгосрочной памяти в среднесрочную и активным использованием накопленного межкультурного опыта. Действия переводчика подчинены его глобальной посреднической миссии – осуществлению трансфера интенций коммуникантов, и детерминированы его социокоммуникативными характеристиками.

Цель исследования – выявить социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

1) определить понятие языковой личности переводчика как комплексного коммуникативного феномена;

2) проанализировать роль переводчика в классических и современных переводоведческих концепциях;

3) выявить и описать характеристики языковой личности устного переводчика;

4) проанализировать и описать особенности коммуникативного поведения переводчика в ситуации двустороннего последовательного перевода.

В соответствии с целью и задачами исследования применялись следующие **методы** исследования: метод сплошной выборки, методы контекстуального и дискурсивного анализа, методы описания и обобщения.

Материалом исследования послужили рефлексии участников ситуаций двуязычного общения о переводчике как субъекте опосредованной коммуникации и также рефлексии и авторефлексии переводчиков, представленные в текстах мемуарно-автобиографического дискурса переводчиков (мемуары, дневники, записки, воспоминания, интервью, комментарии, сводные тетради). Массив исследованного материала составляет 52 англоязычных видео-интервью с участием профессиональных переводчиков (общая продолжительность звучания – 14 часов), 87 русскоязычных текстов интервью профессиональных переводчиков, 173 русскоязычных и 164 англоязычных текста указанных жанров, описывающих ситуации двустороннего последовательного перевода.

Научная новизна работы состоит в интерпретации перевода как социального процесса создания и формирования коммуникативного пространства и выделении и определении значимых для функционирования данного пространства характеристик переводчика с позиции его социальной роли в двуязычной коммуникации. Впервые в качестве эмпирической базы исследования коммуникативных действий переводчика выступают контексты авторефлексий и рефлексий участников опосредованной коммуникации в рамках медийного, мемуарного и профессионального типов дискурса в пространстве английского и русского языков.

Теоретическая значимость исследования определяется его включенностью в развитие антропологического подхода к изучению процессов перевода. Полученные результаты расширяют представление о переводе как

социальном процессе, обусловленном социокоммуникативными характеристиками профессиональной личности переводчика.

Практическая ценность работы заключается в том, что её положения могут быть использованы в вузовских курсах теории коммуникации, теории перевода и теории межкультурной коммуникации, а также последовательного перевода и теории устного перевода. Материалы исследования могут найти применение в области преподавания последовательного перевода, в реализации межкультурных проектов, а также в разработке спецкурсов и спецсеминаров по разным разделам коммуникативной лингвистики, теории и практике коммуникации, социолингвистике, психолингвистике, написанию магистерских, дипломных и курсовых работ, предусмотренных соответствующими учебными планами. Результаты исследования могут быть полезны для практикующих переводчиков, студентов соответствующих направлений профессиональной подготовки, а также исследователей, занимающихся изучением вопросов межкультурной коммуникации и переводоведения.

Теоретическую основу данной работы составляют положения ряда научных направлений:

- теории коммуникации (Т. Г. Винокур, О. Я. Гойхман, Л. И. Гришаева, В. Б. Кашкин, О. А. Леонтович, Е. И. Пассов, Т. Г. Пшёнкина, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, С. Г. Тер-Минасова, Н. Л. Шамне, P. Kussmaul);
- теории дискурса (Е. В. Гуляева, В. И. Карасик, О. А. Леонтович, В. А. Митягина, Г. Г. Слышкин, В. Natim, F. Roayatos, A. Trosborg, C. Schäffner);
- теории языковой личности (И. Р. Абдулмянова, С. И. Агаюлова, В. Н. Базылев, Г. И. Богин, А. Б. Бушев, В. В. Виноградов, Л. А. Долбунова, Ю. Н. Караулов, Л. В. Кушнина, Т.Ю. Ма, С. В. Серебрякова, М. С. Силантьева, О. Б. Сиротина, Х. Ж. Хайрова, И. И. Халеева, О.Н. Шевченко);
- теории перевода (И. С. Алексеева, Е. В. Аликина, Л. С. Бархударов, Д. М. Бузаджи, В. С. Виноградов, Т. А. Волкова, Г. Егер, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. Л. Семенов,

М. С. Силантьева, Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер, S. Bassnett, J. C. Catford, L. Haffner, D. Gile, M. Inghillery, I. Mason, O. Kade, P. Kussmaul, A. Neubert, E. A. Nida, F. Pöchhacker, D. Robinson, C. Roy, D. Seleskovitch, M. Shlesinger, M. Snell-Hornby, H.J. Vermeer);

- дидактики перевода (С. А. Королькова, А. Г. Минченков, Э. Ю. Новикова, О. И. Попова, Е. Р. Поршнева, Т. С. Серова, А. Н. Усачева, Ю. О. Швецова, C. V. Angelelli, R. Jones, J. Fraser, B. Meyer)

- лингвистики текста (Т. М. Дридзе, А. М. Поликарпов, В. В. Сдобников, М.А.К. Хэллидэй, К. Райс).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Профессиональной деятельности устного переводчика, обладающего способностью к рефлексии и авторефлексии, свойственна реляционность, выражающаяся в обусловленном профессиональной необходимостью стремлении обеспечивать продуктивное общение и взаимосвязь коммуникантов, объединять их коммуникативные действия в единое целое.

2. Личность переводчика, являющегося актором опосредованной коммуникации, формируется в результате взаимосвязи первичной языковой личности, вторичной языковой личности и трансляционной личности. Как первичная языковая личность, сформированная на родном языке, переводчик соотносится с элитарной личностью, владеющей нормами литературного языка, этическими и коммуникативными нормами, способной создавать тексты, соответствующие ситуации и целям общения, имеющей богатый активный и пассивный словарный запас. Будучи вторичной языковой личностью, переводчик способен описывать и оценивать окружающую действительность и осуществлять коммуникативные действия в соответствии с социокультурным кодом инофонного лингвокультурного сообщества. Как трансляционная личность, переводчик способен наиболее адекватно транслировать переводимый текст через собственный экзистенциальный и профессиональный опыт, максимально придерживаясь позиции автора, не искажая текст и воздерживаясь от выражения собственного мнения.

3. Специфической характеристикой перевода как деятельности является формирование переводчиком «третьего» пространства, в котором происходит пересечение и наложение разнородных пространств интерактантов, которые переводчик объединяет в единое целое. Переводчик выполняет функции ретранслятора, координатора и посредника.

4. Осуществляя перевод, переводчик создает, формирует и регулирует интеракцию и несет полную ответственность за свои коммуникативные действия. Разрешение возникающих в процессе перевода проблем достигается посредством обеспечения оптимальной тональности коммуникации и овладения культурно-чужим специфическим категориальным аппаратом, что становится возможным только благодаря особенности языкового сознания переводчика: гибкости, способности к лингвокультурному переключению и переводу информации и образов из долгосрочной памяти в среднесрочную и наоборот.

5. Важной характеристикой профессиональной личности переводчика является адаптивность к условиям перевода. Профессиональная адаптивность переводчика представляет собой совокупность свойств и характеристик, позволяющих переводчику приспосабливаться к различным условиям осуществления перевода. Основу профессиональной адаптивности переводчика составляет превентивная адаптивность, которая является результатом процессуального явления превентивной адаптации. Превентивная адаптивность представляет собой профессиональное новообразование, которое включает следующие компоненты: адекватную оценку собственных действительных и потенциальных возможностей; стремление и готовность совершать внутренние и / или внешние действия для эффективного участия в новой для переводчика коммуникативной ситуации; переживание стрессовых ситуаций как временных и необходимых для достижения цели; восприятие адаптации как неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, необходимой для создания и формирования эффективного коммуникативного пространства.

6. Переводческая оперативная адаптация представляет собой комплекс знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику адаптироваться в условиях конкретного коммуникативного события. Успешная оперативная адаптация переводчика зависит от его профессиональной активности, которая проявляется в реализации таких качеств личности переводчика как целеустремленность, решительность, настойчивость, самообладание, самоконтроль, инициативность.

Апробация. Основные положения данного диссертационного исследования излагались автором на научных конференциях: IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград 2012); Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград 2012); «Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах» (Волгоград 2012); VIII Международной научной конференции «Актуальные проблемы менталингвистики» (Черкассы, Украина, 2013); научно-практическом семинаре «Индустрия перевода: перспективы вузов и региона» (Волгоград 2012); научно-практическом семинаре «Профессиональный перевод: проблемы теории, методики и дидактики» (Волгоград 2013); научно-практическом семинаре «Инновации в теории, методике и дидактике перевода» (Волгоград 2014). В период стажировки в Институте переводоведения, языкознания и культурологии университета им. Йоханнеса Гутенберга в г. Майнце (Германия, май-июнь 2013, программа Германского бюро академических обменов ДААД) отдельные положения диссертации обсуждались на семинарах докторантов.

Содержание диссертации отражено в 11 опубликованных работах общим объемом 4,17 п.л. (без соавторов), включая 3 статьи в журналах, включенных в список ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Языковая личность переводчика как комплексный коммуникативный феномен

1.1. Категориальная триада «языковая личность – коммуникативная личность – вторичная языковая личность» в исследовании процессов межкультурной коммуникации

Возрастающий интерес к социальному феномену коммуникации как неотъемлемой составляющей жизни человека абсолютно очевиден в современных условиях перехода от индустриального социума к коммуникативно-информационному обществу, что обуславливает переосмысление значения коммуникации в обществе. Рождаясь и существуя только в обществе, коммуникация развивается и видоизменяется вместе с ним. «Ни одна новая социальная реалья или сдвиг в социальной оценке взаимоотношений людей не ускользает от фиксации в живом языке, который в своей основной, коммуникативной функции является связующим звеном между индивидами как членами общества» (Конецкая 1997, с. 23). «Формирование и развитие социума и индивида происходит в коммуникации и для коммуникации» (Митягина 2012, с. 11), что, несомненно, определяет необходимость соотнесения обусловленности действий коммуникантов доминантами коммуникации и влияния их характеристик на её процесс и результат. Изучение характеристик человека, реализующего себя как коммуникативную личность, представляет большой интерес при рассмотрении не только различных аспектов одноязычной коммуникации, но особенно актуально при исследовании процессов межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Расширение антропоцентрического направления в общем континууме современного отечественного языкознания выражается в необходимости освоения новых научных сфер, с одной стороны, и переосмысление устоявшихся теоретических аксиом с другой стороны. Усиление роли

«человеческого фактора» во всем многообразии его проявлений приводит к осознанию важности описания языковой структуры во взаимосвязи с понятием языковой личности. Языковая личность реализует себя, прежде всего, в создании речевых произведений, текстовой деятельности, говоря о которой, по замечанию Т. М. Дридзе, «мы имеем дело с новым, весьма обширным полем научных изысканий, открывающемся на стыке целого ряда областей знания о человеке и обществе и позволяющем при изучении знакового общения перенести акценты с языка как системы и текста как единицы языка на текст как подлинно коммуникативную единицу наиболее высокого порядка, являющую собой не только продукт, но также образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» (Дридзе, 1980, с. 46-47). Речевые произведения, являясь результатом деятельности языковой личности, позволяют судить об особенностях её коммуникативной компетенции, о процессах языкового сознания, отражающих своеобразие мышления языковой личности.

Традиция исследования феномена языковой личности представлена как в классических трудах (В. В. Виноградов, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов), так и в многочисленных исследованиях современных авторов (А. Б. Бушев, В. В. Воробьев, Г. В. Ейгер, В. И. Карасик, Л. В. Кушнина, Л. А. Нефедова, М. С. Силантьева, О. Б. Сиротинина и др.). Существуют исследования, посвященные рассмотрению определенной грани языковой личности: элитарная языковая личность (Сиротинина 2000); профессиональная языковая личность (языковая личность юриста как профессионального коммуникатора (Кубиц; 2005; Ивакина; 2004); языковая личность в виртуальном мире (Леонтович; 2000; Лутовинова; 2013а, б); языковая личность автора в объявлении о знакомстве (Белянин; 2000).

Важную роль в создании теории языковой личности сыграл академик В. В. Виноградов, который впервые использовал понятие «языковая личность» в 1930 году в книге «О художественной прозе». В. В. Виноградов привел основные принципы изучения языковой личности, включающие опору на

тексты, созданные языковой личностью, и учет включенности языковой личности в различные «коллективные субъекты». Выделение «коллективных субъектов» позволяет говорить о личности в двух планах: 1) как индивидуальности и 2) как типовой личности (Виноградов, 1930).

Концепцию языковой личности, которая рассматривалась как центральное понятие лингводидактики, предложил Г. И. Богин. Он дал четкое определение понятию языковой личности, под которым он понимает «человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин, 1984, с. 13). Г. И. Богин ввел понятие «языковая личность» в научную терминологию и предложил свою модель языковой личности. Процесс развития языковой личности представлен в диссертации Г. И. Богина «Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов» (Богин, 1984). Согласно утверждению самого автора, «кроме В. В. Виноградова, <...> диссертация не имеет прямых предшественников, которые широко разрабатывали бы концепцию языковой личности» (Богин, 1984, с. 2). Г. И. Богин обращает внимание на текст, создаваемый и воспринимаемый индивидуумом, и связывает способность к производству текстов со способностью к пониманию. Автор понимает под языковой личностью совокупность познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью (Богин, 1982, с. 14). Именно от способностей говорящего зависят особые характеристики создаваемых им текстов. Главной характеристикой языковой личности является воспринимаемый и создаваемый ею текст, а сама языковая личность представляет собой субъект речевой деятельности, полноправного участника коммуникации, который способен кодировать и декодировать тексты различной степени информационной насыщенности и её языкового воплощения (Богин, 1984). «Языковая личность, взятая в каждом отдельном случае, зависит

не только от меры собственного развития, но и от используемого языка, и от множества типов речевых поступков и типов текстов (речевых произведений), которыми оперирует индивид» (Богин, 1984, с. 11). Исследование языковой личности возможно только во взаимодействии с социальной средой, которая стимулирует её развитие и формирует готовность к познанию и саморазвитию (Жумагулова, www), так как формирование языковой личности обусловлено во многом влиянием социума, оказывающем на нее мощное воздействие, в том числе посредством текстов.

Идеи Г. И. Богина получают широкое развитие. Так, основные положения концепции элитарной языковой личности М. С. Силантьевой перекликаются с моделью высокоразвитой языковой личности, предложенной Г. И. Богиным. Согласно Л. В. Кушниковой и М. С. Силантьевой, элитарная языковая личность, то есть личность, являющаяся носителем элитарного типа языковой культуры, способна логично излагать собственные мысли, имеет представления о достижениях мировой и национальной культуры, ориентируется в речи на прецедентные феномены общекультурного значения, стремится творчески воспринимать язык (Кушникова, Силантьева, 2010, с. 74). По утверждению Г. И. Богина, не смотря на то, что «на начальных уровнях языковая личность оперирует определенной подсистемой языка, все же именно высший уровень развития языковой личности предполагает свободный выбор подсистем и свободное оперирование ими» (Богин, 1984, с. 12).

О. Б. Сиротина характеризует элитарный тип речевой культуры как образцовый, высший тип, которому присущи такие черты как владение нормами литературного языка, этическими и коммуникативными нормами, незатрудненное использование соответствующих ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, богатство активного и пассивного словарного запаса (Сиротина, 2001). Выделяемые О. Б. Сиротиной характеристики предстают своего рода зеркальным отражением способностей и умений, которыми обладает высокоразвитая языковая личность в концепции Г. И. Богина, личность, которая «не только выбирает подязык и строит или

понимает речевое произведение на нем, но и способна строить текст со смешением подъязыков (и их стилей) в той мере, в какой подъязыки допустимы в тексте при общении с людьми, постоянно пользующимися не всеми этими подъязыками» (Богин, 1984, с.12). Это лишь подтверждает тот факт, что основы, заложенные Г. И. Богиним в теорию языковой личности, имеют существенное значение для развития лингвистики, актуализируются в трудах современных исследователей, в фокусе внимания которых находится феномен языковой личности.

Уровневая организация языковой личности разработана Ю. Н. Карауловым и представлена в его работе «Русский язык и языковая личность» (1987). Трехуровневая система языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым, состоит из вербально-семантического, лингвокогнитивного (тезаурусного) и мотивационного уровней. Вербально-семантический уровень структуры языковой личности предполагает стандартное владение, присущее среднестатистическому носителю данного естественного языка, и формируется из лексикона языковой личности, способности верно выбирать и использовать в коммуникации вербальные средства в соответствии с нормами языка и в зависимости от коммуникативной ситуации. Особенности употребления лексико-стилистических средств, используемых для выражения мыслей, эмоций и передачи информации в процессе коммуникации, нарушения в лексико-грамматическом и фонетическом строе речи определяют индивидуальность и уникальность вербально-семантической характеристики языковой личности. По замечанию Ю. Н. Караулова, вербально-семантический уровень составляет необходимую предпосылку становления и функционирования языковой личности, однако является для нее нулевым и бессодержательным уровнем и может стать предметом исследования личности только в случае рассмотрения второго для нее языка. В связи с этим, первым уровнем языковой личности, после вышеописанного нулевого уровня, необходимо считать тезаурусный или лингвокогнитивный уровень организации языковой личности, позволяющий выявить и определить «иерархию смыслов и

ценностей» в языковой картине мира отдельной личности. Среди компонентов, формирующих картину мира языковой личности, Ю. Н. Караулов выделяет идеи, понятия, накопленные знания и представления об окружающей действительности, являющиеся результатом жизненного опыта. Источниками знаний о мире согласно автору являются «чувственный опыт и деятельность, как индивидуальный источник, язык и тексты, как межпоколенный, коллективный опыт» (Караулов, 2010, с. 35-37). Таким образом, совокупность знаний и представлений об окружающем мире, которыми обладает определенная языковая личность, формируют её индивидуальное когнитивное пространство. Языковая личность в концепции Ю. Н. Караулова начинается именно с лингвокогнитивного уровня, так как «только начиная с этого уровня, оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение – пусть и в нешироких пределах – одного понятия другому» (Караулов, 2010, с. 247).

Коммуникация, являясь комплексным видом человеческой деятельности, может рассматриваться одновременно как деятельность, канал, инструмент и средство передачи информации и имеет свои мотивы и цели. Выявление и характеристика целей и мотивов, движущих развитием и поведением личности и управляющих её текстопроизводством, которые определяют иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира личности, входят во второй уровень организации языковой личности Ю. Н. Караулова. Мотивационный уровень охватывает коммуникативно-деятельностные потребности, намерения, цели, установки и движущие мотивы личности, связанные с определенными речевыми актами интенциональностей, такими как желания, надежды, сомнения, симпатии и антипатии, любовь, ненависть, радость, злоба, страх, удивление, удовольствие, разочарование, досада, раздражение, благодарность, восхищение, стыд (Караулов, 2010, с. 86-89). Потребности личности в деятельности и коммуникации объединены в регистрирующую структуру – коммуникативную сеть, «нити» которой связывают языковую личность актами коммуникации с партнерами по общению (Караулов, 2010, с. 211).

Соответственно, именно на мотивационном уровне языковая личность, ориентированная на общение и взаимодействие с другими людьми, реализуется как личность в глобальном социально-психологическом смысле.

Осознание себя как языковой личности, по утверждению Е. И. Пассова, складывается из нескольких составляющих: 1) осознание себя как личности в целом, включая вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни; 2) способность пользоваться языком в текстовой деятельности – коммуникации; 3) способность к саморазвитию, к обеспечению креативной текстовой деятельности (Пассов, 1989). Отметим, однако, что такое осознание не присуще рядовому человеку, а свойственно именно специалисту, профессионалу, деятельность которого связана с текстопорождением. Профессиональная среда, в которой осуществляется жизнедеятельность специалиста, является важным фактором, определяющим структуру его языковой личности. Коммуникативно-деятельностная личность владеет стандартным и специальными регистрами и необходимым профессиональным запасом дискурсивных способностей, и, как справедливо указывает Г. В. Кубиц, обладает своей профессиональной картиной мира, совокупностью профессиональных языковых черт (Кубиц, 2005, с. 4-7). Профессионализация языковой личности представляет собой «процесс формирования профессионального языкового сознания личности, которое связано с полным и совершенным овладением профессиональным языком» (Там же, с. 10), из чего следует, что языковое сознание профессионала тесным образом ассоциируется с его языковым, профессиональным, общеэкзистенциальным опытом и видением мира. Языковое сознание отражает образ мира и неразрывно связано со спецификой профессиональной деятельности личности.

Конкретное языковое сознание социально детерминировано. Сознание, как пишет М. М. Бахтин, «слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива» (Бахтин (Волошинов), 1998, с. 17). «Индивид как собственник содержаний своего сознания, как автор своих мыслей, как ответственная за свои мысли и

желания личность, такой индивид является чистым социально-идеологическим явлением» (Там же, 40). Сознание зависит от внешних воздействий, и функционирование мозга соотносится с мозговой активностью и предметной деятельностью человека (Тарасов, 2001, с. 306-307). Внешнее воздействие на сознание человека, по замечанию М. Р. Желтухиной, вызывает определенные преобразования его психики, (Желтухина, 2014, с. 28), свойства человеческой психики специфическим образом опосредованы культурным и общественным опытом субъекта сознания.

Языковая личность – «многокомпонентное, структурированное образование, которое представляет собой различные степени готовности индивида к речевой деятельности, к производству и восприятию речевых произведений» (Пшёнкина, 2005, с. 193). Уникальность языковой личности конкретного индивидуума заключается в неповторимости комбинаций индивидуальных и социально-психологических характеристик её речевого поведения. Анализируя специфику речевого поведения индивида, Т. Г. Винокур указывает на его детерминированность внутренними и внешними закономерностями социальных и социально-психологических условий коммуникации, благодаря чему «речевое поведение предстает как визитная карточка человека в обществе, отражающая реальное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов» (Винокур, 1993, с. 29). Речевая деятельность является способом самовыражения языковой личности, проявления её уникальности. При общении в сознании коммуникантов формируется некий образ, складывается определенное мнение о партнере по коммуникации как об индивидуальной языковой личности.

Вступая в акт межкультурной коммуникации, каждый из её участников воспринимает себя как уникальную личность, а партнера по коммуникации, часто неосознанно как некий коллективный субъект с коллективной идентичностью. То есть действия партнера по коммуникации трактуются, по выражению Л. И. Гришаевой, как действия «типичного представителя определенной культуры», при этом актуально воспринимаемые сведения

интерпретируются сквозь призму стереотипов сознания, релевантных для «своей» культуры (Гришаева, 2009, с. 28). Стереотипы представляют собой обобщения социального опыта представителей определенной лингвокультуры, когнитивные образцы для категоризации мира, упрощенные схемы, которые помогают ориентироваться в мире и социуме (Гришаева, 2002, с. 153). Содержание стереотипов не может не быть культурно специфичным, не смотря на то, что степень проявления такой специфики, по утверждению Л. И. Гришаевой, варьируется в зависимости от особенностей субъекта познания и коммуникации, её параметров и характера когнитивной и коммуникативной задачи, реализуемой в конкретных условиях (Гришаева, 2009, с. 28).

В языковом сознании представлены знания определенной культуры, находят отражение этносоциокультурные особенности действительности, окружающей людей. Языковое сознание говорящего индивидуума отражает накопленные в течение всей жизни человека социально-психологические впечатления (Седов, 1999, с. 24). Не только отдельный индивид, но и отдельный народ проявляют «выборочность» в выделении доминантных параметров / характеристик при формировании языковой картины мира, которая складывается «как результат не унифицированного целого, а организована по принципу «пиков», связанных с наиболее значимыми потребностями, мотивами, установками, ценностями, опытом, фантазией представителей отдельного этноса, и во многом предопределена их духовно-эмоциональной сферой и настроением» (Пшёнкина, 2005, с. 158). Однако, рядовой носитель языка, как справедливо подчеркивает Т. Г. Пшёнкина, часто оказывается невосприимчив к форме языкового знака, автоматически следуя по «колею, проложенной языком». (Пшёнкина, 2005, с. 157-158). При изучении межкультурного взаимодействия в переводческом ракурсе следует принимать во внимание, что каждый коммуникант – это <...> представитель разнообразных общностей, в том числе и этноса, поскольку индивид «врастает» в свою культуру в процессе инкультурации и первичной социализации,

усваивая при этом различные схемы коммуникативного взаимодействия в различных условиях интеракции (Серебрякова, Серебряков, 2012, с. 99). Следуя логике рассуждения Т. Г. Пшёнкиной и соотнося её с профессиональной деятельностью переводчика, отметим, что переводчик всегда акцентирует внимание на языковом знаке, так как он должен сравнивать и сопоставлять системы языка оригинала и языка перевода. Все языковые преобразования определяются языковой личностью переводчика, которому приходится постоянно включаться в процесс сравнения двух образов мира, замечать разнообразие средств выражения в двух языках (Пшёнкина, 2005, с. 157-158) и осознавать, что «каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему нарезает и делит его» (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 347).

Исследуя влияние экстралингвистических факторов – социокультурной и отчасти природной среды – на процессы восприятия и понимания мира в ходе коммуникативной практики индивида как модельной языковой личности, представителя определенного сообщества и носителя национального языка и культуры, Т. Ю. Ма представляет языковую личность не только как статическую ментальную модель, но и как «методологический конструкт изучения языковой картины мира, в которой фиксируются фрагменты когнитивного опыта освоения нацией принадлежащего ей культурно-исторического пространства» (Ма, 2012, с. 4). При таком подходе язык понимается Т. Ю. Ма «не только как важнейшее средство человеческого общения, но и как жизненно необходимый, нередко единственный источник информации об окружающем мире, опосредованно формирующий представления людей о структуре и закономерностях его существования и развития, концептуально значимых фрагментах, получающих неизменную языковую объективацию в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и общества» (Там же, с. 3). Нельзя не согласиться с утверждением Т. Ю. Ма о том, что выбор когнитивных моделей поведения и речи регламентирован социальными, этническими и психологическими особенностями личности как носителя национального языка и культуры.

Межличностное общение строится в соответствии с такими моделями, создается ментальный образ эталонной языковой личности, воспринимаемый участниками коммуникации как ориентир. Эталон языковой личности формируется рядом вербальных и невербальных характеристик наиболее типичных для большинства представителей нации, «которые проявляются в речевой деятельности индивида как факт предпочтения существующей в концептуальном пространстве культуры национальной системы ценностей» (Там же, с. 9). В этой связи значимым представляется высказывание В. А. Митягиной о том, что процессы глобализации с новой силой объединяют коммуникативные программы социумов, но, реализуя их, язык как «ткань», как «код» культуры позволяет произойти интегрирующим процессам только в том объеме, к которому данное этнокультурное сообщество готово и в котором оно нуждается (Митягина, 2012, с. 18). Глобализация внесла фундаментальные изменения в жизнь современного общества и эффективная межкультурная коммуникация в условиях углубления интеграционных процессов является одним из ключевых факторов достижения успеха в разнообразных сферах профессиональной деятельности человека.

Способность человека к общению на межкультурном уровне рассматривается в работах И. И. Халеевой, согласно которой, языковая личность, может обрести способность «проникнуть «в дух» изучаемого ею языка, в «плоть» культуры народа, с которым может осуществляться межкультурная коммуникация» (Халеева, 1989). В работе «Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков)» (1989) И. И. Халеева вводит понятие вторичной языковой личности, которую рассматривает как «системообразующий фактор познания языка» (Халеева, 1989, с. 23). Принимая трехуровневую структуру языковой личности, разработанную Ю. Н. Карауловым, И. И. Халеева, тем не менее, условно разделяет тезаурусную сферу на две самостоятельные, но между тем взаимосвязанные составляющие: тезаурус-I и тезаурус-II. Первый, связанный с ассоциативно-вербальной сетью языка, формирует языковое сознание и

восходит к языковой картине мира, второй формирует когнитивное сознание и общую картину мира на уровне концептуальной системы. Формирование тезауруса-II языковой личности представляется гораздо более сложным, так как перед языковой личностью стоит задача «распознавать мотивы и установки личности, становление которой проходило (проходит) в условиях иной общности», где действует другая система ценностей и предпочтений (Халеева, 1989, с. 77). Когнитивное сознание «формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта» (Стернин, 2004, с. 142). В таком случае языковое сознание «человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» (Зимняя, 1991, с. 51), является одной из форм когнитивного сознания. Взаимозависимость обеих тезаурусов обусловлена тем, что формирование личностной языковой картины мира опосредовано знаниями о мире со стороны языковой личности, то есть тезаурус-I формируется под воздействием тезауруса-II, который в свою очередь «опирается на объективируемый в слове тезаурус-I» (Халеева, 1989, с. 77).

Акцентируя внимание на существовании двух форм сознания, А. Н. Крюков исследует различие между языковыми и фоновыми знаниями, между способами их хранения в индивидуальном сознании. Автор говорит также о «диффузированном слое сознания», который формируется на границе фоновых и собственно языковых знаний, и высказывает предположение о том, что существуют явления, характеризующие как когнитивное, так и языковое сознание, что «в значительной степени объясняют специфику речевого общения и закономерности перевода» (Крюков, 1988, с. 34).

Развивая мысль И. И. Халеевой о том, что приобщение языковой личности через новое для нее средство социальной коммуникации к распознаванию и пониманию смысловых и прагматических черт «иноязыковой» личности должно означать также приобщение к новым

картинам мира (Халеева, 1989, с. 55), В. Н. Базылев указывает на то, что вторичная языковая личность складывается как минимум из приближения «к базисному инварианту тезауруса инокультурной языковой личности», взаимосвязи в сознании личности вербального и когнитивного уровней, опосредованных через «иную социокультурную общность, синтезировав в сознании иную систему взаимосвязанной информации» (Базылев, 1998, с. 93-116). Знания и представления, общие практически для всех членов лингвокультурного сообщества, формируют когнитивную базу, которая с одной стороны, оказывается результатом действия специфических для каждого языкового сообщества моделей восприятия и обработки информации, а с другой – сохраняет, стереотипизирует и задает эти модели, создает возможности для их межпоколенной трансляции, обуславливающей, в свою очередь, языковое и культурное единство членов данного сообщества» (Гудков, 1997, с. 116). Для успешной межкультурной коммуникации, таким образом, необходимо овладеть социокультурным кодом сообщества, на языке которого ведется коммуникация, знаниями и представлениями, которые хранятся в когнитивной базе данного лингвокультурного сообщества (Там же, с. 118).

Способность «познавать, описывать, оценивать окружающую действительность» и осуществлять коммуникативные действия «средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности» (Плехов, 2007, с. 3) является обязательной характеристикой вторичной языковой личности, коммуникативно-активного субъекта. Результатом формирования вторичной языковой личности, согласно Н. Д. Гальсковой, должно явиться её взаимосвязанное коммуникативное, социокультурное и когнитивное развитие, способность «распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей иной общности», в которой «действует иная система ценностей, норм и оценок» (Гальскова, 2008, с. 69). В этой связи, Н. Д. Гальскова особое внимание уделяет становлению тезауруса-II, который образует концептуальную картину мира.

Исследуя субъект коммуникации В. В. Красных, определяет человека говорящего как «личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как порождение, так и восприятие речевых произведений)». В каждый момент речевой деятельности человек выступает одновременно в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность. Соответственно, языковая личность обладает «определенной совокупностью знаний и представлений и проявляет себя в речевой деятельности». Речевая личность реализует себя в коммуникации, выбирает и осуществляет определенную стратегию и тактику общения, выбирает и использует определенный репертуар средств (как лингвистических, так и экстралингвистических); коммуникативная личность является участником конкретного коммуникативного акта, реально действующим в реальной коммуникации (Красных, 2003, с. 49-52).

Схожее разделение личности языковой и личности речевой прослеживается в работах Л. П. Клобуковой, согласно утверждению которой, «любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны – с учетом основных видов речевой деятельности, с третьей – с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение» (Клобукова, 1997, с. 70), таким образом, человек в рамках определенных сфер и ситуаций речевого общения является личностью не языковой, но речевой.

Совокупность разноуровневых характеристик коммуникативного поведения отдельного коммуниканта или типа коммуникантов В. Б. Кашкин определяет как личность коммуникативную, которая является «центром и единством коммуникативных актов», направленных на другие коммуникативные личности (Кашкин, 2007, с. 184-188). Коммуникативная личность представляет собой «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических,

мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида» (Там же, с. 175-176). В. Б. Кашкин придает особый статус прагматико-мотивационному уровню коммуникативной личности, под которым понимает намерения коммуниканта, его коммуникативные установки, коммуникативные способности. На основе коммуникативных потребностей формируются коммуникативные установки, преследуемые коммуникативной личностью на протяжении определенного отрезка коммуникативной деятельности. Когнитивный параметр включает в себя характеристики, формирующие внутренний мир индивида в процессе накопления им познавательного опыта: знание коммуникативных кодов, умение осуществлять интроспекцию и авторефлексию, метакоммуникативные навыки, способность адекватной оценки когнитивного и коммуникационного горизонта партнера по коммуникации.

Анализируя параметры коммуникативной личности, В. П. Конецкая определяет коммуникативную личность как «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью её индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью её коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» (Конецкая, 1997, с. 106). Согласно автору, коммуникативная личность обладает определяющими характеристиками, которые составляют три основных параметра – мотивационный, когнитивный и функциональный. Центральное место в структуре коммуникативной личности, также как и в структуре языковой личности Ю. Н. Караулова, занимает мотивационный параметр, определяемый коммуникативными потребностями личности, так как именно потребность сообщить или получить необходимую информацию служит «мощным стимулом для коммуникативной деятельности и является

обязательной характеристикой индивида как коммуникативной личности» (Там же, с. 108).

Среди когнитивных характеристик, по мнению В. П. Конечкой, для коммуникативной личности существенным является «знание коммуникативных систем (кодов), обеспечивающих адекватное восприятие смысловой и оценочной информации», и воздействие на партнера в соответствии с коммуникативной установкой. Кроме того, автор уделяет особое внимание таким важным характеристикам, как способность наблюдения за собственным языковым сознанием (интроспекция), и рефлексия – не только осознание этой способности, но также оценка самого факта сознания. Способность адекватной оценки когнитивного диапазона партнера также рассматривается автором, как одна из главных характеристик коммуникативной личности.

Функциональный параметр, согласно автору, включает три основных характеристики: 1) практическое владение индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации; 2) умение варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения; 3) построение высказываний и дискурсов в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами речевого этикета (Конечкая, 1997, с. 108-109).

Характеристики, выделяемые В. П. Конечкой в структуре коммуникативной личности, могут быть рассмотрены в ином ракурсе при обращении к процессу межкультурной и межъязыковой коммуникации, опосредованной переводом. Доминирующим компонентом профессионального обучения, как справедливо отмечает С. А. Королькова, становится развитие языковой, социокультурной и экзистенциальной компетенций при развитии личностных качеств таких, как способность к анализу и обобщению, готовность преодолевать стереотипы при обязательном формировании стремления к самообучению (Королькова, 2013b). Среди умений и навыков, необходимых для осуществления переводческой профессиональной деятельности, автор

выделяет следующие: умение соотносить содержание и форму высказываний с речевой и коммуникативной ситуацией, совершенствование владения иностранным и родным языком через умение выбирать из нескольких речевых вариантов один, наиболее соответствующий данным условиям «здесь и сейчас», активное освоение сложившихся социокультурных норм и конвенциональных вариантов речевого поведения, свойственных каждой из контактирующих сторон, позволяющих соотносить уместность вербального действия с интенцией говорящего и достигать желаемого эффекта при реализации коммуникативной задачи участников диалога (Там же). Функциональный параметр, выделяемый В. П. Конецкой в структуре коммуникативной личности, применительно к личности переводчика приобретает двунаправленный характер, то есть, переводчик должен обладать способностью реализовать каждый из компонентов функционального параметра как на родном языке, так и на языке перевода. В этой связи А. Б. Бушев, говоря о языковой личности профессионального переводчика, отмечает, что в его языковом и коммуникативном сознании должны храниться конвенции употребления единиц двух языков разного уровня в соответствии с коммуникативно-прагматической обусловленностью (Бушев, 2010, с. 63).

Рассматривая языковую личность переводчика как особый функционально-обусловленный тип языковой личности, О. Н. Шевченко отмечает, что тезаурусный или лингвокогнитивный уровень языковой личности переводчика формируется «совокупностью концептологических трансформаций (усиления, ослабления, подмен или содержательных изменений когнитивных концептов)», которые направлены на «трансляцию особенностей жанровой картины мира исходного текста, лингвокультурных реалий, системы ценностей и менталитета породившей текст культуры» (Шевченко, 2005, с. 4). Моделируя языковую личность переводчика художественных текстов в целом и языковую личность переводчика Б. В. Заходера в частности, О. Н. Шевченко вводит понятие «зоны повышенной креативности» в структуре языковой личности переводчика, определяя их как «текстовые фрагменты или

семантические группы слов, при трансляции которых в принимающую культуру переводчик осуществляет трансформации», выходящие за рамки посреднической деятельности (Там же, с. 18-21), и берет на себя, таким образом, функцию соавторства, что может быть объяснено стремлением переводчика наиболее адекватно транслировать переводимый текст в принимающую лингвокультуру. Исследуя мотивационный уровень языковой личности переводчика, О. Н. Шевченко называет такое стремление «суперинтенцией» и определяет его как основу мотивационного уровня организации языковой личности переводчика. Суперинтенция переводчика может быть ограничена определёнными факторами:

- ориентацией на структурные компоненты исходного текста,
- ориентацией на личность автора и ситуацию создания исходного текста,
- ориентацией на достижение полной естественности способов выражения, ориентацией на породившую исходный текст культуру (Там же, с. 4).

Наряду с суперинтенцией, мотивационный уровень языковой личности переводчика формируется рядом более частных мотиваций, детерминируемых ситуацией перевода и индивидуально-психологическими характеристиками переводчика. Ситуация перевода как «узловой момент» межкультурной коммуникации (Бушев, 2010) оказывает влияние на содержание конкретной языковой личности переводчика, расширяет её концептосферу (Шевченко, 2005, с. 19-20), и определяет, таким образом, частные мотивации языковой личности.

Для успешного выполнения роли посредника в межкультурном общении переводчику необходимо знать парадигму типичных сценариев разного рода международных контактов, которые требуют от переводчика готовности к осуществлению широкого диапазона видов перевода (Усачёва, 2013, с. 110-111). В неожиданно возникающих коммуникативных ситуациях, как справедливо указывает А. Н. Усачёва, требуется ряд когнитивных способностей: «ситуационная ориентация, принятие стратегических и

тактических решений, решений проблем, метакогниция, распознавание паттернов, критическое мышление». На данном этапе активизируются адаптивные стратегии, которые предусматривают трансформацию знания и позволяют принимать переводческие решения на основе анализа реальной ситуации межкультурной коммуникации (Усачёва, 2013, с. 111).

Для достижения взаимопонимания коммуникантов Л. А. Долбунова обращает внимание на то, что необходимо, чтобы последние обладали общей когнитивной базой, формируемой «инвариантными образами сознания относительно тех или иных явлений, позволяющих языковой личности ориентироваться в пространстве той или иной национальной культуры» (Долбунова, 2002, с. 116-118). Наличие общей когнитивной базы коммуникантов, представителей различных лингвокультур, часто невозможно в силу объективных причин, и переводчик, зная об этом, должен уметь это компенсировать для снятия национально-специфических барьеров и для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры.

И. Р. Абдулмянова рассматривает формирование специального двуязычного тезауруса как составляющий компонент языковой личности переводчика, и определяет его как систему «взаимосвязанного накопления, хранения, приумножения информации, знаний, опыта». Тезаурус, согласно автору, является сложной многоуровневой системой понятий, слов, вызывающих эти понятия из памяти человека, и связей, существующих между ними, характеризуется открытой, иерархичной и динамичной структуризацией и служит для хранения уже имеющихся и «добывания» новых знаний и опыта личности (Абдулмянова, 2009, с. 31). Тезаурус переводчика является информационной, понятийной и концептуальной базой, которая характеризуется наличием «интегративной системы терминов, основ знаний, представлений, концептов в определенной области знаний, а также ценностных отношений к этой сфере через призму переводческой деятельности, которая отличается бикультурностью (поликультурностью) и билингвизмом (мультилингвизмом)» (Абдулмянова, 2008). Профессиональный типаж, как

особая разновидность обобщенных представлений о личности, характеризуется определенными понятийными, образными и ценностными признаками в коллективном и индивидуальном сознании носителей определенной лингвокультуры» (Гуляева, 2009, с. 3).

Исследуя особенности формирования языковой личности переводчика, Х. Ж. Хайрова, обращает внимание на то, что профессиональный тезаурус языковой личности переводчика должен сочетать в себе «основы тезаурусов научных культур обслуживаемой области, выраженные на иностранном и родном языке, в их постоянном взаимодействии» (Хайрова, 2011). Вслед за И. Р. Абдулмяновой, автор выделяет сформированность семантической, лингвистической, интерпретативной, текстовой и межкультурной компетенции в качестве основного условия формирования языковой личности переводчика вне зависимости от области его специализации. Специфические требования, предъявляемые к языковой личности переводчика, определяются конкретной предметной областью, предполагая владение не только общелитературной нормой, но знание и использование специальной терминологии и текстовых конвенций специального дискурса. Коммуникативные задачи, которые выполняет язык, определяются сферами деятельности участников коммуникации. Деятельность переводчика, разворачивающаяся в профессиональной коммуникации, определяет необходимость сочетания особенности не только языковой личности, но и специалиста в той сфере деятельности, в рамках которой осуществляется перевод. Познавательные процессы переводчика, особенности его сознания находятся в тесной связи с характером осуществляемой им деятельности. Переводчик, осуществляя посредническую деятельность в профессиональной межкультурной коммуникации, должен обладать определенными чертами языковой личности специалиста.

Таким образом, языковая личность представляет собой многомерное образование, «в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую

совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» (Воркачев, 2001). Типы языковой личности выделяются на основании различных критериев в зависимости от подхода к предмету изучения. Языковая личность предстает срединным звеном между языковым сознанием и коммуникативным поведением (Карасик, 2002). В условиях общения языковая личность рассматривается как коммуникативная личность, как некий обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, поведенческих реакций, знаний, установок, и как конкретный участник конкретного коммуникативного акта. Рассмотрение вторичной языковой личности как коммуникативно-активного субъекта, способного принимать участие в иноязычной речевой деятельности, позволяет констатировать, что переводчик, выполняющий социальную функцию посредника в межкультурной коммуникации между разноязычными и разнокультурными социальными общностями, реализует возможности как своей основной, так и вторичной языковой личности. Мотивы деятельности переводчика направлены на трансляцию лингвокультурных реалий, системы ценностей и менталитета той или иной культуры, следовательно, когнитивная база переводчика должна позволять ему свободно ориентироваться в контактирующих культурах.

1.2. Определение роли переводчика в классических и современных переводоведческих концепциях

Глобализация внесла фундаментальные изменения в жизнь современного общества. Эффективная межкультурная коммуникация в условиях углубления интеграционных процессов является одним из ключевых факторов достижения успеха в разнообразных сферах профессиональной деятельности человека. Особую значимость в этой связи приобретает посредническая составляющая межкультурной и межъязыковой коммуникации, которая реализуется профессиональными переводчиками. Стоит отметить, что в переводе, как ни в одной профессии, спецификой которой является активное использование языка как рабочего инструмента, уделяется особое внимание тому, как должен вести себя профессионал, переводчик, как он должен взаимодействовать с коммуникантами, что он должен и может говорить.

Активная позиция переводчика в различных ситуациях межкультурного общения подчеркивается многими отечественными и зарубежными переводоведами (J. Cambridge, M. Inghillery, J. Fraser, C. Schäffner, И. С. Алексеева, В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев и т.д.). Деятельность переводчика называют центральным компонентом межъязыковой коммуникации (Миньяр-Белоручев, 1999), неотъемлемой частью опосредованной двуязычной коммуникации (Латышев, 2000, с. 12-23), а самого переводчика связующим звеном (*link*), соединением (*connection*) между людьми (Pistillo, 2003, www). В связи с этим несомненный интерес представляет определение статуса переводчика в межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Перевод представляет собой деятельность, которая зависит от общих коммуникативных тенденций и осуществляется в следовании новым представлениям о профессиональной коммуникации, согласно которым особую актуальность приобретает естественность. Следовательно, создание пространства равноправного диалога связано с дополнительными трудностями,

так как переводческая компетенция формируется в ориентации на типические характеристики актантов и типизированные представления о них. Однако стремление коммуникантов к сохранению этнокультурной и личностной идентичности реализуется в отказе постоянно носить ролевую маску, что требует от переводчика больших когнитивных и эмоциональных усилий. В изменившейся ситуации акцент ставится на принятые решения, достигнутый / недостигнутый коммуникативный эффект, при этом роль переводчика, его степень свободы становятся ключевыми моментами при изучении перевода как специфической человеческой деятельности (Митягина, 2012а, с. 25-26).

Среди мнений о статусе переводчика в межъязыковом общении интересным представляется суждение Я. Мэйсона, изложенное в статье «*Conduits, Mediators, Spokespersons: Investigating Translator / Interpreter Behaviour*» (Mason, 2004). Автор акцентирует внимание на устном последовательном двустороннем переводе и отмечает, что все действия устных переводчиков (например, во время переговоров) находятся под пристальным вниманием других участников межъязыкового общения (Mason, 2004, p. 89). Переводчик, обеспечивая коммуникацию между двумя сторонами, является активным участником «трехстороннего обмена» (*three-way exchanges*) информацией. В этой связи Я. Мейсон задается вопросом, какую ответственность несет переводчик за слова, произнесенные коммуникантами, и каким образом участники коммуникации воспринимают речь, произнесенную переводчиком – как принадлежащую непосредственно самим адресату и адресанту, или как мысли и идеи, интерпретированные и воссозданные переводчиком на языке перевода. Заглавие статьи «*Conduits, Mediators, Spokespersons: Investigating Translator / Interpreter Behaviour*» наглядно демонстрирует существующее разногласие относительно статуса переводчика, который может рассматриваться как некий соединительный элемент, канал связи для передачи сообщений (*conduit*), как медиатор (*mediator*) или как представитель какой-либо организации, группы лиц (*spokesperson*) (Там же). В

силу сложившейся неоднозначности определения статуса переводчика в межкультурной и межъязыковой коммуникации, актуальным представляется рассмотрение роли переводчика в классических и современных переводоведческих концепциях.

1.2.1. Перевод как коммуникативный акт: переводчик – активный коммуникатор

Говоря о личности переводчика, необходимо обратиться непосредственно к самому понятию перевода, то есть деятельности, осуществляемой переводчиком, и результату этой деятельности. В переводоведении происходит концептуальное переосмыслению самого феномена перевода, которое можно объяснить изменением его статуса в современном поликультурном мире, развивающемся в направлении глобального усиления интеграционных процессов. Участие переводчика в межкультурном диалоге как третьей стороны сопряжено с решением традиционных проблем коммуникации в новом формате, и «классические» коммуникативные каноны требуют обновления подходов к их осмыслению.

Являясь результатом междисциплинарных исследований, современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования, требующих анализа и переосмысления (Комиссаров, 1999, с. 3). Перевод и переводчика исследуют в различных аспектах, что весьма логично ввиду жанрового разнообразия текстов для перевода и широты спектра переводческой деятельности.

Становление теории перевода начиналось с лингвистического подхода, основанного на принципах соответствия между различными единицами языка оригинала и языка перевода. Одной из первых значительных концепций стала теория закономерных соответствий, предложенная российским лингвистом, переводчиком Я. И. Рецкером, который в 1950 году в своей статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (Рецкер, 1950) сделал акцент на изучении закономерных соответствий между средствами

языка оригинала и языка перевода. Перевод, по утверждению Я. И. Рецкера «немыслим без прочной лингвистической основы. Такой основой должно быть сравнительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между языком подлинника и языком перевода. Эти соответствия в области лексики фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу теории перевода» (Там же, с. 156). Идеи, представленные в теории закономерных соответствий, созвучны концепции А. В. Фёдорова, в трудах которого особое внимание уделяется проблемам художественного перевода. А. В. Фёдоров поставил вопрос о важности и перспективности не только литературоведческого, но и лингвистического подхода к переводу, «поскольку перевод всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе – в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств» (Фёдоров, 1953, с. 13).

Для становления теории перевода как самостоятельной науки большое значение имели работы, проводимые в русле лингвистического подхода к переводу как многими отечественными (Бархударов 1975; Комиссаров 1973, 1990, 1999; Ревзин, Рецкер 1950, 1974; Розенцвейг 1964; Швейцер 1988), так и зарубежными исследователями (Casagrande 1954; Catford 1965; Chomsky 1957, 1965; Delisle 1988; Halliday 1961; Nida 1964, 1969, 1975; Vinay & Darbelnet 1958; Wills 1996).

В основе лингвистического подхода лежит положение о естественной связи перевода с языком, с речевой деятельностью, с её продуктом – текстами, составляющими материальную оболочку этой деятельности (Гарбовский, 2004, с. 175). Основным критерий качества перевода сводится к понятию эквивалентности элементов языка перевода элементам языка оригинала. Несмотря на то, что в работах некоторых исследователей приводятся определенные требования к переводчику, а именно умение выбирать и применять необходимые приемы перевода, особенности влияния личности переводчика на перевод не получают должного освещения в исследованиях,

проводимых в рамках лингвистического подхода. Смена взгляда на переводчика как активного участника межъязыковой / межкультурной интеракции происходит как результат перехода к новой коммуникативной парадигме перевода, где перевод рассматривается как процесс, как коммуникативный акт.

Практическая деятельность переводчика не случайно получила с начала 90-х годов дефинирующее дополнение в форме «перевод и межкультурная коммуникация», потому что совершаемые в рамках преодоления языковых барьеров действия «девальвировали» перекодирующую функцию перевода. Перевод рассматривают как коммуникативный акт, включенный в широкий контекст межъязыковой и межкультурной коммуникации, соответственно, к компонентам коммуникативного акта необходимо относить как тексты оригинала и перевода, так и субъектов коммуникативной деятельности, то есть автора исходного сообщения, получателя перевода и самого переводчика.

В переводоведении появляется осознание того, что процесс перевода распадается на два этапа: этап восприятия переводчиком исходного текста и этап порождения текста перевода. Как пишет В. Н. Комиссаров, «...можно различать два вида действий, составляющие, хотя и несамостоятельные, но достаточно ясно выделяемые этапы, которые могут, с известными оговорками, описываться отдельно. К первому этапу относятся действия переводчика, связанные с «извлечением» информации из оригинала. Ко второму – вся процедура выбора необходимых средств в языке перевода» (Комиссаров, 1999, с. 162). Между двумя данными этапами существует промежуточный ненаблюдаемый этап, происходящий в сознании переводчика, во время которого осуществляется переход от знаков языка оригинала к знакам языка перевода, это – так называемый этап «черного ящика». Ученые стремятся объяснить процесс перевода с точки зрения когнитивных и речемыслительных процессов, происходящих в голове переводчика-интерпретатора (Минченков, 2007, с. 4), которого сегодня рассматривают как динамического,

деятельностного, активного участника межъязыковой и межкультурной коммуникации (Петрова, 2006, с. 84).

В середине 60-х годов в Лейпциге складывается школа трансляционной лингвистики, представители которой, переводоведы и практикующие переводчики, рассматривали перевод как особый вид языковой деятельности, который необходимо изучать в рамках лингвистической науки, используя лингвистические методы исследования. Понять суть перевода, согласно исследователям, можно только с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на коммуникацию.

О. Каде, один из представителей Лейпцигской школы, немецкий лингвист, переводчик и преподаватель перевода, стремился придать теории перевода объективный характер. Для этого, как полагал О. Каде, необходимо выделить в переводе такие факторы, которые позволили бы прийти к достоверным, аргументированным выводам и обобщениям в теории перевода. Поиск таких факторов привел О. Каде к пониманию перевода как коммуникативного процесса, который является важной частью двуязычной коммуникации. В основу коммуникативной модели перевода легла модель одноязычной коммуникации, в которой О. Каде выделял следующие основные компоненты:

- отправителя информации;
- получателя информации (говорящего и слушающего);
- канал передачи информации (акустический / зрительный);
- код (запас определенных знаков и правил их соединения в речевой цепи);
- сообщение;
- нарушение связи (шумы в канале связи);
- прагматическое значение.

Участники одноязычной коммуникации владеют тождественным кодом. Отправитель с помощью кода кодирует в форме текста определенное информационное содержание. Получатель декодирует созданный текст и

извлекает из него информационное содержание. Информационное содержание, по О. Каде, заключается в коммуникативной значимости языкового высказывания, которая проявляется в том, что определенная последовательность знаков способна оказывать определенное воздействие на получателя, приблизительно соответствующее намерению отправителя.

Условие успешной коммуникации определяется тождественностью кодов отправителя и получателя. Полная идентичность кодов, однако, не всегда возможна в силу определенных факторов, способных препятствовать ей, а именно:

- 1) знаки языка имеют способность к варьированию в определенных границах;
- 2) партнеры по коммуникации имеют различия в языковом и внеязыковом опыте, что ведет к возникновению идиолектов;
- 3) существуют диалектные, региональные, социальные влияния, которым в рамках языкового сообщества подвержены отдельные группы коммуникантов.

Относительного равенства языковых кодов достаточно для взаимопонимания между коммуникантами, но несовпадение кодов требует участия посредника, задача которого заключается в декодировании текста и извлечении из него информационного содержания, закодированного отправителем. Переводчик, таким образом, становится активным коммуникатором. Согласно модели перевода О. Каде, процесс перевода состоит из трех этапов:

- 1) коммуникация между отправителем и переводчиком, который выступает в функции простого получателя сообщения на языке оригинала;
- 2) замена кода языка оригинала на код языка перевода, которая осуществляется переводчиком;
- 3) коммуникация между переводчиком, выступающим в роли отправителя конечного сообщения и получателем этого сообщения (Швейцер, 1973, с. 62).

Переводчик, таким образом, в процессе перевода выполняет следующие функции:

- 1) получателя сообщения на языке оригинала;
- 2) перекодирующего звена;
- 3) отправителя сообщения на языке перевода (Там же).

При рассмотрении перевода как акта коммуникации важно отметить следующее: во-первых, процесс перевода распадается фактически на два коммуникативных акта – между отправителем и переводчиком и между переводчиком и получателем; во-вторых, переводчик как участник коммуникации выполняет попеременно две роли – роль получателя сообщения и роль отправителя.

Необходимо отметить также, что первые две фазы процесса перевода разделены во времени, но вторая и третья совмещены и представляют собой скорее единый этап двуязычной коммуникации, который распадается на два аспекта: подбор варианта перевода, соответствующего смысловому содержанию исходного сообщения и нормам языка перевода, и учет прагматических и прагмалингвистических факторов. Преобразование текста оригинала в текст на языке перевода ставит перед переводчиком сложную задачу: переводчик не просто транспонирует знаки из одной кодовой системы в другую, но осуществляет выбор оптимального варианта из значительного числа потенциально возможных (Там же, с. 63).

Коммуникативный подход О. Каде к переводу предполагает его рассмотрение в макролингвистическом аспекте, так как знаки участвуют в коммуникации как своей формой, так и значением – сигнификативным и денотативным. О. Каде различает два понятия:

- 1) текст как языковое образование – макрознак, его содержание определяется взаимодействием семантики составляющих его единиц;
- 2) текст как единица коммуникации.

Текст как единица коммуникации получает название «коммуниката». Смысл коммуниката возникает при интеграции языкового макрознака в

коммуникативную ситуацию, формой которого является последовательность языковых знаков, включая манифестированные в них значения, а содержанием – тот самый смысл, результат интеграции. Таким образом, в тексте, выступающем в качестве коммуниката, содержится больше информации, чем манифестировано в значениях языковых знаков. Задача переводчика заключается, таким образом, в замене не текстов, а коммуникатов, именно поэтому создание эквивалентного коммуниката сопровождается изменениями текста оригинала.

Беря за основу три компонента языкового знака – форматив, сигнификатив и денотатив, О. Каде выделял три способа реализации перевода: субституция – на основе грамматического значения, интерпретация – на базе сигнификативного значения и парафраза – на основе денотативного значения (Комиссаров, 1999, с. 66). Не смотря на то, что исследователь признавал, что в переводе используются все способы его реализации, он предполагал, что применение интерпретации, является вынужденным и исключается, когда удастся полностью формализовать семантику языковых знаков, а субституция, согласно автору, представляет собой наиболее рациональную форму перевода.

Для каждого типа перевода устанавливаются определенные критерии эквивалентности, однако, общим для всех является учет конкретной коммуникативной ситуации – предмета коммуникации, участников коммуникации, средств коммуникации, цели, условий передачи информации. Изменение ситуации требует изменений в тексте перевода. Поскольку О. Каде акцентирует внимание на оценке комплексного воздействия текста перевода на получателя, и успех коммуникации определяется соответствием данного воздействия намерению отправителя, которое передается с помощью отправляемого высказывания, то участие переводчика – идеального транслятора является абсолютным условием достижения эквивалентности, необходимой в конкретном акте коммуникации. Задача идеального транслятора заключается, таким образом, в создании текста, который способен оказать на

адресата необходимое регулятивное воздействие и вызвать определенный коммуникативный эффект.

Проблема переводческой эквивалентности в рамках коммуникативного подхода рассматривается также в трудах Г. Егера, немецкого переводоведа, коллеги О. Каде по Лейпцигской школе. В его работе «Транслация и трансляционная лингвистика» (1975 г.) рассмотрение коммуникативной эквивалентности в переводе занимает центральное место. Г. Егер полагал, что текст перевода должен быть коммуникативно эквивалентен тексту оригинала, что означает, что оригинал и перевод должны обладать одинаковой коммуникативной значимостью, под которой автор понимает некий мысленный образ, вызываемый текстом в сознании коммуникантов. В силу того, что данный образ не наблюдаем, описать коммуникативную значимость является невозможным, следовательно, понятие коммуникативной эквивалентности неопределенно. В связи с этим Г. Егер заменяет коммуникативную значимость её лингвистическим экспликатом, содержанием текста, которое во взаимодействии с экстралингвистическими факторами создает сложный мыслительный образ. Содержание текста, выводимое из значений языковых единиц, его составляющих, Г. Егер именует функциональной значимостью, а совпадение функциональных значимостей текста оригинала и текста перевода означает их функциональную эквивалентность. Функциональная значимость не тождественна коммуникативной, а составляет лишь более или менее значительную её часть. За пределами функциональной значимости остаются реакции, ассоциации, выводы, которые возникают на основе текста, но не входят в его содержание.

Фактор ситуации в концепции Г. Егера относится к числу компонентов коммуникации, способных препятствовать достижению функциональной эквивалентности. Среди таких переменных компонентов, которые носят случайный характер, Г. Егер выделяет также знания и умения переводчика, что определяет его важную роль в достижении функциональной эквивалентности.

Различие между коммуникативной и функциональной эквивалентностью перевода меньше, чем между коммуникативной и функциональной значимостью текста, поскольку сохранение функциональной значимости оригинала в переводе может обеспечить воспроизведение и экстралингвистической части коммуникативной значимости. В идеальном случае функциональная и коммуникативная эквивалентность полностью совпадают, но в реально выполняемых переводах существует расхождение между этими видами эквивалентности.

Г. Егер связывает понятие коммуникативной эквивалентности со способностью адресата извлекать из сообщения передаваемую информацию (Егер, 1978). Невозможность объективной оценки познавательной возможности адресата лишает понятие коммуникативной эквивалентности научной конкретности, в связи с чем Г. Егер предлагает разграничивать понятия «языковой текст» и «речевой текст». Коммуникативная значимость речевого текста, возникающего при помещении языкового текста в конкретную ситуацию общения, складывается из значения языкового текста и экстралингвистической части, которая зависит от познавательных возможностей адресата. Поскольку возможности каждого адресата индивидуальны, то каждый речевой текст для разных адресатов может репрезентировать множество коммуникативных значимостей. Адресаты, принадлежащие к одной и той же языковой или социальной группе, обладают значительной общностью знаний, благодаря чему во множестве коммуникативных значимостей речевого текста существует некая средняя часть общая для всех таких адресатов. Коммуникативная эквивалентность перевода заключается, таким образом, в сохранении общей части коммуникативной значимости оригинала, которой он обладает для своих адресатов.

Учет фактора адресата в переводе, а именно его познавательных возможностей, то есть фоновых знаний и знания коммуникативной ситуации, является основополагающим в концепции Г. Егера, а выделение речевого

текста определяет необходимость учета при переводе условий конкретного коммуникативного акта.

Важность учета прагматического компонента в переводе детерминирована по справедливому замечанию А. Д. Швейцера «различиями в общественной практике, а также в культурно-исторических традициях разных языковых коллективов» (Швейцер, 1973, с. 65). Переводчик выполняет функцию языкового посредника в межкультурной коммуникации и сталкивается с множеством задач, требующих неординарных решений, выходящих за пределы языковой и переводческой компетенции. По замечанию О. Каде, цель языкового посредничества заключается не в вызове коммуникативного эффекта как такового, а в создании предпосылок для осуществления определенных коммуникативных намерений, возможности вызвать у адресата предполагаемый коммуникативный эффект (цитата по: Латышев, 2003, с. 30).

Суть специфики перевода заключается в том, что в современном мире перевод является «наиболее прямым и чистым транслятором исходного текста через лингвоэтнический барьер, позволяющий в максимальной мере уравнивать коммуникативные возможности адресатов текста на исходном языке и на языке перевода (Латышев, 2000, с. 9-10). Рядовой потребитель, получая текст перевода, воспринимает его как «то же самое, что и оригинал, только на родном языке», и двуязычная коммуникация опосредованная переводом рассматривается равноценно одноязычной коммуникации по своим возможностям и эффективности (Там же).

Таким образом, понимание взаимозависимости языка, культуры и социальных процессов, внимание к аспекту интеракции в процессе межъязыкового общения – все это особо подчеркивает роль переводчика в современном мире, роль переводчика в процессе коммуникации, которая предполагает не только убеждение, но и манипуляцию участниками коммуникации. Задача переводчика как идеального транслятора заключается в верном декодировании исходного сообщения и сохранении его содержания в

процессе перевода. Переводчик, выполняя как функции получателя, так и функции отправителя сообщения, является активным участником межкультурной коммуникации, который отвечает за создание текста, способного оказать необходимое регулятивное воздействие на адресата и вызвать определенный коммуникативный эффект. Действия переводчика играют центральную роль в процессе формирования межкультурной / межъязыковой коммуникации и, безусловно, оказывают положительное либо отрицательное влияние на процесс и результат главных социальных процессов.

1.2.2. Коммуникативно-прагматический подход к переводу: переводчик - эксперт-текстовик

Развитие лингвистической прагматики, теории дискурса, успех теории социального и коммуникативного действия, выход теоретических исследований переводческой деятельности за рамки исключительно лингвоцентричного подхода во многом обусловили становление коммуникативно-прагматического подхода к переводу, а функциональность перевода, провозглашенная скопос-теорией как его доминанта, «утвердилась в качестве доктрины в подготовке переводчиков, а в некоторых странах Европы стала основой требования стандарта к переводу как услуге» (Махортова, 2013, с. 149).

Мысль о том, что «общение между людьми складывается не путем обмена единицами языка, а с помощью речевых высказываний-текстов, обладающих определенным смыслом» (Сдобников, 2006, с. 245) была представлена в интерпретативной теории перевода, разработанной французскими переводоведами Д. Селескович и М. Ледерер, по утверждению которых «извлечение смысла из исходного сообщения и перевыражение его в текст перевода является основной задачей переводчика» (цитата по: Сдобников, 2006, с. 245). Процесс перевода, согласно данной теории, включает следующие этапы: создание текста оригинала, понимание переводчиком смысла речи (причем, извлекаемый им смысл должен быть идентичен смыслу, вложенному в

исходное сообщение автором оригинала), порождение переводчиком текста перевода, воспроизводящего исходный смысл. Переводчик в данном случае выполняет две роли: получателя исходного текста (*interpreter / listener*) и создателя текста перевода (*interpreter / speaker*). Центральным этапом в этой модели является этап понимания переводчиком смысла исходного сообщения. Данный процесс представляет собой интерпретацию, то есть извлечение смысла, минуя его языковое выражение (Там же, с. 246). Успех интерпретации, по мнению Д. Селескович и М. Ледерер, заключается в знании переводчиком предмета речи, так как смысл высказывания в сознании слушателя возникает только в том случае, когда слушатель располагает достаточным количеством знаний о предмете речи (Seleskovitch, 1976, p. 101-102).

Важность знания предмета речи подчеркивается и в трудах П. Кусмауля и Х. Хенига, немецких преподавателей переводоведения университета г. Майнца. В своей книге «Стратегия перевода», которая была впервые опубликована в 1982 Х. Хениг и П. Кусмауль под влиянием новаторских идей Х. Фермеера, представленных им в 1976-1977 годах в лекционном курсе «Общая теория перевода», представили новый взгляд на значимость социокультурной обусловленности перевода. П. Кусмауль утверждал, что идея придать большее значение принимающей культуре при исследовании процесса перевода уже давно обсуждалась среди коллег в г. Гермерсхайме. П. Кусмауль описывает подход, представленный в труде Х. Фермеера «Основы общей теории перевода» (1978 г.), следующим образом: «Центральная идея сочинения заключается в том, что цель и назначение перевода обусловлены нуждами и ожиданиями читателя в его культуре. Х. Фермеер назвал это «*skopos*» (греч. цель), и так называемая «преданность оригиналу», эквивалентность фактически подчинялась скопосу» (Kusmaul, 2004, S. 223 цитата по: Snell-Hornby, 2006, p. 51). Перевод рассматривался как особая форма человеческой деятельности, которая подобно любой другой деятельности человека имеет определенную цель. Перевод, в трактовке Х. Фермеера, является в первую очередь кросскультурным трансфером, а переводчик бикультурной и даже

поликультурной личностью, владеющей различными языками, так как язык является важной частью культуры. Кроме того, Х. Фермеер рассматривает перевод как действие, другими словами как «кросскультурное событие» (цитата по: Snell-Hornby, 1995, p. 46).

Подчеркивая культурную обусловленность перевода, Х. Фермеер дает следующее определение переводу: перевод – это информация, представленная на языке z культуры Z , которая имитирует информацию, представленную на языке a культуры A , для того, чтобы реализовать желаемую функцию. Это означает, что перевод – это не транскодирование слов или предложения из одного языка в другой, но сложное действие, в котором некто представляет информацию, содержащуюся в тексте в новых функциональных, культурных и лингвистических условиях максимально сохраняет формальные характеристики (Там же).

Особое значение социокультурной зависимости перевода уделяется и в концепции Х. Хенига и П. Кусмауля, которые использовали понятие функция (Funktion) вместо греческого слова «*skopos*», не имевшее широкой известности в кругах переводоведов в то время. В связи с этим их, как и других исследователей, разделявших их взгляды, называли «функционалистами Гермерсхайма» (Snell-Hornby, 1995, p. 52). Текст, согласно Х. Хенигу и П. Кусмаулю, погружен в конкретную ситуацию, обусловленную социокультурным фоном, а перевод зависит от его функции, соответственно, существует альтернатива, либо сохранить функцию текста оригинала при переводе, либо изменить её, адаптируя для конкретных параметров принимающей культуры.

Понятие культуры стало центральным в концепции Х. Хенига и П. Кусмауля, они определяли текст как «вербализованную часть социокультуры» (Hönig, Kussmaul, 1982, S. 58 цитата по: Snell-Hornby, 2006, p. 52), и отрицать данный факт можно только в случае определенной переводческой задачи.

В условиях стремления к максимальному обеспечению параметров идентичности и требований глобализации переводчик не может быть «пассивным трансформатором текста», он становится активным участником коммуникативного процесса, который «действует и преобразует» (Там же). Действия и преобразования, предпринимаемые переводчиком, по мнению Х. Хенига и П. Кусмауля, зависят от типа текста и от конкретной ситуации перевода. В связи с этим процесс перевода представлен Х. Хенигом и П. Кусмаулем следующим образом:

- переводчик знакомится с текстом оригинала как переводчик и соотносит его с ситуацией перевода как переводчик;
- переводчик уточняет переводческое задание и определяет функцию текста перевода;
- переводчик определяет степень необходимой дифференциации на основе определенной коммуникативной функции.

Таким образом, переводчик осуществляет перевод и оформляет текст перевода в соответствии с установленной функцией текста. Любое высказывание, как известно, преследует определенную цель, которая обуславливает как «выбор тех или иных языковых средств, так и их удельный вес в рамках того или иного высказывания» (Швейцер, 1997, с. 66).

Активная ориентированность на цель в переводе была обозначена в совместном труде Х. Фермеера и К. Райс «Основы общей теории перевода» (1984), который стал, по замечанию М. Снел-Хорнби, «манифестом» сторонников скопос-теории (Snell-Hornby, 2006, p. 52). В модели, разработанной Х. Фермеером, основной акцент, также как и в концепции П. Кусмауля и Х. Хенига, ставится на культурную обусловленность перевода. Язык в трактовке Х. Фермеера является не автономной системой, а частью культуры, из чего следует, что переводчик должен быть не только билингом, но и бикультурной личностью. Текст также не является статичным и изолированным фрагментом языка, а зависит от «интерпретативной» готовности получателя. Текст неизбежно связан с экстралингвистической

ситуацией, в которую он заключен, а также является «частью мирового континуума» (Там же).

Как отмечал итальянский ученый У. Эко, «перевод представляет собою переход не только из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую, из одной «энциклопедии» в другую» (Эко, 2006, с. 193). Принимая во внимание когнитивные процессы, специфичные для каждой культуры, А. Н. Усачёва особенно подчеркивает тот факт, что «успех межкультурной коммуникации зависит от факторов культуры, определяющих категориальное структурирование опыта коммуникантов, а ими являются ценности, отношения, убеждения и модели поведения» (Усачёва, 2012, с. 44). Соответственно, задача переводчика заключается в обеспечении наиболее гладкого перехода из одной лингвокультуры в другую, что, согласно Г. Чен и В. Староста, заключается в снижении уровня ситуационной неоднозначности, которая может возникнуть в процессе взаимодействия представителей различных культур (Chen, 2006, с. 358), и уменьшении или сведении на нет когнитивного диссонанса, который может возникнуть в связи с погружением коммуникантов в инокультурное коммуникативное пространство, что, в свою очередь, требует от переводчика знания культурных реалий и национальных особенностей страны языка перевода. Д. И. Остапенко обращает внимание на то, что от переводчика требуется тонкое понимание специфики разных картин мира и разных национальных ментальностей, одной – донорской, из которой происходит перевод, а второй – принимающей, на которую нацелен перевод (Остапенко, 2010, с. 128-138). В этой связи С. А. Королькова придает особый статус умению «извлекать импликатуры, опираясь на национально-специфическую структуру пресуппозиций, существующих в когнитивном сознании иноязычного лингвокультурного сообщества» (Королькова, 2012, с. 250).

Одна из задач переводчика заключается в нейтрализации расхождений в лингвоэтнических коммуникативных компетенциях, которые Л. К. Латышев именуется лингвоэтническим барьером (Латышев, 2003, с. 104). Рассматривая действия необходимые для преодоления лингвоэтнического барьера,

Л. К. Латышев ставит на первое место перемещение исходного текста (как минимум, доминантных элементов его содержания) в иную языковую культуру, то есть исходный текст должен быть перевыражен с помощью средств и по законам системы языка перевода (Там же, с. 110). Решение проблем, возникающих при переводе вследствие различия культурного фона отправителя и получателя высказывания, невозможно без учета экстралингвистических условий, в которых разворачивается переводимое общение.

Включенность переводческого акта в широкий контекст межкультурной и межъязыковой коммуникации требует учета как прагматических так и лингвопрагматических аспектов коммуникации. А. Д. Швейцер отмечает, что «прагматический фактор является одним из наиболее важных «фильтров», определяющих не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой в переводе информации» (Швейцер, 1973, с. 244).

Исследуя различные подходы к классификации текстов и методов перевода (О. Каде, Дж. Касагранде, Э. Мериан-Генаст, Ж. Мунэн, Р. В. Юмпельт), К. Райс приходит к пониманию того, что метод перевода должен соответствовать типу текста. «Главная цель при этом – сохранить при переводе наиболее существенное, определяющее тип текста. Только специальная цель, которой перевод должен служить в конкретном случае, или специфика круга читателей, которому он предназначается, могут быть обоснованием для отступления от этого требования» (Райс, 1978, с. 209). Функционально-типологический подход к переводу, предпринятый К. Райс, оказал большое влияние на развитие скопос-теории.

Прагматическая направленность исследования перевода в тесном сопряжении с культурологической отражена в логическом продолжении скопос-теории – теории переводческих действий, разработанной немецкой переводчицей и педагогом Ю. Хольц-Мянттяри. В её трактовке эта концепция почти полностью исключает ориентацию на оригинал, приобретая крайнюю форму. В теории Ю. Хольц-Мянттяри, представленной в её монографии «Переводческие действия» (1984), в полной мере проявляется роль переводчика

как эксперта по межкультурной коммуникации, который решает, какими должны быть содержание и форма текста перевода. Каждый текст обусловлен определенным культурным контекстом – условностями стилистических, жанровых конвенций, принятых в данной культуре, поэтому отношения между оригиналом и переводом являются не только отношениями между языком оригинала и языком перевода, но и отношениями между исходной и принимающей культурами, которые обусловлены, в том числе, расхождением преинформационного запаса коммуникантов. Для достижения цели коммуникации переводчику, соответственно, необходимо учитывать традиции и условности принимающей культуры.

Согласно Ю. Хольц-Мянттяри, перевод является действием, видом межкультурной коммуникации, в которой язык является не содержанием или целью, но необходимым инструментом. Переводческое действие по Ю. Хольц-Мянттяри «интегрировано в систему других действий и обусловлено факторами, выходящими за его границы» (Holz-Mänttär, 1984a, S. 177). В таком определении перевода как сложного вида межкультурной коммуникации в социальном контексте и уменьшении в переводе роли языка оригинала и всего языкового компонента в целом есть много общего с моделью Х. Фермеера.

Процесс перевода в терминологии Ю. Хольц-Мянттяри можно описать следующим образом: переводческое действие представляет собой не лингвистическое транскодирование, а состоит из целого комплекса действий, реализуемых клиентом и переводчиком, который исполняет роль профессионала, эксперта в текстопроизводстве, и как следствие несет ответственность за текст – продукт речемыслительной деятельности. Как и в скопос-теории перевод рассматривается как акт коммуникации, в котором преодолеваются культурные барьеры.

Переводческое действие представляет собой процесс, который состоит из нескольких этапов: вначале клиент делает заказ и предоставляет переводчику материал на языке оригинала, информацию и требования к тексту перевода, предполагаемой цели использования текста. Затем на основе анализа текста

оригинала и представленной дополнительной информации, переводчик производит текст, консультируясь с заказчиком или специалистами, и вносит необходимые изменения в текст перевода. Переводчик на основе знания чужой культуры принимает решения, что и каким образом должно быть передано в переводе. Таким образом, переводчик несет полную ответственность за финальный продукт (Snell-Hornby, 2006). Как видно из такого понимания сущности перевода, коммуникация между культурно отдаленными партнерами качественно отличается от коммуникации между членами одного общества. Для оптимального достижения цели коммуникации переводчику необходимо вносить изменения по сравнению с первоначальными представлениями отправителя и его исходного текста. В каждом конкретном случае переводчик должен уметь правильно оценить требования принимающей культуры, что возлагает на него большую ответственность и существенно изменяет его функцию как коммуникативного посредника.

В концепции Ю. Хольц-Мянттяри переводчик предстает экспертом, профессионалом, что стирает один из стереотипных образов переводчика: человека с улицы, который, купив двуязычный словарь, пытается транскодировать тексты подобно тому, как это делают ученики в школе или студенты университета (Holz-Mänttari, 1986, S. 371 цитата по: Snell-Hornby, 2006). Концепция Ю. Хольц-Мянттяри была более благосклонно принята практикующими переводчиками, нежели переводоведами-теоретиками. Д. Робинсон, практикующий переводчик, переводовед, полагает, что Ю. Хольц-Мянттяри предложила, возможно, самый детальный обзор переводческой деятельности, рассматривая перевод как процесс, как спектакль. Оторвавшись от лингвистической концепции, в которой существует тесная связь между текстом и тем, что *происходит* в переводе, Ю. Хольц-Мянттяри создала, по замечанию Д. Робинсона, потенциально успешную альтернативу модели перевода (Robinson, 1991, p. 128-129).

В концепции Ю. Хольц-Мянттяри, таким образом, постулируются следующие основные положения:

1) тексты существуют не в вакууме, а в определенной коммуникативной среде. Они имеют свою историю, соответствуют традиционно установленным рамкам (стилям, типам, жанрам), обусловлены поставленными перед ними целями;

2) барьеры в переводе являются не языковыми, но культурными. Существование текста, его содержание и форма конституируются рамками коммуникации, всеми особенностями культуры данного лингвосоциума;

3) тексты перевода – это сами по себе полноправные тексты. Несмотря на то, что они базируются на исходном материале, функционируют они независимо от него. Тексты перевода предназначены для другого получателя, в иной обстановке и в другой культуре, чем исходные тексты. В художественных переводах верховенство также принадлежит их собственной цели;

4) переводчики являются экспертами в своей области и несут ответственность за свою текстовую деятельность, выполняют действия, обеспечивающие понимание разнокультурных коммуникантов «здесь и сейчас». Условия профессиональной деятельности определяются её целью, и параметрами коммуникативной ситуации (устный / письменный перевод, двусторонний / последовательный перевод и т.д.). Переводчик – это специалист по созданию текстов любой предметной области. Если текст касается узкоспециальной области, то переводчик должен осознавать необходимость консультирования со специалистом и владеть метаязыковой компетенцией (Комиссаров, 1999, с. 102).

Меньшее место в теоретической концепции Ю. Хольц-Мянттяри занимает учет языковых особенностей оригинала, тех «внутриязыковых инструкций», которые раньше рассматривались как часть требований, предъявляемых к переводу. Главным и фактически единственным критерием оценки перевода объявляется его соответствие той цели, ради которой он был осуществлен. Согласно концепции Ю. Хольц-Мянттяри, перевод – это, прежде всего, вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется степенью достижения поставленной цели «здесь и сейчас».

Перевод всегда осуществляется с целью, переводчик стремится выполнить определенную задачу заказчика, в чьих интересах и по чьему поручению осуществляется процесс перевода. Цели перевода могут быть самыми различными, и тексты перевода, соответствующие им, будут принципиально отличаться друг от друга. При этом несущественно, в какой степени перевод оказывается близок к оригиналу, коль скоро он соответствует своей цели. Исходя из поставленной задачи, переводчик выбирает стратегию и метод перевода: воспроизводящий оригинал, отклоняющийся от оригинала или пренебрегающий им. Переводчик выступает не в качестве простого языкового посредника, а как эксперт, специалист, способный создать текст, соответствующий цели коммуникации.

Ю. Хольц-Мянтяри указывает на то, что понимание перевода как профессиональной деятельности выдвигает три основных требования к переводческой компетенции:

1) переводчик должен уметь «специфицировать» свой будущий текст, уметь анализировать в качестве эксперта коммуникативные ситуации заказчика, автора исходного текста и получателя текста перевода в рамках соответствующих культур и на основе анализа объяснять заказчику мотивированность переводческих действий;

2) переводчик должен уметь «проектировать» тексты. Для этого он должен не только обладать языковой компетенцией, но и знать конвенции текстопорождения, владеть социокультурными рамками коммуникации;

3) переводчик должен постоянно развивать свою текстотипологическую, социокультурную и экзистенциальную компетенции для того, чтобы содержательно и функционально правильно говорить или писать об определенном предмете (Комиссаров, 1999, с. 102-103).

Первое требование к переводческой компетенции, один из компонентов которого выражается в умении аргументировано объяснять заказчику необходимость предпринятых переводческих действий, может быть дополнено замечанием Л. К. Латышева о том, что переводчик, адаптируя текст перевода

под лингвоэтнические особенности восприятия адресата, обязан отдавать себе отчет в необходимости предпринятых отступлений от оригинала и должен, в случае, если его спросят, обосновать, какой именно ущерб для восприятия адресата имел бы перевод без адаптирующего сдвига: неточность в передаче содержания, неясность (смысла или содержания), изменение смысла, нарушение языковой нормы или узуса, влекущие за собой искажение эмотивного и эстетического воздействия (Латышев, 2003, с. 23). Л. К. Латышев указывает также на то, что «умение найти оптимальный адаптационный сдвиг, не уводящий далеко от семантики и структуры оригинала, с одной стороны, но в достаточной мере подстраивающий перевод под иное лингвоэтническое восприятие адресата-носителя языка перевода – с другой, служит одним из надежных показателей мастерства переводчика» (Там же, с. 24).

Концепция переводческого действия Ю. Хольц-Мянттяри может показаться на первый взгляд созданной специально для нелитературного перевода, особенно, например, для перевода на промышленных предприятиях. Анализ конкретных примеров из практики переводчиков показал, что данная концепция может быть актуальной как для условий осуществления устного перевода, так и для литературного перевода (Snell-Hornby, 2006).

Таким образом, в коммуникативно-прагматическом подходе к переводу преобладает активная направленность на культурный, а не лингвистический трансфер. Определяющая роль принадлежит функции целевого текста, который рассматривается как важный элемент культуры. Перевод представлен как акт коммуникации, действие, «кросскультурное событие», в котором переводчик является активным деятелем, преодолевающим лингвоэтнический барьер. Переводчик является не пассивным трансформатором текста, а предстает в роли эксперта, профессионала, который становится активным участником коммуникативного процесса.

1.2.3. Переводчик как актер опосредованной коммуникации

Рассмотрение перевода как коммуникативного акта и переводчика как его активного участника порождает среди исследователей массу споров и дискуссий о роли личности переводчика в формировании межъязыковой / межкультурной интеракции. В настоящее время в работах, посвященных различным аспектам переводческой деятельности, просматриваются два противоположных мнения о переводчике как о «прозрачном» и «непрозрачном».

В отечественном переводоведении второй половины XX века утвердилось представление о том, что переводчик должен быть «прозрачным», то есть, чем больше в тексте перевода от оригинала и чем меньше от переводчика, тем лучше переводчик выполнил свою работу. Такое метафорическое сравнение было предложено Н. В. Гоголем, который рассматривал переводчика как «прозрачное стекло» (цитата по: Бузаджи, 2009, с. 20). Схожее метафорическое представление о роли переводчика прослеживается и в высказывании Н. Шапиро: «Я вижу перевод как попытку произвести текст настолько прозрачный, что кажется, будто он не был переведен. Хороший перевод подобен оконному стеклу. Вы замечаете, что оно есть только в том случае, если на нем есть небольшие дефекты – царапины или пузырьки. В идеале их не должно быть совсем. Оно не должно привлекать к себе внимания» (цитата по: Venuti, 2004, p. 1).

В. С. Модестов отмечает, что цель переводчика – свести к минимуму свое субъективное вмешательство в текст и максимально приблизиться к объективному смыслу переводимого им произведения. В отличие от обычного читателя, который, как правило, интуитивно определяет свое отношение к произведению и его персонажам, переводчик должен делать это обдуманно. От его интерпретационной позиции зависят мнение и суждение читателя об авторе подлинника; акт этот важный и очень ответственный перед автором оригинала и перед читателями (Модестов, 2006, с. 59, 63).

Данную мысль развивал М. Л. Лозинский, выдающийся русский и советский поэт, переводчик, один из создателей советской школы поэтического перевода. Он утверждал, что переводчик должен стараться как можно более отрешиться от самого себя, от собственных навыков и склонностей, чтобы во всей возможной чистоте воспроизвести оригинал, пользуясь для этого всеми средствами, которыми располагает его родной язык (цитата по: Фёдоров, 2002, с. 263). К. И. Чуковский указывает на то, что рецензентам, критикующим тот или иной перевод, необходимо обращать внимание не только на словарные ошибки, гораздо важнее уловить злостные отклонения от подлинника, которые органически связаны с личностью переводчика и в своей массе отражают её, заслоняя переводимого автора. Гораздо важнее найти ту доминанту отклонений от подлинника, при помощи которой переводчик навязывает читателю свое литературное «я» (Чуковский, 2008, с. 279).

Такое толкование переводческой деятельности представляется весьма логичным, так как основная задача переводчика заключается в максимально точной и полной передаче смысла, заложенного автором в исходном тексте. Однако не все исследователи разделяют мнение о том, что переводчик должен быть «прозрачным стеклом». Так, американский теоретик перевода Д. Робинсон полагает, что переводчик является отнюдь не нейтральной, беспристрастной переводческой машиной, и ни превращать его в такую машину, ни принуждать его видеть себя в такой роли ни в коем случае нельзя. Д. Робинсон утверждает, что личный опыт переводчика – его чувства, взгляды, мотивации, ассоциации – не только допустимый, но и необходимый элемент действенного текста перевода (Робинсон, 2007, с. 197).

Большое внимание уделяется проблеме «невидимости» переводчика в работе Л. Венути, известного американского переводчика, историка и теоретика перевода. В его исследовании «Невидимость переводчика: история перевода» (*The Translator's Invisibility: A History of Translation*) в фокусе внимания находится проблема сохранения идентичности автора в письменных переводах, так как «переведенный текст, будь то проза или поэзия,

художественная или научно-популярная литература воспринимается многими издателями, рецензентами и читателями при беглом прочтении вовсе не как перевод, а как оригинальный текст, если в нем отсутствуют языковые или стилистические особенности, что делает текст прозрачным, и в нем отражается личность иностранного писателя или его намерения или основной смысл иностранного текста» (Venuti, 2004, p. 1). По мысли Л. Венути, автор свободно выражает свои мысли и чувства в тексте, и это рассматривается как оригинальная и прозрачная репрезентация собственной личности, не опосредованная факторами (лингвистическими, культурными, социальными), которые могут затруднить восприятие самобытности автора (Venuti, 2004, p. 6-7). Показательным в этой связи представляется суждение известного американского переводчика У. Траска, который привел четкое разграничение между понятиями «быть автором» и «быть переводчиком». В одном из интервью У. Траск привел следующий пример: «Когда Вы пишете роман <...>, очевидно, что Вы пишете о людях или местах, о том или другом, но то, что Вы, в сущности, делаете – это выражаете себя. В то время как Вы переводите, Вы себя не выражаете. Вы демонстрируете технические умения. <...> Я полагаю, что переводчик должен обладать в некотором роде актерским талантом, так как и актер и переводчик берут у кого-то нечто и представляют это таким образом, как будто это принадлежит им. <...> Помимо технических способностей, перевод требует психологической выносливости, необходимой как, например, при игре на сцене» (цитата по: Hönig, 1985, p. 13-14). Сравнение переводческой деятельности с актерской присутствует и в высказывании Д. Робинсона о том, что переводчик скорее похож на актера или музыканта (исполнителя), нежели на диктофон (Robinson, 2004, p. 35).

Критикуя суждение некоторых теоретиков перевода о том, что «прозрачность» переводчика ведет к гладкописи, Д. М. Бузаджи приводит предположение о том, что если переводчик действительно «прозрачен», то гладким в его переводе окажется только то, что было гладким в оригинале, а все, что было в оригинале новаторским, индивидуально авторским,

квалифицированный переводчик будет стремиться передать в переводе столь же оригинальными, «шероховатыми» средствами (Бузаджи, 2009, с. 22-23), то есть стремится к идентичности плана выражения и плана содержания текста перевода плану выражения и плану содержания текста оригинала.

Проблема «прозрачности», «невидимости» переводчика получает широкое освещение при рассмотрении вопросов письменного перевода, в особенности перевода художественных текстов (М. П. Алексеев, С. Басснет, В. В. Виноградов, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, К. Ландерс, Н. М. Любимов, Ю. Л. Оболенская, П. М. Топер, К. И. Чуковский и т.д.). Вместе с тем, определение роли личности переводчика в устном переводе также представляется весьма важным. При рассмотрении аспектов устного перевода целесообразным представляется отойти от метафорических понятий «прозрачности» и «невидимости» и рассматривать действия переводчика как заметные либо незаметные, так как в устном общении переводчик всегда видим в силу своего физического присутствия.

Рассуждая о спорности роли переводчика в устном переводе, Р. Брюс задается вопросом, должен ли переводчик быть простым эхо либо советчиком и союзником. Должен ли сообщать клиенту о том, что было сказано шепотом, или же строго придерживаться текста (Bruce, 2002, p. 212). Другими словами, важным представляется то, насколько активным может и должно быть вмешательство переводчика в коммуникативный акт. Процесс перевода является трехсторонним обменом информации, но главными участниками общения являются отправитель и получатель, поэтому переводчик как одна из сторон, должен участвовать в общении таким образом, чтобы его присутствие было минимально заметным. Переводчик как участник межъязыкового общения заинтересован в его результативности, что диктует в некоторых случаях необходимость вторжения в коммуникацию, то есть стать заметным. Такая потребность может возникнуть в следующих ситуациях:

- если коммуниканты разговаривают одновременно (у переводчика нет возможности переводить поток речи обоих участников общения);

- если перевод осуществляется в течение слишком продолжительного времени, что вызывает переутомление и умственное напряжение;

- если коммуникант импровизирует во время речи, очень редко делает паузы и / или делает очень длинные паузы.

Преследуя свою основную цель – передать информацию максимально полно и точно, переводчик может становиться заметным в межъязыковой интеракции, если этого требует ситуация перевода. Переводчик вправе останавливать говорящего, если пассаж его речи слишком велик для восприятия и воспроизведения в переводе, переводчик может прерывать речь коммуникантов, если они говорят одновременно, переводчик может задавать уточняющие вопросы. Все действия должны быть предприняты переводчиком в интересах обоих коммуникантов, переводчик – человек посередине («*man in the middle*») (Bruce, 2002, p. 211-214), поэтому проявление симпатии к одной из сторон или мнению, выражаемому одной из сторон, не должно выражаться в коммуникации и отражаться на её результате.

От того, какой подход изберет переводчик быть незаметным или заметным, зависит, как справедливо указывает Д. М. Бузаджи, экстралингвистическое поведение беседующих. Так, профессиональный устный переводчик при переводе фразы, сказанной от первого лица, также использует первое лицо, тем самым он, по выражению Д. М. Бузаджи, выдает свой текст за оригинал, но остается при этом «невидимым». Коммуниканты воспринимают такую беседу, как если бы они вели диалог напрямую (Бузаджи, 2009, с. 24).

Таким образом, проблема роли переводчика представляется актуальной при рассмотрении процессов межъязыковой / межкультурной коммуникации. Переводчик как один из участников трехстороннего обмена информацией заинтересован в успехе коммуникации, и действия, предпринимаемые переводчиком, обусловлены стремлением достичь результативности общения. Переводчик не может быть невидимым в устном общении, он может и должен вмешиваться в коммуникацию, если этого требует ситуация, но переводчик

должен стремиться действовать так, чтобы общение воспринималось коммуникантами как одноязычное. Переводчик должен максимально придерживаться позиции автора оригинального текста, стараясь не исказить смысл и не высказывать свое личное мнение.

1.2.4. Перевод как интеракция в «третьем пространстве»

Спектр взглядов на роль личности переводчика в межкультурной и межъязыковой интеракции непрерывно расширяется. Это объясняется многообразием переводческой деятельности, а также связано с развитием антропологической парадигмы в лингвистических и переводоведческих исследованиях. По меткому замечанию Л. М. Алексеевой, «перевод в настоящее время стал таким видом коммуникации, содержанием которого является индивидуальное понимание текста переводчиком, то есть предмет перевода становится личностно-ориентированным» (Алексеева, 2002, с. 7). Интерес представляет то, как личностные и профессиональные качества переводчика способствуют либо препятствуют формированию успешной интеракции. В процессе осуществления перевода в сознании переводчика формируется уникальная переводческая картина мира, формой проявления которой, по выражению Л. В. Кушниной, является переводческое пространство (Кушникова, 2011, с. 82). В результате осмысления и перевыражения смыслов высказываний коммуникантов переводчик преобразует коммуникативную ситуацию, транспонируя её в успешное межъязыковое и межкультурное взаимодействие.

Анализируя различные аспекты переводческой деятельности, исследователи выделяют разные специфические параметры личности переводчика, стремясь понять её сущность. В конце 70-х годов XX века сформировалось представление о переводчике как кондукторе, связующем звене, точно передающем значение исходного сообщения (Reddy 1979, Seleskovitch & Lederer 1978, Weber 1980). Существовало мнение, что у сообщения есть только одно значение, и это значение может быть передано линейно. Метафора

«конduit» была впервые использована М. Редди (1979), который описывал межъязыковую коммуникацию как «передачу сообщения», «отправление неверного сообщения» и т.д. Позже термин «конduit» был использован в работах К. Ластер и В. Л. Тейлор (Laster, Taylor, 1994, p. 114). С помощью такого сравнения исследователи характеризовали требование дословного перевода, предъявляемое к судебному переводчику: «Переводчик как conduit должен быть прямым каналом коммуникации между стороной и допрашивающим лицом. Переводчики обязаны представлять буквальный перевод с одного языка на другой <...> Для того, чтобы суд мог дать объективную оценку данным, представляемым стороной, не владеющей английским языком, переводчик должен предоставить полный и точный перевод на английский язык. Точность обеспечивается за счет буквализма» (Там же).

Социолингвистические исследования показали, что представление о переводчике как о кондуите не является верным (Berk-Seligson 1990; Metzger 1999; Roy 1989; Wadensjö 1995, 1998). На практике во время опосредованного переводом коммуникативного события происходит взаимодействие между участниками интеракции и переводчиком. Коммуниканты могут обращаться к переводчику с просьбами «Спросите его / её о том...», «Скажите ему / ей, что...» и т.д., то есть в процессе коммуникативного события коммуникант может адресовать свои сообщения не только своему партнеру по общению, но и переводчику, то есть взаимодействие происходит между всеми тремя сторонами общения (<http://www.youtube.com/watch?v=sAjY7q-XFIM>). В опосредованном переводом коммуникативном событии также как и в одноязычном происходит обмен идеями, мыслями, знаниями. Каждый из участников обладает определенной информацией, которую он хочет передать своему собеседнику, зная, что эта информация вызовет у него некую реакцию, а также, что у собеседника есть информация, которую он хочет сообщить. Переводчик обладает знанием языков и культур, которым не владеют участники общения. В этой связи, интересным представляется суждение

С. Н. Плотниковой о сущности переводческой деятельности: переводчик «призван заменить собой отсутствующую у коммуниканта языковую личность и тем самым обеспечить ему возможность взаимодействия с собеседниками в данном коммуникативном пространстве» (Плотникова, 2008, с. 38), выступая при этом как трансляционная личность.

Трансляционная личность переводчика является результатом интеграции первичной и вторичной языковой личности под воздействием требований профессиональной ситуации. Переводчик является одним из участников трехсторонней коммуникации, и несомненный интерес вызывает то, как сам переводчик, центральное соединяющее звено в межъязыковой коммуникативной цепочке, взаимодействует с участниками коммуникативного события, и как его решения и действия влияют на процесс и результат интеракции. Переводчики видят и определяют свою роль в межкультурной коммуникации определенным образом, но несомненную значимость для понимания формирования акта опосредованной коммуникации представляет то, как на практике переводчики выполняют эту роль в процессе межъязыковой интеракции.

С. Рой, переводовед, профессор кафедры устного перевода Галлодетского университета (Вашингтон), в своем исследовании, посвященном рассмотрению различных ситуаций межкультурной коммуникации, придает особое значение метафоричности высказываний, которые используют практикующие переводчики для описания своей деятельности. С. Рой указывает на то, что переводчики, чтобы объяснить, что именно они делают в процессе перевода, регулярно используют такие метафоры как *канал (channel)*, *машина (machine)*, *телефон (telephone)*, *окно (window)* или *мост (bridge)* (Roy, 2001).

В исследованиях К. В. Анжелелли, практикующего переводчика, профессора кафедры устного перевода государственного университета Сан-Диего, акцентируется внимание на роли переводчика как языкового посредника в межкультурной коммуникации. В её работе «К вопросу о роли устного переводчика» (Revisiting the Interpreter's Role, 2004) поднимается важный

вопрос, как переводчику нужно вести себя в коммуникации для того, чтобы быть менее заметным. Некоторые переводчики, по замечанию К. В. Анджелелли, полагают, что требование к переводчику быть незаметным в коммуникации является оправданным, в то время, как другие считают, что играют значимую видимую роль. Затруднительное положение видимого переводчика, от которого требуют быть невидимым (*парадокс устного переводчика* по выражению М. Метцгер, 1999) вызывает главный вопрос: устойчивы ли устные переводчики к социальным факторам или существуют определенные отношения между социальным опытом переводчика и тем, как он воспринимает свою роль (Angelelli, 2004, p. 3).

Для того чтобы понять, как сами переводчики определяют свою роль в межъязыковой коммуникации, К. В. Анджелелли провела интервью с переводчиками, работающими в медицинской сфере (Angelelli, 2004). По замечанию К. В. Анджелелли, многие переводчики используют метафоры для описания своей работы, которые особенно ярко подчеркивают видимую, инициативную роль переводчика. Переводчики, работающие в медицинской сфере, сравнивают свою работу с работой *детектива*, который ищет необходимый ответ, работой *рудодкопа*, когда переводчику приходится «выкапывать», «добывать» информацию у пациента, и с работой *оценщика алмазов*, которому нужно отличить драгоценный камень от обычного, когда переводчик нужно определить, что из сказанного пациентом, представляет нужную информацию (<http://www.youtube.com/watch?v=sAjY7q-XFlM>).

Как отмечают М. В. Загидуллина и Л. А. Нефёдова, с одной стороны, личность переводчика должна как можно меньше отражаться на продукте его деятельности, а с другой, креативный, то есть личностный характер перевода не может ставиться под сомнение (Загидуллина, Нефёдова, 2011, с. 4-7).

К. В. Анджелелли предлагает модель видимого переводчика, в которой представлены все социальные и культурные факторы, которые позволяют переводчику соучаствовать в конструировании интеракции вместе с другими соучастниками. К. В. Анджелелли полагает, что видимость переводчика

реализуется «в его глубоких знаниях о статусе, солидарности, гендере, возрасте, расовой и этнической принадлежности, национальности, социально-экономическом статусе, а также культурных норм и отпечатков тех социальных факторов, которые переводчик использует для конструирования и интерпретации действительности». Переводчик, по мысли К. В. Анджелелли, демонстрирует не только знание языков, но и способность к переключению с одного языка на другой и способность руководить сменой ролей в коммуникации (Angelelli, 2004, p. 4-5).

Существенное влияние на исследования многих переводоведов, занимающихся рассмотрением вопросов устного перевода и в частности коммуналного перевода оказали работы С. Ваденсьо, профессора кафедры теории и практики перевода Стокгольмского университета. По мысли С. Ваденсьо, устный переводчик принимает участие в *социальной ситуации*, в которой у него есть уникальная возможность понимать все сказанное, но также и уникальная возможность контролировать и координировать интеракцию. С. Ваденсьо рассматривает не только переводчика, но и опосредованное переводом коммуникативное событие в целом. Как замечает исследователь, необходимо обратить пристальное внимание на два важных аспекта деятельности переводчика: действия переводчика необходимо анализировать как 1) *передачу/ретрансляцию (relaying)* или *перевод (translating)* и 2) как *координирование (coordinating)* или *медиацию/посредничество (mediating)*. Эти аспекты *существуют одновременно, и один аспект не исключает другого*. Как указывает С. Ваденсьо, данные аспекты обуславливают друг друга, то есть не должен возникать вопрос, является ли переводчик переводчиком, ретранслятором или координатором и посредником, он является одновременно и тем и другим (Wadensjö, 1995).

Такой взгляд С. Ваденсьо на ситуацию устного перевода нашел отражение в модели «триадического обмена», предложенной Я. Мейсоном (Mason, 2001). Как пишет Б. Муди, «Так как переводчик является единственным участником триады, который понимает язык и культуру обоих

главных участников общения, только он может наилучшим образом осуществлять посредничество в этом обмене таким образом, чтобы были достигнуты цели участников общения» (Moody, 2007, p. 190).

Х. Теббл предпринимает попытку исследовать характеристики коммуникантов с точки зрения дискурс-анализа (Tebble, 2004). Он подчеркивает важность учета социальных ролей и статусов коммуникантов, временными или постоянными являются отношения между ними, степень формальности, которой придерживаются коммуниканты в общении. Рассматривая ситуации коммунального перевода, в частности в медицинской сфере подчеркивает, что переводчик «не просто конduit, а реальный человек в триаде, без которого консультация едва ли может состояться». Роль переводчика заключается в том, чтобы полностью передать сообщение, обращать внимание на нюансы межличностных особенностей, содержащихся в сообщениях доктора и пациента (Там же, p. 48).

Знание ситуации, включая интересы коммуникантов, цепь их рассуждений, точки зрения, желания, слабые стороны и т.д. увеличивает шансы на более точное понимание высказываний говорящего. Такое более широкое и глубокое понимание является существенным плюсом при разрешении трудностей, возникающих при переводе, понимание позволяет преодолевать или обходить многие языковые препятствия в интеракции (Gile, 2009, p. 88).

Как пишет М. Л. Макаров, «интеракционная модель предполагает сильную ситуативную привязанность, что может выражаться в учете невербальных аспектов коммуникации и деятельности в целом, в использовании широкого социально-культурного контекста. <...> Зависимость от кода в интеракционной модели меньше, но роль общих значений остается высокой, хотя и происходит перенос приоритета от конвенций языковых к конвенциям социокультурным» (Макаров, 2003, с. 39-40).

Восприятие и понимание любых событий, как справедливо замечает Ю. О. Швецова, «происходит не в вакууме, а в рамках сложных социальных и ситуативных контекстов» (Швецова, 2012, с. 278), поэтому устному

переводчику для интерпретирования исходного сообщения необходимо «обладать общими экстралингвистическими знаниями, тематическими экстралингвистическими знаниями конкретной ситуации профессиональной коммуникации, а также экстралингвистическими знаниями о ситуативном контексте коммуникации» (Там же). Переводчик, не являясь специалистом в узкоспециальных или узкопрофессиональных областях, в рамках которых осуществляется коммуникация, должен обладать, по меньшей мере, общим видением ситуации. Экстралингвистические знания, необходимые для этого, как пишет Ю. О. Швецова, характеризуются «относительной пороговой глубиной, достаточной для понимания и передачи смысла высказывания». Автор определяет данный тип знаний как «профессиональную эрудицию устного переводчика» (Там же, с. 279). Расширение профессиональной эрудиции устного переводчика связано с повышением общего уровня его профессиональной культуры. Основным принципом переводческой деятельности, как пишет Д. Жиль, заключается в том, что переводчик может перевести лишь то, что понимает или ощущает (Gile, 1995, p. 86), соответственно, перевод возможен только при условии наличия определенного уровня профессиональной эрудиции устного переводчика, которая позволяет интерпретировать исходное сообщение для последующей передачи его смысла на другом языке (Швецова, 2012, с. 282).

Основные трудности межъязыкового взаимодействия, как указывают Э. Ю. Новикова и С. Р. Хайрова, связаны с преодолением различий в языковых и культурных кодах. В устном переводе задачи, решаемые переводчиком, осложняются необходимостью учета культурно обусловленных особенностей вербального и невербального поведения коммуникантов и оперативно принимать решения в тех случаях, когда различия социокультурных кодов препятствуют успеху коммуникации. Переводчикам как специалистам, обеспечивающим взаимопонимание в многомерном, подчас конфликтном пространстве двух языков и культур принадлежит ведущая роль в медиативной деятельности (Новикова, Хайрова, 2007, с. 131).

Рассмотрение перевода как посредничества наблюдается во многих работах отечественных авторов. В широком смысле посредничество, как отмечает В. В. Андреев, заключается в «миротворческом вмешательстве третьей стороны в конфликтные отношения сторон с их согласия, занятие переходной позиции между конфликтом и его исходом, содействие поиску взаимовыгодного решения спорных вопросов в трехсторонних переговорах» (Андреев, 1999).

Посредническая составляющая переводческой деятельности требует высокого уровня развития его медиативной компетенции в области устного перевода. Общая медиативная компетенция устного переводчика, позволяющая ему успешно осуществлять профессиональную деятельность, предполагает следующие частные компетенции: информационно-поисковую, психокогнитивную, коммуникативную (включает языковую, речевую, культурную, дискурсивную, предметную, компенсаторную), операциональную и экзистенциальную (Новикова, Хайрова, 2007, с. 131).

Среди базовых компетенций устного переводчика выделяют также прагматическую, социолингвистическую, социальную, стратегическую компетенции. Высокий уровень сформированности базовых компетенций необходим переводчику для осуществления полноценного взаимодействия иноязычных, инокультурных коммуникантов. Исследователи отмечают важность сформированности как всех компетенций для осуществления перевода, так и придают особый акцент определенным компетенциям. Так Ю. О. Швецова и Е. В. Аликина уделяют особое внимание формированию экстралингвистической компетенции устного переводчика, так как устный последовательный перевод, по определению авторов, представляет «собой сложный интеллектуальный процесс звуковой вербальной передачи устного сообщения в условиях билингвальной коммуникации, что сопровождается переработкой и сопоставлением поступающей из социокультурного контекста информации с накопленными лингвистическими и экстралингвистическими знаниями переводчика» (Швецова, Аликина, 2012). Владение

экстралингвистическими знаниями, по утверждению Е. В. Аликиной, является одной из важных характеристик профессиональной языковой личности переводчика, наряду с такими свойствами, как мультилингвальность, поликультурность, социоцентричность, толерантность, элитарность, устойчивость установок и оценок, владение переводоведческой терминологией и тезаурусом переводоведческого дискурса, обладание переводческим мировоззрением (Аликина, 2014, с. 17). Экстралингвистическая компетентность устного переводчика рассматривается Ю. О. Швецовою и Е. В. Аликиной как «интегративное качество специалиста, отражающее его готовность и способность оперативно осуществлять переработку и усвоение новой экстралингвистической информации, релевантной для конкретной ситуации устного перевода, а также эффективно актуализировать имеющийся запас экстралингвистических знаний в соответствии с намерениями отправителя и потребностями получателя сообщения, с целью успешного осуществления межкультурного взаимодействия» (Швецова, Аликина, 2012).

Я. Б. Емельянова подчеркивает важность лингвострановедческой компетенции переводчика, под которой понимает «совокупность страноведческих фоновых знаний, а также знание национально-культурной специфики лексического состава языка, позволяющих ассоциировать с лексической единицей ту же информацию, что и носители этого языка, а также владение соответствующими навыками, умениями и личностными качествами, необходимыми переводчику для эффективного осуществления межъязыкового и межкультурного посредничества» (Емельянова, 2010, с. 84).

А. Б. Бушев выделяет коллоквиальность как важную составляющую профессиональной языковой личности переводчика, так как естественность и спонтанность общения и перевода предполагает свободное и активное владение жанрами устной речи, предполагающими коллоквиальность (Бушев, 2010, с. 84). «Выявленная специфика устно-порождаемых бессоюзно сопряженных конструкций объясняется стремлением говорящего строить свою речь в соответствии с определенными условиями ситуации общения и добиваться

достижения коммуникативных целей, используя преимущества спонтанного речепроизводства» (Поликарпов, 2012, с. 85). При этом А. Б. Бушев также выделяет эмоциональную и креативную компетенции (Бушев 2010), которые обретают особенную важность при осуществлении устного последовательного перевода. В этой связи, актуальным представляется суждение Д. Жилья о том, что во время перевода, если переводчик не был заранее ознакомлен с текстом речи, всегда ожидаема неожиданность. Д. Жиль подчеркивает фактор неопределенности в устном переводе: «речь может быть в целом понятной, но профессиональная этика требует от переводчика способности адекватно преодолевать трудности, которые могут возникать, даже если появляются один раз в 2000, 3000 или 10000 слов» (Gile, 2009, p. 86). При рассмотрении данного аспекта устного перевода интересно замечание Е. В. Аликиной, которая считает целесообразным добавить такие черты личности переводчика, как *переводческая интуиция* (эвристическая догадка, чувство языка, межкультурная чуткость) и *переводческая эрудиция* (Аликина, 2013, с. 13-15). Интересную метафору приводит Д. Жиль для описания деятельности переводчика: переводческую деятельность «можно сравнить с ситуацией, когда начинающие альпинисты взбираются на трудный подъем. Пока они еще полны сил и гора сухая, у них не возникает особых проблем, но в случае, если неожиданно падает температура или начинается снежная буря или возникают неожиданные технические трудности, то знания начинающих альпинистов могут оказаться недостаточными для того, чтобы обеспечить безопасное восхождение, в то время как более опытные альпинисты, у которых уровень технической подготовки выше, могут успешно преодолеть препятствия» (Gile, 2009, p. 86-87). Переводчику необходимо обладать рефлексивными умениями, которые обеспечивают способность находить оптимальное решение возникшей проблемы через интеграцию собственного предшествующего практического опыта, теоретических и профессионально ориентированных знаний и общей экзистенциальной компетенции (Королькова, 2014b).

В процессе межкультурной коммуникации, как справедливо замечает Е. Р. Поршнева, устный переводчик выполняет различные функции. Е. Р. Поршнева включает в ролевой репертуар устного переводчика следующие роли:

– «межкультурный посредник» – переводчик обеспечивает коммуникацию (взаимопонимание) представителей разных культур;

– «потребитель / интерпретатор» – переводчик интерпретирует речевое поведение участников межкультурной коммуникации, объясняет ситуацию общения;

– «производитель» – переводчик конструирует и производит текст на языке перевода;

– «практический психолог» – переводчик корректирует свое речевое поведение, учитывая межличностные отношения, психологическое состояние и психологические реакции участников межкультурного общения;

– «организатор» – переводчик организует условия для своей работы, приспосабливается к условиям и виду перевода;

– «исследователь» – устный переводчик собирает информацию по тематике перевода и проводит предварительные терминологические исследования (опрос специалистов, подбор и изучение необходимой литературы, сопоставление терминологических систем);

– «адаптатор» – переводчик адаптирует текст сообщения для понимания его представителями другой культуры;

– «корректор» – переводчик проводит корректорскую правку своего текста, отслеживая реакцию слушающих (Поршнева, 2002, с. 51-52).

Функции, выделяемые Е. Р. Поршневой в деятельности профессионального переводчика, наглядно демонстрируют то, как переводчик осуществляет устный перевод. Отметим, что в процессе коммуникации эти функции могут выполняться переводчиком как одновременно, например роли «организатора» и «практического психолога», «производителя» и «корректора», так и последовательно, например функции «исследователя»

переводчик выполняет непосредственно во время подготовки к переводу. Нельзя не согласиться с утверждением Е. В. Аликиной о том, что «разные виды и ситуации устного перевода выдвигают на первый план различные, иногда противоречивые переводческие функции» (Аликина, 2010, с. 69).

Процесс перевода подразумевает взаимодействие с носителями разных языков и культур. Диалог языков и культур происходит как на рецептивном, так и на продуктивном уровнях. Все компоненты дискурса в устном переводе также носят билингвальный характер. В связи с отмеченным выше переводчику необходимо быть билингвом, однако его профессиональная компетенция не сводится только к владению двумя языками. Билингвальность личности переводчика носит особый характер, предполагает иное знание родного и иностранного языков, иной способ когнитивной обработки данных, что приводит к изменениям в языковом сознании переводчика, а, следовательно, к формированию особого типа языковой личности. Другими словами, «языковая личность переводчика не есть закономерный этап развития вторичной языковой личности» (Волкова, 2012, с. 198), она возникает в контексте профессиональной деятельности, формируется в результате выполнения социальной миссии и является автономной (Тарнаева, 2008, с. 17).

Билингвизм является сложным, системным, внутриличностным образованием, включающим в себя как новую языковую систему, так и умение использовать её в ситуации общения. Как указывает Т. С. Серова, в данной системе представлены ситуативные значения и смыслы, а также широкие общекультурные представления и картина мира (Серова, 2010, с. 44-46).

В понимании Е. В. Аликиной личность переводчика – это «профессиональная языковая личность межкультурного и межъязыкового посредника, который обладает следующими чертами: создает универсальное мыслительное пространство, аккумулирующее мысли других языковых личностей; является сбалансированным билингвом; выступает носителем элитарной речевой культуры; на основе эмпатии проявляет себя множеством других дискурсивных личностей; руководствуется заданными извне мотивами

и замыслами; выстраивает свое речевое и невербальное поведение в соответствии со стратегиями, обеспечивающими максимально положительный коммуникативный эффект, и осознанием возможных рисков, а также в пределах профессиональных этико-деонтологических норм» (Аликина, 2014, с. 17).

Перевод является явлением социальным. Ситуация перевода возникает, когда два человека, у которых есть определенные интенции и ожидания, вступают в разговор через переводчика. В этом заключается основная суть человеческой коммуникации, и в этом основное событие перевода. В изучении перевода как профессиональной деятельности центральным понятием является интеракция, так как интеракция и присутствие переводчика определяют коммуникативное событие (Roy, 2000, p. 122). Для понимания процесса перевода важным также является осознание того, что все трое участников общения (коммуниканты и переводчик) являются частью процесса интеракции и частью понимания того, как этот процесс происходит. Переводческое событие – это речевое взаимодействие трех людей, каждый из которых активно способствует направлению и результату события. Важным для понимания процесса перевода является учет всех трех участников интеракции. Как красноречиво отмечает С. Ваденсьо, перевод – это коммуникативный *танец троим (pas de trios)* (Wadensjo, 1998, p. 12).

Широкий спектр разнообразных компонентов различных ситуаций перевода предъявляет совершенно разные требования к переводчику (Angelelli, 2000, p. 580-581). В рамках коммуникативного события все составляющие его речевые акты оказываются связанными единой целью. «Преследуя частные коммуникативные цели, каждый акт дискурсивного события выступает как стратегическое средство, используемое для решения общей коммуникативной задачи, и только в рамках этого события приобретает смысл» (цитата по: Герман, 2012, с. 28).

Модели дискурсивных событий выступают для участников общения в качестве когнитивных «структур ожидания», с помощью которых человек адаптируется к бесконечному разнообразию реальной коммуникации

и избирает дискурсивные стратегии в каждом конкретном её эпизоде. Другими словами, «у человека в памяти есть инварианты для каждого типа интеракции и знания о принципах их варьирования. Вот почему для профессионального переводчика так важно постоянно развивать дискурсивную и текстотипологическую компетенции (Цурикова, Гришаева, 2007, с. 144). Существует различие в коммуникативных ценностях, в понимании того, как должна протекать коммуникация, какой коммуникативный стиль должен быть выбран. Современному человеку приходится сталкиваться с бесчисленным разнообразием коммуникативных ситуаций, и поэтому он нуждается в когнитивных механизмах, которые позволяют ему обрабатывать новую информацию, постоянно трансформируя свою лингвокультурную идентичность. Трансформацию лингвокультурной идентичности обеспечивают компоненты из периферийных частей структуры идентичности, которые являются результатом индивидуального лингвокультурного опыта индивида, то есть знания, которые формируют индивидуальное когнитивное пространство личности. В результате трансформации личность осваивает новые варианты моделей дискурсивной деятельности, характерные для иной культуры или субкультуры (Герман, 2012, с. 33-34). Культурно обусловленные различия в моделях дискурсивной деятельности оказывают существенное влияние на процесс взаимодействия и могут стать причиной нарушения взаимопонимания и ухудшения межличностных отношений (Там же, с. 35).

Цели общения разнообразны и индивидуальны для каждого из его участников. Цель встречи в понимании одного участника может разительно отличаться от цели в понимании другого участника. Один участник может прийти на встречу для того, чтобы выразить жалобу, в то время как другой для того, чтобы избежать принятия ответственности за сложную ситуацию. Оба участника могут даже иметь вторичные причины встречи. Например, участник, выражающий жалобу, может в конечном итоге хотеть руководить следующим проектом. Коммуниканты преследуют особые интеракционные цели, и общение является способом достижения этих целей (Roy, 2000, p. 46).

Выбор тех или иных средств для достижения заданной цели в конкретных условиях общения рассматривается как реализация определенной стратегии в дискурсе. Выбор дискурсивных стратегий зависит от того, как коммуниканты оценивают ситуацию общения. Характер этой оценки обусловлен социокультурными факторами и зависит от принятых в той или иной лингвокультуре ценностных ориентаций, установки верований (Герман, 2012, с. 28-29). В результате обработки обобщенной коммуникативно значимой информации, полученной из всего предшествующего дискурсивного опыта, в сознании индивида складываются «прототипические когнитивные модели (схемы или скрипты) коммуникативных ситуаций» (Цурикова, 2004, с. 69-70), репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами. В этих моделях представлены обусловленные параметрами ситуации общения коммуникативные ожидания её участников относительно того, что должно или может произойти в её рамках с интерактивной и языковой точки зрения. Эти коммуникативные ожидания детерминированы представлениями и знанием участников о том, как необходимо поступать и как другие обычно поступают в данных стереотипных ситуациях, и это «обуславливает автоматичность, характерную для действий человека, когда сознание (которое не всегда подконтрольно) отвлекается от второстепенных мысленных событий» (Там же). При рассмотрении опосредованной коммуникации, большой интерес вызывает не только то, какими представлениями обладают участники коммуникации, носители разных языков и разных культур, о том, как нужно себя вести в определенных стереотипных ситуациях, но и то, какими знаниями обладает переводчик, как он реализует свою профессиональную компетенцию для осуществления своей посреднической деятельности. Отклонение коммуникативного поведения одного из участников от диапазона возможных вариантов обычно приводит к сбою в общении, поскольку ставит других участников в затруднительное положение, вызванное необходимостью поиска новой стратегии для продолжения интеракции (Гришаева, 2007, с. 144). В таких случаях задача

переводчика, занимающего в коммуникации положение «человека посередине», заключается в том, чтобы уловить и верно интерпретировать отклонение коммуникативного поведения участника / ов межъязыкового общения, и выбрать и применить такую коммуникативную стратегию, использование которой позволило бы повернуть общение в нужное русло и продолжить взаимодействие партнеров по коммуникации.

Знание ценностных приоритетов коммуникативного поведения, характерных для культур, носителями которых являются участники межъязыковой интеракции, обеспечивают переводчику возможность устанавливать причинно-следственные связи между действиями, совершаемыми коммуникантами и мотивами этой деятельности. Именно переводчик в конфликтных интеракциях при несовпадении горизонтов ожидания коммуникантов должен принимать на себя активную роль в речевом взаимодействии (Roy, 2000, p. 46). «Совершенно очевидно, что обязательной составляющей языковой личности переводчика, приобретающей особую значимость в условиях поликультурной и полиэтнической среды, является толерантность, предполагающая не только умение видеть и понимать «другую» культуру через призму своей собственной культурной идентичности, но и транслировать это умение посредством своей профессиональной деятельности представителям принимающей линвокультуры» (Серебрякова, Серебряков, 2012а, с. 99).

Д. Хаймс (Hymes, 1974) отмечал, что речевые события часто ситуационны; коммуниканты знают, когда событие начнется и когда закончится. В ситуациях перевода существуют два вида ограничений. Во-первых, ситуации перевода, как и любые дискурсивные события, детерминированы языковым сообществом – другими словами, большинство ситуаций перевода являются стандартными событиями, протекающими в одной из социосфер общения (культурной, деловой, производственной и т.д.). Во-вторых, что еще более важно, ситуации перевода ограничены присутствием переводчика. В момент присутствия переводчика, коммуникативное событие

обретает новую форму. Если переводчик уходит, событие меняется. Присутствие переводчика подчеркивает особенность ситуации. Каждый коммуникант воспринимает присутствие переводчика по-своему. Некоторые испытывают облегчение в присутствии переводчика, так как это гарантирует, что вся информация или наиболее важная её часть будет передана в переводе. Для других коммуникантов присутствие переводчика может казаться непривычным и вызывать дискомфорт и в некоторых случаях раздражать, так как присутствие переводчика кажется вторжением, чем-то лишним. Более того, коммуниканты часто делают вид, что не замечают переводчика и игнорируют его присутствие. Но именно перевод и переводчик делают межъязыковую интеракцию возможной и, что более важно, присутствие переводчика преобразует интеракцию, изменяя ожидания и предположения коммуникантов о том, каким образом протекает коммуникативное событие (Roy, 2000, p. 47). Переводчик – это участник, вовлеченный в интеракцию, который имеет определенные права и ответственности за коммуникативный процесс. Переводчик принимает на себя определенную ответственность за коммуникацию и позволяет её другим участникам брать на себя другие ответственности. Суть перевода заключается в ответственности переводчика за процесс коммуникации (Там же, p. 123).

Осуществляя перевод, переводчик создает и формирует новое для коммуникантов пространство. В настоящее время переводческое пространство трактуется как «концепт, представляющий собой некий межъязыковой и межкультурный смысловой континуум, в который погружается текст оригинала и в котором разворачивается порождение текста перевода» (Кушникова, 2011, с. 82). Каждый субъект коммуникации, переводчик, адресат и адресант, по представлению Л. В. Кушниковой, наполняет текст собственной энергией, выступающей внешним фактором по отношению к тексту (Там же). Суть переводческого пространства состоит в том, что каждое поле становится источником разнородных смыслов, а задача переводчика заключается в согласовании, гармонизации смыслов. Гармония, по определению

С. С. Назмутдиновой, выступает целью перевода и представляет собой высший уровень системы оценки качества перевода, лингвистическим механизмом репрезентации которого является категория значимости (Назмутдинова, 2008). Гармония является равноправной переводческой категорией, дополняющей существующие категории адекватности и эквивалентности (Кушникова 2009; Назмутдинова 2008).

Создание коммуникативного пространства, комфортного для обеих сторон межъязыкового общения, является сложной, комплексной задачей. Каждый из коммуникантов обладает своим коммуникативным пространством, которое может быть / казаться специфичным в представлении и понимании инокультурного собеседника. Задача переводчика заключается в создании нового пространства, в котором происходит пересечение и наложение полей пространств интерактантов.

1.3. Дискурс как сфера деятельности профессиональной языковой личности переводчика

Многоплановый, сложный характер межъязыковой коммуникации требует полного понимания конвенциональности действий переводчика как субъекта коммуникации, обусловленности его решений, принятых для порождения текста путем развертывания в языке перевода мысли, заложенной адресантом в исходном тексте. В конкретной ситуации межъязыкового общения действия переводчика объединены в общий сложный комплекс действий, определяемый конститутивными компонентами коммуникации, при этом основная цель переводчика – сделать процесс общения комфортным, эффективным, максимально соответствующим ожиданиями коммуникантов.

Формирование языковой личности профессионального переводчика носит сложный комплексный характер. Профессия оказывает существенное влияние на сознание и речевую организацию индивида, определяет нормы поведения, формирование лексикона в процессе переработки информации. Важным представляется замечание С. И. Агаюловой о перераспределении единиц ядра лексикона и его периферии у профессиональной языковой личности: так, «у историка основная часть терминологической лексики математика расположена на периферии ассоциативно-вербальной сети, тогда как термины узкопрофессионального употребления сферы математики хранятся ближе к центру ядра лексикона профессионального математика, и наоборот» (Агаюлова, 2013, с. 392). Формирование «картины мира» профессионала напрямую зависит от особенностей его профессиональной деятельности, так как именно профессия определяет и порождает термины и концепты, профессиональные подязыки, посредством которых выражаются «картины мира» (Петренко, 1997, с. 38). В этой связи значимым представляется суждение А. А. Леонтьева о понятии профессионального образа мира, которое отражает тот факт, что «наше знание о мире неразрывно связано с нашей деятельностью в мире, нашим диалогом с миром» (Леонтьев, 1993, с. 273). Сфера

профессиональной деятельности индивида обуславливает возникновение в его сознании определенных ассоциативных реакций и направление абдуктивного поиска. Перевод по определению Д. Робинсона представляет собой интеллектуальную деятельность, которая включает комплекс процессов осознанного и бессознательного познания (Robinson, 2004, p. 49). Специфика профессиональной деятельности переводчика заключается в необходимости быть своего рода «универсальным солдатом», готовым осуществлять перевод текста / речи практически любой предметной области. То есть, следуя логике рассуждения С. И. Агаюловой, на периферии ассоциативно-вербальной сети переводчика должна постоянно храниться основная часть терминологической лексики широкого круга специалистов, которая при подготовке или осуществлении перевода текста / речи заданных тематики, жанра и стиля переходит в ядро лексикона переводчика. То есть ядро лексикона профессионального переводчика при переводе текста иного жанра, стиля насыщается новыми лексическими единицами, как переходящими с его периферии, так и «заимствованными извне». Профессиональное языковое сознание переводчика складывается из теоретических, научных представлений, ценностных и индивидуализированных представлений, которые взаимодействуют друг с другом и формируют личностные профессиональные доминанты. В языковом сознании переводчика образуются особые «картины мира», своего рода «слепки» картин мира, сформированных в сознании профессионалов другой сферы деятельности. Перевод всегда подразумевает *разумное* поведение, даже в тех случаях, когда кажется, что поведение неосознанно. Перевод является сложным процессом, требующим оперативного многоуровневого анализа семантических полей, синтаксических структур, социальных и психологических характеристик участников общения, их культурных различий (Robinson, 2004, p. 50). Способность верно и быстро переводить является результатом познавательной деятельности переводчика, опыта, хранимого в его памяти. Особенность языкового сознания переводчика заключается в его гибкости, способности переключения и перевода мыслей и

образов из долгосрочной памяти в среднесрочную, что позволяет переводчику активно использовать накопленный опыт в момент перевода (Там же, р. 51-55). «В ряду лингвокультурных типажей выделяются профессиональные типажи – обобщенные узнаваемые образы носителей определенной лингвокультуры, являющихся представителями определенной профессии и ведущих себя в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к ним в рамках соответствующего коммуникативного сообщества» (Гуляева, 2009, с. 4).

Анализируя специфику формирования профессиональной языковой личности, С. Л. Мишланова относит к ее основным характеристикам следующие:

- социальная полифункциональность, то есть способность к актуализации нескольких социальных ролей (среди которых обязательно присутствует профессиональная роль, осуществляемая благодаря формированию научной картины мира в сознании носителя языка);

- формирование научной картины мира в процессе образования (обучения), причем само формирование научной картины мира представляет собой континуум последовательных переходов от наивной к научной картине мира, обуславливающей многомерность сознания носителя языка;

- деятельность в специальной (профессиональной) сфере, которая формируется по мере освоения научной картины мира; в результате носитель языка способен осуществлять профессиональную деятельность разной степени сложности (Мишланова, 2001).

Выделяемые характеристики при соотнесении с языковой личностью профессионального переводчика требуют уточнения и дополнения. Так, вопрос о способности актуализировать несколько социальных ролей, является дискуссионным и вызывает споры, как теоретиков, так и практикующих переводчиков. В практической деятельности переводчика наблюдаются случаи, когда он действительно сталкивается с необходимостью исполнения нескольких ролей, связанных с посреднической составляющей переводческой деятельности, но основная его роль – профессиональная.

Формирование научной картины мира переводчика имеет двунаправленный характер: во-первых, переводчик осваивает картины мира коммуникантов, для которых он осуществляет перевод; во-вторых, как носитель профессиональной языковой личности переводчик постоянно совершенствует профессиональные навыки, расширяя горизонты своей «картины мира», то есть картины мира переводчика как профессионала.

Рассматривая последнюю из характеристик языковой личности профессионала, выделяемых С. Л. Мишлановой, а именно способность осуществлять профессиональную деятельность разной степени сложности, отметим, что профессиональный переводчик должен уметь переводить тексты различной жанровой принадлежности, то есть обладать развитой текстотипологической компетенцией. С. А. Королькова понимает под текстотипологической компетенцией «умение распознавать и производить тексты различных типов в соответствии с ситуацией общения и коммуникативной задачей» (Королькова, 2013b, с. 101). Л. А. Милованова также акцентирует внимание на аспекте ситуативности общения. Автор уделяет большое внимание коммуникативной компетенции как феноменальной категории, отражающей нормативные знания семантики языковых единиц разных уровней, овладение механизмами построения и перефразирования высказываний, умение породить дискурс любой протяженности в соответствии с культурно-речевой ситуацией, включающей параметры адресата, места, времени и условий общения (Милованова, 2012, с. 40).

«Трактовка текста оригинала и всех его имеющихся одновременных переводов как единого текстового пространства высокой лингвокультурологической, общефилологической и в целом познавательно-эстетической значимости позволяет рассматривать перевод текста не только как акт и продукт межъязыковой и межкультурной коммуникации, но и как отсроченное во времени и пространстве творческое взаимодействие – через текст как совокупность коннотирующих смыслов – автора оригинала и

переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем» (Серебрякова, 2013, с. 274).

Коммуникативная компетенция «отвечает» за достижение необходимого коммуникативного эффекта, который должен произвести текст перевода, она предполагает максимально полный учет конститутивных признаков дискурса, в рамках которого осуществляется перевод. В этой связи важным представляется замечание Э. Ю. Новиковой о том, что умение ориентироваться на дискурсивные признаки конкретного коммуникативного акта необходимо переводчику для адекватного принятия переводческого решения и выработки необходимой стратегии, поскольку «дискурс диктует переводчику выбор соответствующих языковых средств из множества способов выражения, свойственных «своей» или «чужой» лингвокультуре» (Новикова, 2013, с. 97-98). Умение правильно определять регистр общения является одним из важных компонентов коммуникативной компетенции переводчика, необходимых для оптимального достижения цели коммуникации. Каждому типу дискурса соответствуют определенные коммуникативные ориентиры, обусловленные жанрово-ситуативными характеристиками общения. Участники межъязыкового общения, для которых осуществляется перевод, задают тон коммуникации, но переводчик также влияет на формирование процесса коммуникации, так как воспринимает действительность сквозь собственные «социальные линзы» (Angelelli, 2004, p. 2). Решения переводчика ориентированы в большой степени на тональность коммуникативного события.

В. И. Карасик видит в феномене тональности некую двоякость, заключающуюся в том, что с одной стороны, это оформление речи в определенном стилевом регистре, а с другой стороны, это эмоциональное отношение к действительности. Именно поэтому он определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» (Карасик, 2009, с. 304). В. И. Карасик выделяет следующие типы коммуникативной тональности:

информативную, фатическую, статусную, шутливую, торжественную, идеологическую, фасцинативную, гипотетическую, агрессивную, экзотерическую, манипулятивную, менторскую (Карасик, 2009, с. 305-306). Коммуникативная тональность в том или ином ее типе, проявляется в личностно-ориентированном (бытовом и бытийном) и статусно-ориентированном дискурсе (Карасик, 2002, с. 193-199).

Сегодня особый интерес вызывает вопрос о том, может ли переводчик как активный субъект межкультурной коммуникации изменять её тональность, и каким образом возможное изменение может повлиять на ход коммуникации и её эффективность. Согласно В. А. Митягиной «тональность коммуникативного действия задается коммуникативным стилем участников интеракции, он может быть доминантным, спокойным, открытым, закрытым, авторитарным, неуверенным и т.д.». Наряду с этим, когнитивный диапазон коммуникантов также представляет собой «важнейший компонент медиативного процесса», так как успех перевода, а значит и коммуникации, напрямую зависит от способности переводчика верно определять «степень осведомленности партнеров по опосредованной коммуникации относительно её предмета и обоюдного «горизонта ожиданий» (Митягина, 2012, с. 27-28).

Рассмотрим возможность влияния переводчика на тональность коммуникации на примере перевода интервью. Обеспечение оптимальной тональности интервью зависит от правильного выбора стратегии и техники перевода, который необходимо делать исходя из характерных особенностей интервью.

М. В. Вербицкая выделяет следующие особенности интервью:

- когнитивная информация преломляется через видение отдельной личности, поэтому в речи могут появляться средства с эмоционально-оценочной окраской;
- у интервьюируемого может быть свой собственный стиль, который необходимо передать при переводе;
- не все реплики корреспондента являются вопросами;

- ответы на эти реплики не всегда держаться в рамках единой темы;
- стиль ответов и вопросов может быть сходным или различным;
- переводчик должен быть готов к переводу нелитературной и табуированной лексики;
- корреспондент может задать сразу несколько вопросов, потому нужно быть готовым запоминать и быть способным перевести разнородную информацию в большом объеме (Вербицкая, 2008, с. 280).

Для обеспечения оптимальной тональности интервью переводчику как посреднику межкультурной / межъязыковой коммуникации, необходимо, во-первых, определить тон коммуникации, как в целом, так и каждого участника коммуникации в отдельности, и, во-вторых, в зависимости от тональности интервью выбрать необходимые вербальные и невербальные средства для того, чтобы максимально адаптировать коммуникантов к иносоциокультурной среде.

В качестве примера достижения оптимальной тональности интервью с учетом его характерных особенностей рассмотрим перевод интервью Фриды Густавссон, топ-модели из Швеции, для телеканала *World Fashion Channel*:

*I started being a model when I was about fifteen. I've been scouted in Sweden when shopping with my mum and friends and that was a girl. She came up to me and said «Hi! Do you want to be a model?» I said «no». But we, eeeee, changed our numbers ...then she called me and asked «Do you want to start, do you want to try?» And I said «No! I really wanna finish my high!» And then I finished **high** when I was fifteen and went to Tokyo. **Hi, Jack! How are you?** ... and after that I just a kind worked a little bit in Europe, went to school and then I went to Paris in summer and **did that Valentino thing** ... and things just, eee, were well done and that's a kind of fashion weeks and **anything else**.*

*// Я начала карьеру модели в 15 лет. Я ходила по магазинам с мамой и друзьями, когда ко мне подошел скаут и **предложил стать моделью**. Я **отказалась**, но мы обменялись телефонами, затем мне позвонили из **агентства** и вновь предложили **попробовать себя в качестве модели**, но я ответила, что хочу окончить школу. И вот в 15 я отправилась в Токио, затем*

я немного поработала в Европе и на летние каникулы отправилась в Париж, где сотрудничала с домом моды *Valentino*, с этого момента моя карьера стремительно пошла вверх, я начала участвовать в неделях моды и в других проектах (<http://wfc.tv/ru/video/929>).

В речи интервьюируемой присутствует разговорная лексика, ориентированная на неформальное общение в межличностной коммуникации (например: сокращенная форма *wanna* вместо «*want to*»; *high* вместо «*high school*»; использование существительного «*thing*» (в значении «*an action or activity, an event*») в словосочетании «*Valentino thing*» для обозначения события, мероприятия). Как справедливо указывает А. М. Поликарпов, «<...> практически все типы структур сложного предложения подвергаются в разговорной сфере общения действию тенденций, присущих разговорному синтаксису в целом. В них находят воплощение экономия и избыточность вербальных средств, экономия умственных усилий, аппроксимативность, синкретизм и расчлененная подача информации. Наряду с речевым автоматизмом наблюдается большая свобода в конструировании синтаксических образований» (Поликарпов, 2010, с. 78).

Непринужденность выражения чувств и мыслей адресантом обусловлена неформальным характером коммуникативной ситуации, происходящей в бэкстейдже, примерной комнате, в которой проходит подготовка к показу мод. Такой стиль коммуникации, однако, не подходит под формат телеканала *World Fashion Channel*. По этой причине при переводе некоторые выражения подвергаются стилизации, ориентированной на требования медийного дискурса в его телевизионном варианте: (*Things were well done* // моя карьера стремительно пошла вверх, *anything else* // других проектах, *did that Valentino thing* // где сотрудничала с домом моды *Valentino*). Наряду с этим необходимо отметить, что в переводе был применен прием опущения нерелевантной для данного коммуникативного акта информации: при переводе было опущено восклицание «*Hi, Jack! How are you?*», которое, по всей вероятности, было обращено к знакомому интервьюируемой, находящемуся за кадром.

Зависимость коммуникативной тональности от типа коммуникативной личности определяет стилевое оформление высказываний и выбор средств общения, таким образом социокоммуникативная задача переводчика как посредника межкультурной коммуникации заключается в изменении тональности интервью в случае, если этого требует его формат.

Личный опыт работы устным переводчиком на I зимних Юношеских Олимпийских играх, проходивших в Инсбруке с 13 по 22 января 2012 года, показал (записи интервью велись на диктофон), что при переводе интервью спортсменов для средств массовой информации, объективно обязательным является преодоление трудностей, детерминированных особенностями речи подростков:

- вербальная «зжатость», стеснение, обусловленные их юным возрастом,
- ограниченный словарный запас,
- неумение правильно вести диалог,
- использование в речи просторечий, сниженной лексики.

Таким образом, проблемы адекватного выбора языковых средств со стороны интервьюируемых приводят к необходимости дополнительных переводческих трансформаций (прежде всего, лексических и стилистических), которые меняют тональность их ответов на вопросы:

Интервьюер: *Congratulations! How are you? What do think about your play // Поздравляем! Как ты себя чувствуешь? Что ты думаешь о своем выступлении?*

Спортсмен: *Да, ниче, вроде. Нормально. // Thanks, I'm fine. Well, I think that was OK.*

Ответы спортсмена не в полной мере соответствуют коммуникативным ожиданиям интервьюера, задающего вопросы «*How are you? What do think about your play*». Переводчик прибегает к приему смыслового развертывания для того, чтобы обеспечить полноту ответа на каждый вопрос интервьюера и оформить реплику в заданном стилевом регистре. Так, употребление междометий *thanks* и *well* в переводе позволили сохранить эмотивность ответа.

Чтобы понять оригинальный текст, как справедливо указывает О. И. Попова, нужно «вычленить» его смысл (состоящий из лингвистических форм и включающий невербальные элементы ситуации), а для того, чтобы перевести, недостаточно восстановить на другом языке «лингвистические формы», которые входят в состав текста (Попова, 2012, с. 191). Основная задача переводчика заключается в том, чтобы «выделить и восстановить «смыслы» на языке перевода, обеспечивая их связность» (Попова, 2013, с. 266).

Почти курьезным примером достижения оптимальной тональности коммуникации может послужить перевод интервью Василия Подушкина, бронзового призера масс-старта в соревнованиях по конькобежному спорту. На вопрос интервьюера «*What did they give you for your birthday?*» // «*Что тебе подарили на день рождения?*» спортсмен ответил: «*Козла этого!*». Тем самым спортсмен хотел сказать, что в подарок на день рождения он получил мягкую игрушку-талисман юношеской Олимпиады, который представляет собой альпийскую серну. Тональность ответа «*Козла этого!*» в пословном переводе, вне соответствующих трансформаций, однозначно приведет к коммуникативному сбою, который не связан с фактическими коммуникативными интенциями интервьюируемого. Использование приема смыслового развития «*The mascot of the 1st Winter Youth Olympic Games!*» // «*Талисман I зимних Юношеских Олимпийских игр*» позволил кардинально изменить тональность ответа.

Межкультурная коммуникация подразумевает вхождение в иной дискурс, требующий от участника интеракции коммуникативного поведения, адекватного для принимающей культуры. Коммуниканты приносят национально-культурно маркированные поведенческие паттерны, которые могут отличаться от характерных для конкретной лингвокультуры стереотипных поведенческих реакций и приводить к когнитивному диссонансу. Осуществление перевода в рамках таких жанров устного медицинского дискурса как диагностирующая консультация, жалоба пациента, медицинская рекомендация (Бейлинсон, 2001) нередко ставят переводчика в затруднительное

положение. В статье Л. Хаффнер, профессионального устного и письменного переводчика медицинского центра Стэнфордского университета (http://www.gagalanti.com/articles/articles_haffner.html), описан случай осуществления устного перевода в рамках такого жанра медицинского дискурса как медицинская консультация, и представлено мнение самого переводчика о данной ситуации межкультурной коммуникации.

Комментируя случаи из собственной переводческой практики, Л. Хаффнер указывает на то, что на пути к достижению результативной коммуникации между пациентами и представителями медицинского персонала могут возникать серьезные трудности. Например, одной из причин постановки неверного диагноза и, как результат, неправильных медицинских рекомендаций могут быть ответы пациента на вопросы доктора, которые не всегда являются достоверным основанием для принятия верного медицинского заключения. Объяснение культурно обусловленной специфики коммуникативного поведения пациентов является частым случаем в практике переводчиков, осуществляющих перевод в рамках медицинского дискурса. Приведем иллюстрирующий пример:

- Рамона, 34-летняя пациентка родом из Северной Америки, в первый раз проходила обследование в гинекологической клинике. Доктор, заполняя историю болезни пациентки, задал вопрос о количестве её беременностей. Пациентка ответила «Две». В то время как врач делал записи в истории болезни, Рамона и переводчик беседовали между собой. Пациентка рассказала о том, что очень волнуется из-за диабета, который по ее мнению развился вероятнее всего из-за того, что она «сделала что-то не так». Она рассказала о своей третьей беременности, которая прервалась, как ей казалось, из-за сильного испуга. Слушая рассказ пациентки, переводчик поняла, что у нее было три беременности, а не две, как она ответила доктору. Многими испанками принято считать только беременности, в результате которых родился ребенок, и не считать прерванные беременности. В данном случае, с точки зрения пациентки, её ответ был правильным, но с точки зрения медицины

в историю болезни были записаны неверные данные. Отношение пациентки к данному вопросу стало понятно переводчику из их личной беседы, это позволило исправить ошибку и внести правильные данные в историю болезни (Там же).

Работа переводчика в рамках такого жанра устного медицинского дискурса как диагностирующая консультация представляет коммуникативные действия, которые характеризуются информативной тональностью, суть которой заключается в «серьезном нейтрально-эмоциональном общении, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него (Карасик, 2009, с. 305), а также фатической тональностью, «вариативным динамическим общением, целью которого является обеспечение комфортного диалога» (Там же, с. 306).

Врач, профессиональный долг которого заключается в постановке верного диагноза, использует, безусловно, информативную тональность. Переводчик, учитывая целерациональность действий врача, принимает решение, сообщить информацию о третьей беременности пациентки, которая стала ему известна благодаря поддержанию фатической тональности общения с пациенткой. Следование переводчиком фатической тональности обусловлено не только рамками заданного жанра общения, но и личным знакомством с пациенткой, которое произошло ранее анализируемой ситуации перевода. Переводчик комментирует это следующим образом: *As I go into the room, I recognize her from another clinic in the hospital, and we greet each other by name. <...> Latino women, once they get to know you, tend to be talkative* (Там же).

Данный комментарий дает понять, что коммуникативные действия пациентки по отношению к переводчику характеризуются традиционным коммуникативным действием, «процессуальным шагом обычного повседневного поведения людей, совершаемого зачастую в “автоматическом режиме”» (Митягина, 2007, с. 15): испанки, как комментирует Л. Хаффнер, становятся разговорчивыми, если они были знакомы ранее со своим собеседником. Коммуникативное действие пациентки, когда она скрывает от

врача реальное количество своих беременностей, также является традиционным, социокультурно обусловленным. Поддержание фатической тональности в беседе с пациенткой позволило переводчику «распаковать» скрытую ей информацию и передать её врачу.

Таким образом, действия переводчика, направленные на распознавание заданных тональностей межъязыковой коммуникативной ситуации, складывающейся, по сути, из двух диалогов – общения между врачом и пациенткой и общения между пациенткой и переводчиком, позволили получить максимально достоверную информацию о состоянии здоровья пациентки, а, следовательно, соотнести интересы, преследуемые обеими сторонами.

Следующий пример также показывает, что доверительные отношения, которые могут возникать между переводчиком и пациентом, и поддержание фатической тональности общения позволяют переводчику задавать уточняющие вопросы, что помогает обеспечить максимально эффективное медицинское диагностирование:

- 30-летняя мексиканка, страдающая диабетом и находящаяся на седьмом месяце беременности, обратилась в гинекологическую клинику с жалобой на отеки и боли в кистях рук. Пациентке было прописано *sitz baths* (купание в сидячей ванне). Первичный прием проходил без переводчика, так как доктор немного говорил по-испански, а пациентка по-английски. Через неделю после первичного приема у пациентки неожиданно снизился вес, что вызвало серьезное беспокойство у терапевта и диетолога. В связи с этим, было принято решение провести повторный осмотр в присутствии переводчика для того, чтобы досконально выяснить причину снижения веса. Во время консультации пациентка попросила переводчика сказать, что у нее все еще не проходят боли в кистях рук, несмотря на то, что она очень старательно исполняет рекомендации врача и делает *sitz baths* по 20 минут дважды в день, несмотря на то, что она очень устает после них. Переводчик, переведя жалобу пациентки, заинтересовалась, что именно она делала, так как не могла понять, почему прием ванны может быть таким утомительным. Мексиканка очень

серьезно объяснила переводчику, что набирала воду в ванну и приседала и вставала в ней в течение 20 минут (там же).

Как видно из приведенного примера, отрицательный эффект лечения был вызван неверной интерпретацией пациенткой терминологического словосочетания *sitz baths*. Неверное понимание пациентами медицинских терминов и, как результат, неправильное исполнение медицинских рекомендаций, может причинить серьезный вред здоровью пациента.

Межъязыковая коммуникация между врачом и пациентом в рамках таких жанров устного медицинского дискурса как диагностирующая консультация, жалоба пациента, медицинская рекомендация невозможна без перевода, осуществляемого квалифицированным переводчиком, владеющим медицинской терминологией. Обеспечение результативного диалога между врачом и пациентом во многом обусловлено умением переводчика оценивать социокультурно обусловленные поведенческие характеристики субъектов опосредованной коммуникации, которые оказывают влияние на их действия. Широкая инокультурная компетенция, умение верно определять регистр общения и строить его в заданном «языковом ключе» (Карасик, 2009, с. 305), способность самостоятельно принимать решения и осознание высокой ответственности за последствия переводческой деятельности делают возможным обеспечение максимально эффективной опосредованной коммуникации в рамках устного медицинского дискурса.

Реальное языковое поведение индивида всегда вплетено в социальные процессы, которые управляют его выбором выразительных средств в конкретных коммуникативных ситуациях. Особое внимание ситуативно-обусловленным аспектам перевода уделяется в работах Э. Ю. Новиковой, которая придает особый статус профессиональной мобильности переводчика, обусловленной разнообразием дискурсивной парадигмы двустороннего межкультурного общения, которая включает все сферы общественной жизни (Новикова, 2013, с. 92-93). Спектр профессиональной деятельности переводчика разнообразен, но независимо от ситуации межкультурной

коммуникации – встреча политиков, судебное заседание, перевод в полицейском участке, больнице или каком-либо другом муниципальном учреждении, либо монтаж оборудования и пусконаладочные работы на заводе, переводчики всегда выполняют важную роль посредника между культурами и языками (Angelelli, 2004, p. 14). В любом виде своей профессиональной деятельности переводчик «неминуемо сталкивается с проблемой сохранения колорита и культурных нюансов оригинала» (Шереминская, 2008, с. 35), так как участники межъязыкового общения, являются носителями разных лингвокультур. Для выполнения своей профессиональной миссии переводчик должен «научиться видеть мир через призму традиций и общей культуры другого народа» (Там же, с. 36). Показательным в этой связи является метафорическое сравнение профессии переводчика с профессией фокусника, предложенное И. О. Шереминской: «как фокусник вытаскивает из шляпы огромное количество всевозможных предметов, удивляя своим искусством публику, так и переводчик должен уметь «вытащить» из иностранного текста или мысли фразы и донести их смысл до реципиента, чтобы они стали ему понятными и близкими, а не превратились в бессмысленный набор слов из чужеземной поговорки» (Там же, с. 37).

По замечанию С. В. Серебряковой, «перевод как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации представляет собой не прямое перекодирование по правилам контрапункта, когда единица исходного языка заменяется соответствующим эквивалентом языка перевода, а предполагает интеграцию текста в другую (принимающую) культуру» (Серебрякова, 2008а, с. 241). Роль посредника между культурами обязывает переводчика иметь широкую лингвокультурную компетенцию. Использование в речи средств художественной выразительности обогащает речь, и отражают восприятие человеком объективной реальности. Фразеологизмы действует на воображение человека, воспринимающего информацию, мгновенно, помогая рисовать различные образы (Арнольд, 1986, с. 42). Так, Т. И. Вендина отмечает, что в лексической системе английского языка удельный вес подобного рода оборотов

очень велик. Состав их крайне разнообразен. К ним принадлежат идиомы, сохраняющие часто облик языковой старины, различного рода профессиональные выражения, получившие в литературном языке широкий смысл, парные словосочетания, устойчивые сравнения, а также пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые слова и тому подобное. Распространенные в повседневной речи, они широко проникли в язык художественной литературы и даже деловой и научной прозы и прочно входят в систему английского языка, придавая ему своеобразный национальный колорит и специфику (Вендина, 2003, с. 135). Умение верно интерпретировать такие элементы текста, применяя переводческие трансформации, является залогом правильной передачи культурноспецифических компонентов образных средств языка.

Так, одним из удачных примеров современной прозы является перевод романа «*Eat, pray, love*» («Есть, молиться, любить») на русский язык американской писательницы Элизабет Гилберт, выполненный Ю. Ю. Змеевой (Гилберт, 2011). Перефразирование выступает в данном переводе одним из весьма эффективных переводческих решений

Обратимся к примерам:

*Здесь и далее в левой колонке текст оригинала, в правой – текст перевода:

<p><i>I bet if we turn the corner we'll find ... yes! ... see, they did use the original Roman monoliths as supporting beams, probably because they didn't have the manpower to move them... yes, I quite like the jumble-sale quality of this basilica....</i></p>	<p>Спорим, стоит завернуть за угол, и... ну что я тебе говорила? Они действительно оставили исходные римские монолиты в качестве балок! Наверняка потому, что человеческих сил недостаточно, чтобы сдвинуть их с места. Не базилика, а сборная солянка какая-то...</p>
--	---

В данном примере существительное *jumble-sale* имеет значение «дешевая распродажа вещей на благотворительном базаре». Таким образом,

словосочетание *jumble-sale quality* может быть переведено, как «низкое качество вещи, приобретенной на дешевой распродаже». Применение приема перефразирования при переводе предложения *I quite like the jumble-sale quality of this basilica* позволило сохранить его смысл и эмоциональную окраску, а также осуществить локализацию выражения, адаптируя его к русской культуре посредством использования в переводе образного выражения *сборная солянка*, которое употребляется при описании разнообразной и неоднородной смеси чего-либо.

Переводчик в межкультурной коммуникации всегда выполняет функции и получателя, и отправителя сообщения, из чего следует, что, владея когнитивными механизмами категоризации, присущими его собственной культуре, он с необходимостью должен овладеть «чужим» культурно-специфическим категориальным аппаратом (Усачёва, 2009, с. 162). При переводе часто невозможно полностью сохранить специфичность оригинала, в этом случае применяется локализация. Локализация представляет собой подвид адаптивного транскодирования, который определяется, как «вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и её преобразование (адаптация) с целью изложить её в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» (Комиссаров, 1990, с. 48). Локализация представляет собой языковую и культурную адаптацию текста к условиям того социума, где предполагается его функционирование. Применение при переводе приема перефразирования, как инструмента локализации, позволяет произвести максимально полную культурную адаптацию текста. Использование при переводе пословиц и поговорок, широко бытующих в речи реципиентов, помогает локализовать текст оригинала. Например, в следующем примере английское выражение *all this and more* было перефразировано и передано при переводе посредством поговорки *все это и пол королевства в придачу*:

<p><i>I will give you the sun and the rain, and if they are not available, I will give you a sun check and a rain check. I will give you all this and more, until I get so exhausted and depleted that the only way I can recover my energy is by becoming infatuated with someone else.</i></p>	<p><i>Ради него я способна вызвать солнце и дождь, и если сразу не выйдет, то в следующий раз уж точно. Отдав другому все это и пол королевства в придачу, я, в конце концов, почувствую себя полностью истощенной и измученной, и лишь одно будет способно восстановить мои силы – слепая влюбленность в следующего.</i></p>
---	--

Подобное перефразирование позволяет решать проблему культурной адаптации текста. Перефразирование широко используется в переводе фразеологизмов, трудность перевода проистекает при этом из того, что большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Поэтому при переводе приходится отступать от формально-дословной точности не только в выборе лексики, но и в грамматическом оформлении. Задача состоит в том, чтобы дать в переводе текст бесспорный с точки зрения фразеологической сочетаемости компонентов фразеологической единицы в соответствии с нормами русского языка.

Разрешение возникающих при переводе проблем достигается благодаря коммуникативно-посреднической деятельности переводчика. Осуществление письменного перевода дает переводчику возможность обращаться к грамматическим справочникам, двуязычным словарям и пособиям по культуре разных народов, рамки устного перевода ограничивают возможность проведения детального информационного поиска и требуют от переводчика апеллирования к личному культурному опыту. Успех коммуникации в большой степени зависит от того, насколько правильно переводчик выбирает способ перевода, применяет соответствующую стратегию и определяет единицы

перевода. Нередко, если коммуниканты не знают реалий быта и общественной жизни, характерных для конкретного народа, местности или страны, переводчику приходится прибегать к комментарию для объяснения реалии. Приведем иллюстрирующий пример из личного переводческого опыта.

Перевод осуществляется при пусконаладочных работах нового оборудования на одном из промышленных предприятий г. Волгограда. Во время обеда в неформальной беседе русский инженер просит своего итальянского коллегу-инженера показать ему новый деформационный манометр, используемый при пусконаладочных работах с аналогичными камерами сжигания. На что итальянский коллега отвечает: *«I've got it but won't show you»* – «Он у меня есть, но я Вам его не покажу». Русский инженер, удивленный таким ответом, задает вопрос: «Но почему?», на что итальянский коллега отвечает: *«I've got it but in my room in the hotel, so I can't show you it!»* – «Он у меня есть, но он в моем номере в гостинице, поэтому я не могу его показать». Реакция русского инженера выражается задорным смехом и комментарием: «Ну, Вы как Печкин, блин!». Для русскоязычного переводчика такое сравнение является понятным, и комичность ситуации объясняется схожестью с конфликтом, возникшим между героями популярного российского мультфильма «Трое из Простоквашино», созданного по книге известного русского писателя Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, Пёс и Кот». Дословный перевод в данной ситуации, разумеется, невозможен, в силу отсутствия в языковой картине мира итальянца образа почтальона Печкина. Наиболее адекватным решением является применение переводческого комментария, поясняющего, почему итальянца сравнили с Печкиным, который отказывался отдать Дяде Фёдору его посылку. Переводческий комментарий позволил сохранить фатическую тональность общения и поддержать его дружественный формат.

Таким образом, осуществление перевода в рамках различных жанров устного и письменного дискурса требует учета его конститутивных признаков. Посредническая составляющая переводческой деятельности позволяет

распознавать причины коммуникативного поведения участников межъязыкового диалога, которое может быть непонятным и казаться странным партнеру по коммуникации. Большое значение при передаче культурно обусловленной лексики имеет способность переводчика применять адекватные стратегии перевода. Умение верно определять тональность межъязыкового общения и строить его в соответствии с заданными регистрами обеспечивает возможность согласования тональных программ участников общения.

Выводы по главе 1

Анализ научных исследований, выполненных в русле теории коммуникации, лингвистики текста, теории дискурса, теории перевода и транслятологии, позволил сделать вывод, что языковая личность переводчика представляет собой комплексный коммуникативный феномен, являющийся результатом взаимосвязи первичной и вторичной языковой личности и трансляционной личности. Изучение языковой личности, являющейся субъектом речевой деятельности и полноправным участником коммуникации, способным кодировать и декодировать тексты различной степени информационной насыщенности и языкового воплощения, особенно актуально при исследовании межкультурной и межъязыковой коммуникации. Значимыми социокоммуникативными характеристиками языковой личности переводчика являются: его принадлежность к элитарной или эталонной речевой личности, его соотнесенность с коммуникативно-деятельностной речевой личностью, являющейся по своей сути функционально-обусловленным типом языковой личности, и его отнесенность к вторичной языковой личности.

Анализ работ, посвященных рассмотрению языковой личности, показывает, что формирование языковой личности, понимаемой вслед за Г. И. Богиным как совокупность познавательных, творческих способностей и характеристик субъекта, обуславливающих создание и восприятие им текстов, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью, обусловлено во многом влиянием социума, оказывающем на нее мощное воздействие, в том числе посредством текстов.

Специалист, чья профессиональная деятельность связана с текстовосприятием и текстопорождением, испытывает профессионализацию языковой личности и превращается в коммуникативно-деятельностную личность, владеющую стандартным и специальными регистрами и

необходимым профессиональным запасом дискурсивных способностей, обладающую своей профессиональной картиной мира и совокупностью профессиональных языковых черт.

Профессиональная деятельность переводчика всегда завязана на языковом знаке, переводчик постоянно включен в процесс сравнения двух образов мира. Он обязан замечать разнообразие средств выражения в двух языках, являясь модельной языковой личностью, представителем определенного сообщества и носителем национального языка и культуры. Именно двуплановость языковой личности переводчика позволяет И. И. Халеевой ввести понятие вторичной языковой личности, владеющей интроспекцией, наблюдением за собственным языковым сознанием, и рефлексией, осознанием этой способности и оценкой самого факта осознания.

Понимание перевода, как специфического вида коммуникации, содержанием которого является индивидуальное понимание текста переводчиком, позволяют утверждать, что личный опыт переводчика – его чувства, взгляды, мотивации, ассоциации – не только допустимый, но и необходимый элемент эффективного перевода.

Переводчик, будучи коммуникативно-активным субъектом, может рассматриваться как особый функционально-обусловленный тип языковой личности, трансляционная личность, чья задача наиболее адекватно транслировать переводимый текст в принимающую лингвокультуру. Специфические требования, предъявляемые к трансляционной личности переводчика, определяются конкретной предметной областью, предполагая владение не только общелитературной нормой, но знание и использование специальной терминологии и текстовых конвенций специального дискурса. Познавательные процессы переводчика, особенности его сознания находятся в тесной связи с характером осуществляемой им деятельности, что позволяет рассматривать переводчика как специфическую социокоммуникативную личность, нацеленную на взаимодействие с другими коммуникантами.

Таким образом, в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации переводчик создает «третье» пространство, в котором реализует свои переводческие и социокоммуникативные компетенции. Переводчик действует в коммуникации в соответствии со своей глобальной посреднической миссией – осуществить передачу интенций коммуникантов в переводе.

Глава 2. Параметральная характеристика переводчика в рефлексиях и авторефлексиях о субъекте опосредованной коммуникации

2.1. Рефлексии и авторефлексии переводчиков как основа транслятологии

Неослабевающий интерес в современной лингвистике к роли переводчика в процессе формирования межкультурной и межъязыковой коммуникации обуславливает необходимость определения совокупности составляющих профессиональной личности переводчика для создания его собирательного «образа» как профессионала и партнера по коммуникации. Наиболее полный анализ качеств и характеристик переводчика как профессионала можно произвести с двух позиций: на основе рефлексий участников межъязыкового общения как комбинации суждений о переводчике как субъекте коммуникации и его профессиональной деятельности и на основе авторефлексий переводчиков как формы самопознания, самокритики, одной из составляющих профессионального дискурса переводчиков.

Становление и формирование личности переводчика осуществляется в трех основных сферах: профессиональной деятельности, профессиональном общении (профессиональном дискурсе), самосознании. А. П. Наумова указывает на то, что для профессионального дискурса переводчиков характерна последовательная реализация намерений участников коммуникации относительно всестороннего уяснения проблемы, связанной с достижением его главной цели – оптимизации качества выполняемых переводов (Наумова, 2013, с. 106). Профессиональный дискурс переводчиков ориентирован на профессию как род трудовой деятельности, требующей специальной подготовки (Там же, с. 107).

Самосознание заключается в осознании человеком своего общественного статуса, жизненно важных потребностей, мыслей, чувств, мотивов поведения, инстинктов, переживаний, действий (Философский энциклопедический

словарь), то есть в комплексной оценке самого себя как чувствующего и мыслящего существа, деятеля. Одной из основных функций самосознания является авторефлексия, в процессе которой познается собственная личность и определяется отношение к себе самой (Иванова, www). К авторефлексивным относятся размышления субъекта относительно своих собственных мыслей о реальности, о своей деятельности, о себе (http://www.anovikov.ru/dict/ped_sl.htm). Исследователи выделяют авторефлексии первого и второго порядка: к рефлексиям первого порядка относятся размышления субъекта о его самооценке, самооценке его результатов; к рефлексиям второго порядка – размышления об оценке другими субъектами результатов его деятельности, размышления об оценке его самого другими субъектами (<http://thisisme.ru/content/refleksiya>). Авторефлексии переводчиков принадлежат как к первому, так и ко второму порядку.

Изучение процесса перевода осуществляется посредством использования, как лингвистических методов исследования, так и методов, заимствованных из других наук. Одним из часто применяемых приемов исследования процесса перевода, а именно мыслительных процессов, протекающих в сознании переводчика, является метод «мышления вслух», используемый в экспериментальной психологии. Суть данного метода заключается в вербализации переводчиком всех мыслей и действий, совершаемых им при осуществлении письменного перевода. Комментарии и пояснения переводчика фиксируются в форме аудиозаписи, стенограмма которой, обозначаемая как «протокол мышления вслух» (Diane F. Halpern, <http://reftrend.ru/218464.html>), используется для анализа действий переводчика. Данные исследования позволяют выявить и определить переводческие стратегии и критерии для принятия переводческих решений, а также творческий аспект переводческой деятельности (Шадрин, 2001). Работы отечественных и зарубежных исследователей показывают, что переводческие рассуждения о собственных действиях и принятии решений позволяют понять суть процесса осуществления письменного перевода. Переводчик практически постоянно осуществляет

авторerefлексию над своей профессиональной деятельностью, а именно коммуникативным поведением, применяемыми трансформациями, используемыми в переводе приемами, что подтверждается высказыванием Ю. А. Сорокина о том, что «переводчик живет в мире постоянной рефлексии» (Сорокин, 2003). Переводческое авторerefлексирование может являться одним из компонентов оптимизации переводческой деятельности и, соответственно, способствовать осознания того, как протекает процесс устного перевода.

Авторerefлексивные высказывания характерны для таких жанров как мемуары, автобиография, воспоминания, дневник, записки, комментарий, интервью, то есть, когда главному герою – переводчику свойственна манера «взгляда на себя со стороны», самопрезентация, самописание, автоотражение. Языковую личность, представленную в текстах такой жанровой направленности, следует характеризовать как самопознающую, саморефлексирующую, самооценивающую, проживающую заново свою жизнь в процессе рассказа о ней, поучающую, убеждающую, воздействующую на читателя словом в соответствии с определенными целями и установками (Минзюкова, 2011, с. 9).

Мемуарно-автобиографические тексты – особый тип дискурса «удобный для самовыражения, самооценки, саморепрезентации автора» (Кованова 2005, с. 4), который подразумевает не просто последовательное изложение текста, но и рефлексию (Хабермас, 1989, с. 7). Мемуарно-автобиографический дискурс является способом «структурирования собственного идентитета» (Савкина, 2000, с. 104), «активной средой реализации специфических параметров категорий референциальности авторского «Я» <...>, вербализующихся на разных уровнях языковой структуры» (Минец, 2012, с. 13-14). Мемуарно-автобиографический дискурс – это не только способ самописания, но и средство «воспроизводства себя» (Минец, 2012, с. 14). Переводчик как автор мемуарно-автобиографического текста реализует свою идентичность, в то же время моделирует её.

В связи с необходимостью изучения переводческих авторефлексий материалом исследования выбраны русскоязычные и англоязычные тексты следующих жанровых разновидностей мемуарной прозы:

- мемуары;
- воспоминания;
- дневник;
- записки;
- комментарий,
- сводные тетради.

Специфика переводческого авторефлексирования как формы субъективного осмысления профессиональной деятельности заключается в возможности саморегулировать действия в различных аналоговых ситуациях перевода, сконцентрироваться на проблеме и в случае возникновения подобной решить её. Как справедливо полагает Ж. Дансетт, «перевод не может быть успешным, если в сознании переводчика не сформирована осмысленная и когерентная концептуальная структура» (Dancette, 1997, p. 79, цитата по: Минченков, 2007, с. 156).

Используемая при изучении письменного перевода методика автокоррекции, под которой понимают «внесение переводчиком изменений в уже зафиксированный им текст собственного перевода» (Петрова, 2006, с. 83), может рассматриваться как прототип переводческого авторефлексирования, когда размышления переводчика о процессе и результате устного перевода, осмысление того, как он строил и перестраивал стратегию перевода, определял и избирал тональность коммуникации, как были реализованы его рецептивная и репродуктивная компетенции, могут служить основой определения переводческих ошибок, удач и неудач.

Профессиональной деятельности устного переводчика, обладающего способностью к рефлексии и авторефлексии, свойственна **реляционность**, выражающаяся в обусловленном профессиональной необходимостью стремлении обеспечивать продуктивное общение и взаимосвязь

коммуникантов, объединять их коммуникативные действия в единое целое наличие отношений.

Параметры двуязычной коммуникации подразумевают сосредоточение в определенном локусе коммуникантов, вынужденных вступать в опосредованную переводом коммуникацию в силу отсутствия общего коммуникативного кода, соответственно, реляционность может быть определена как неотъемлемое условие эффективной опосредованной коммуникации. Опосредованное общение является формой стягивания коммуникантов, при которой происходит компенсация отсутствующей у коммуникантов иноязычной коммуникативной личности.

Реляционность в двуязычной коммуникации становится возможной благодаря переводу и переводчику, как промежуточному звену, способному заменить отсутствующую у коммуникантов иноязычную коммуникативную личность и обеспечить тем самым возможность взаимодействовать с партнером/ами по общению в данном коммуникативном пространстве. Важность реляционности подчеркивал В. М. Суходрев, выдающийся российский переводчик, личный переводчик советских партийно-государственных руководителей Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. На вопрос интервьюера «Как Вам удавалось оставаться главным переводчиком страны?» В. М. Суходрев отвечал следующим образом:

Среди качеств, которыми должен обладать переводчик – это контактность, умение установить человеческий контакт со своим руководителем и с другой стороной. В принципе переводчик – это зло, но зло необходимое. Ведь было бы эффективней общаться на одном языке, без посредника. Задача переводчика – минимизировать это зло, то есть создать у собеседников впечатление, что они общаются напрямую, без посредника. В этом состоит высокое искусство переводчика (<http://www.t-link.ru/about/extra/articles/intervu-s-suhodrevom/>).

Несмотря на то, что интервьюера интересует именно авторефлексия знаменитого переводчика, В. М. Суходрев, тем не менее, в своем ответе

говорит не о себе конкретно, а о переводчике как представителе профессии, используя форму существительного в третьем лице, единственном числе (*среди качеств, которыми должен обладать переводчик; задача переводчика; высокое искусство переводчика*), и выделяет качества, необходимые, с его точки зрения, каждому переводчику, заинтересованному в своем профессиональном успехе: *контактность, умение установить человеческий контакт со своим руководителем и с другой стороной.*

Важность реляционности для успеха переводческой деятельности подчеркивается и в следующем примере:

Успех работы переводчика определяется, прежде всего, тем, насколько ему удастся добиться взаимопонимания между участниками коммуникации, избежать сбоев и недоразумений, обеспечить необходимые речевые и поведенческие реакции (Тетради переводчика, вып. 19, с. 12).

В данной рефлексии переводческая реляционность понимается как умение переводчика *добиваться взаимопонимания между участниками коммуникации, обеспечивать их необходимые речевые и поведенческие реакции.* Отметим, что сформированность таких навыков и умений требует тщательной подготовки к переводу.

Анализ рефлексий и авторефлексий о переводчике как субъекте опосредованной коммуникации показал, что важной характеристикой профессиональной личности переводчика является **адаптивность к условиям перевода.** Под **профессиональной адаптивностью переводчика** в данном исследовании понимается **совокупность свойств и характеристик, позволяющих переводчику приспосабливаться к различным условиям осуществления перевода.** Основу профессиональной адаптивности переводчика составляет **превентивная адаптивность.** Необходимо разграничить и уточнить определения понятий **превентивной адаптации и превентивной адаптивности.** Так, под **превентивной адаптацией** в психологии понимается «процесс заблаговременных внутренних изменений, самоизменения и активного внешнего приспособления субъекта к предстоящим

новым условиям существования, происходящий на основе антиципации этих условий, релевантный потенциалу субъекта, силе и качеству воздействия окружающей среды, приводящий к субъективно и объективно положительно оцениваемым результатам в широком классе аналогичных ситуаций» (Реан, Симаева, 2006, <http://rpj.sfedu.ru/ru/taxonomy/term/336>). То есть превентивная адаптация – это процессуальное явление, а превентивная адаптивность является его результатом.

В рефлексии известного переводчика, исследователя перевода Г. Э. Мирам акцентируется внимание на важности превентивной адаптации для переводчика:

<...> конечно, нужно хорошо знать ситуацию и уметь правильно её использовать в своих интересах, <...> если же контекста реального перевода в вашем распоряжении нет, если вы только готовитесь к последовательному переводу, нужно, прежде всего, выяснить для себя тему перевода и на её основе найти в словарях и в специальной литературе термины и их эквиваленты, относящиеся к этой теме (Мирам, 1999, с. 111).

Г. Э. Мирам приводит несколько примеров, показывающих, как благодаря превентивной адаптации можно избежать смысловых ошибок в переводе:

Когда перевод касается объектов интеллектуальной собственности, то "trade mark", которую так и хочется перевести как «торговая марка», следует переводить как "товарный знак", «полезная модель» – это не "useful model", а "utility model" и "промышленный образец" не "industrial sample", а "industrial design" (Мирам, 1999, с. 112).

Г. Э. Мирам поясняет необходимость превентивной адаптации следующим образом:

Эту предварительную работу надо обязательно проделать тщательно – зачастую, казалось бы, очевидные дословные эквиваленты терминов оказываются неправильными. Поэтому так важно, готовясь к

последовательному переводу, читать специальные тексты, желательно, конечно, параллельные, на двух языках (Мирам, 1999, с. 112).

При устном переводе осуществляется непосредственное речевое общение между разноязычными коммуникантами. Как известно, в устной речи для понимания собеседника особо важную роль играют экстралингвистические факторы: обстановка общения, общие знания и опыт коммуникантов, их поведение, реакция и т.п. Это предъявляет специфические требования к мыслительным операциям, выполняемым переводчиком. Он должен уметь в предельно краткое время интерпретировать содержание речевых отрезков, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, а также возможные ошибки и оговорки в речи коммуникантов, и одновременно перевоплощать это содержание средствами иного языка (Тетради переводчика, вып. 19, с. 12).

Таким образом, превентивная адаптация переводчика представляет собой процесс подготовки устному переводу, который включает следующие этапы:

- определение тематики общения, места общения, характеристик коммуникантов и т.д.;
- моделирование потенциально возможных ритуализованных коммуникативных ситуаций (приветствие, прощание, встреча, знакомство, благодарность, поздравление и т.д.) с целью составления двуязычных глоссариев;
- прогнозирование смены коммуникативных ролей интерактантов.

Результатом превентивной адаптации переводчика является **превентивная адаптивность** как профессиональное новообразование, которое включает следующие компоненты:

- адекватная оценка собственных действительных и потенциальных возможностей;

- стремление и готовность совершать внутренние и /или внешние действия для эффективного участия в новой для переводчика коммуникативной ситуации;
- переживание стрессовых ситуаций как временных и необходимых для достижения цели;
- восприятие адаптации как неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, необходимой для создания и формирования эффективного коммуникативного пространства.

Специфичность последовательного перевода заключается в его непредсказуемости. Сформированная превентивная адаптивность не всегда гарантирует успешный перевод, так как ситуация перевода может происходить в условиях, несоответствующих ожиданиям переводчика. Переводчик должен уметь адаптироваться к условиям конкретного коммуникативного события, то есть для осуществления последовательного перевода важна переводческая **оперативная адаптация**. В качестве примера реализации оперативной адаптации переводчика рассмотрим ответ С. Г. Чернова, профессионального переводчика, заместителя начальника службы устного перевода Международного валютного фонда, на вопрос о том, когда переводчики своим профессионализмом спасали положение. С. Г. Чернов, озвучивая рефлексию о переводчике, следующим образом отвечает на вопрос:

Думаю, что не будет преувеличением сказать, что успех международных встреч и переговоров во многом зависит от качества перевода. Когда перевод хороший, переводчики остаются незамеченными, но при малейшей оплошности становятся «козлами отпущения». И все-таки приведу пример ситуации, когда переводчику были поставлены в заслугу не переводческие, а дипломатические качества. Вскоре после окончания войны в Югославии МВФ проводил учебные курсы для сотрудников минфинов и центробанков Сербии, Боснии и Хорватии. Участники курса скрывали подозрительности и недоверия к своим коллегам из других стран, а один из наших переводчиков, который немало времени провел в каждой из этих стран

и блестяще владел не только боснийским, сербским и хорватским диалектами, но и превосходно ориентировался в политической ситуации в регионе, умело избежал излишне политически окрашенной лексики и, придерживаясь стилистически нейтральных оборотов в переводе, смог найти правильный подход к группе. Таким образом, ему удалось сосредоточить внимание участников на том, что их объединяло, и это во многом способствовало успеху семинара (Мосты, 4 (36) 2012, с. 62-63).

С. Г. Чернов в своем рефлексивном высказывании подтверждает важность оперативной адаптации переводчика, которая во многом способствовала успеху семинара. Отметим, в приведенной ситуации оперативная адаптация переводчика базируется на его превентивной адаптивности, которая складывается из способности переводчика *превосходно ориентироваться в политической ситуации в регионе*, что обусловлено также тем фактом, что переводчик *немало времени провел в каждой из стран*.

В следующей рефлексии также подчеркивается важность оперативной адаптации переводчика:

А если охарактеризовать отличительные черты устного переводчика, то это человек всесторонне развитый, обладающий широким кругозором, интересующийся происходящими в мире событиями, умеющий быстро находить контакт с незнакомыми людьми и способный ориентироваться в самых неожиданных ситуациях. Переводчик должен не теряться, если клиент употребит в речи пословицу, поговорку или колоритное сравнение или просто спросит название того или иного местного растения или национального блюда (Мосты, 4 (36) 2012, с. 60).

Одним из элементов оперативной переводческой адаптации является **переводческая активность**. Активность личности проявляется в реализации таких её качеств как целеустремленность, решительность, настойчивость, самообладание, инициативность. В авторефлексиях переводчиков подчеркивается важность такой составляющей переводческой активности как **инициативность**. Переводчики выделяют умение проявлять инициативность

как неотъемлемое условие достижения эффективности коммуникации. Приведем пример, который показывает, как благодаря инициативности переводчику удастся создать интеракционное пространство, благоприятное для всех сторон коммуникации и в первую очередь для самого переводчика, для которого это пространство является средой реализации его профессиональной деятельности:

Между тем, в Институте ядерной физики, где мы с г-ном Кокрофтом провели весь день, мне впервые в моей переводческой практике пришлось испытать ряд крайне неприятных минут. Пока мы беседовали с директором Института академиком А. А. Александровым и его ближайшими коллегами, обходили институт, лаборатории и реакторы, я вполне справлялся с переводом. Но когда началась встреча с коллективом института, на которой присутствовали сотни полторы наших видных ученых-ядерщиков и вопросы посыпались одновременно со всех концов зала, я почувствовал, что мне здесь одному не управиться. Я не успевал переводить все вопросы, ответы и реплики, раздававшиеся практически одновременно со всех концов зала, чем поневоле тормозил крайне интересную для присутствующих живую беседу. Тогда мне впервые в моей переводческой практике пришлось пойти на отчаянный шаг: остановить дискуссию и спросить у сидящих в зале, нет ли среди них желающих помочь мне с переводом. Вызвались двое сотрудников, прилично владевших языком. Дискуссия сразу оживилась... (В Египте и на Занзибаре (1960-1966 гг.). Мемуары советских военных переводчиков, с. 12-13).

Данный пример показывает, что успех коммуникации во многом определен осознанием переводчика важности посреднической оставляющей своей профессиональной деятельности. Переводчик понял, что не справляется с объемом перевода, что он комментирует следующим образом: *я почувствовал, что мне здесь одному не управиться; Я не успевал переводить все вопросы, ответы и реплики, раздававшиеся практически одновременно со всех концов; поневоле тормозил крайне интересную для присутствующих живую беседу.*

Переводчик выразил свою активную позицию в коммуникации, которая проявилась в его инициативности и решительности, когда он попросил помочь ему осуществить перевод.

В данной авторефлексии переводчик дает емкое описание собственных действий: *мне впервые в моей переводческой практике пришлось пойти на отчаянный шаг*. Сущность опосредованной межъязыковой коммуникации заключается в том, чтобы каждый из партнеров по коммуникации мог выразить свои мысли и понять сказанное другой стороной. Если переводчик не успевает перевести все, что было сказано всеми участниками общения, он должен взять на себя инициативу в случае крайней необходимости искать пути оптимизации процесса перевода.

Среди качеств, которыми должен обладать устный переводчик, переводчики также выделяют **решительность и самообладание**:

1) *Лично мне профессия помогла преодолеть некоторые комплексы. Будучи по природе человеком робким и неуверенным в себе, я испытывала большие трудности, когда надо было обращаться к большой аудитории. Приходилось преодолевать себя, чтобы последовательно переводить двусторонние переговоры, например, франко-советской рабочей группы по цветному телевидению или машиностроению. А однажды переводила выступление французской делегации на митинге в громадном цехе ЗИЛа. Можно сказать, что профессия переводчика помогла мне выправить характер, приобрести такие качества, как **контактность, открытость, доброжелательность** (Мосты, 2 (30) 2011, с. 13).*

2) *После окончания института я был призван в армию в качестве военного переводчика и два года служил переводчиком в ГСВГ. Переводить приходилось много, я быстро набирался опыта. И вот однажды меня попросили переводить на одном совместном советско-германском мероприятии. При этом не сказали, о чем конкретно идет речь. Мероприятие уже началось, мы опаздывали, и мне сказали, что я ориентируюсь на месте. В конце коридора, по которому мы шли, была небольшая дверь, в которую меня*

мягко втокнули. И я оказался – на сцене. Шел концерт, и мне предстояло переводить конференсье, то есть переводить анекдоты и шутки, объявления следующих номеров и артистов. И все бы ничего, если бы не одно обстоятельство. Все это проходило на севере Германии, в Мекленбурге, а для северянина, говорящего по-мекленбургски, нет ничего смешнее саксонского диалекта. Поэтому любая, даже самая простая и безобидная фраза, сказанная конференсье по-саксонски, вызвала у немецкой части зрительного зала взрыв хохота, при этом советская часть зрительного зала терпеливо ждала моего перевода, чтобы тоже от всей души посмеяться. После первой такой «выходки» конференсье я прижал его к стенке и потребовал, чтобы все свои «диалектные шутки» он рассказывал мне заранее, чтобы я успевал придумать какую-нибудь шутку или коротенький анекдот и чтобы советская публика по достоинству смогла оценить немецкий юмор. Видимо, я был в ударе, поскольку концертом все остались довольны» (Мосты, 3 (35), 2012, с. 4-5).

В первой авторефлексии переводчица акцентирует внимание на важности таких качеств переводчика как самообладание и решительность, что для нее выражается в *преодолении себя*. Второй пример также демонстрирует, что решительность и самообладание помогают переводчику справиться с трудностями, возникающими в стрессовых ситуациях, что позволяет оптимизировать процесс перевода и добиться наилучшего возможного результата.

Проявление инициативы переводчиком, выражающееся в принятии на себя роли посредника в потенциально-конфликтных ситуациях, представляется оправданным решением. Однако выражение собственного мнения относительно обсуждаемого вопроса не входит в профессиональные обязанности переводчика. Переводчик должен обладать своего рода **диффузностью**, то есть осознанно отказываться от своей личностной, но не профессиональной идентичности. Переводчики комментирует это следующим образом:

1) *По неопытности об этом забываешь, становишься частью ситуации (которая может быть и конфликтной – например, если вы работаете на переговорах), начинаешь эмоционально реагировать, встаешь на чью-то сторону... А это недопустимо, так как помимо того, что это сильно выматывает, ты еще и оставляешь негативное впечатление о себе как о профессионале* (<http://lingvotutor.ru/intervyu-anna-professionalnyj-perevodchik-so-stazhem>).

2) *С точки зрения клиента, главный критерий качественного перевода – это когда переводчик остается незамеченным, и обе стороны после встречи уверены в том, что они беседовали напрямую. <...> вечером, после напряженного дня, полного встреч в центральном банке одной из стран – членов МВФ, представитель Фонда поделился со своим переводчиком содержанием одной из бесед, которая на его взгляд, прошла особенно успешно. «Но я был там и переводил вам», сказал переводчик. «Странно, а мне показалось, что разговор состоялся по-английски, без перевода», – ответил клиент. Лучшего комплимента для переводчика трудно себе представить* (Мосты, 4 (36) 2012, с. 59).

3) *Интервьюер: – Должен ли переводчик сглаживать острые углы в процессе переговоров?*

Переводчик: – <...> Переводчик должен досконально знать тему, предмет разговора. Но буквально исправлять не должен. Хотя некоторые нюансы можно подправить стилистически. Но не допустимо из черного делать белое и наоборот (<http://www.t-link.ru/about/extra/articles/intervu-s-suhodrevom/>).

4) *Интервьюер: – Что вы считаете абсолютно недопустимым для работающего у вас переводчика?*

Переводчик: – Во время перевода высказывать собственное мнение. К сожалению, такое встречается чаще, чем хотелось бы. Первым признаком того, что переводчик склонен к высказыванию своего мнения, является использование третьего лица в переводе – «он сказал, что...». Это

всегда оставляет переводчику возможность добавить «а я считаю, что...» (Мосты, 4 (36) 2012, с. 60-61).

Не менее важной характеристикой личности переводчика является **высокая устойчивость внимания**. Концентрация внимания важна не только непосредственно в процессе осуществления перевода, но также на протяжении всей коммуникативной ситуации:

Заседание французско-советской группы (не помню уже, по какой тематике) проходило в Париже, где я переводила советскую сторону на французский язык, а французский коллега – на русский. После переговоров за столом, посещения предприятий был подписан протокол, что было отмечено приемом и не где-нибудь, а в ресторане «Максим». Первым, естественно, выступал французский сопредседатель, я не столько слушала, сколько рассматривала роскошный зал легендарного ресторана. Как вдруг распорядитель делает мне знак встать и переводить, чего я совершенно не ожидала, ведь я перевожу советскую сторону! И вот тогда я поняла, что работая, нельзя расслабляться, надо следить за всеми выступлениями и быть готовой переводить в любой момент (Мосты, 2 (30) 2011, с. 14).

Важной составляющей профессиональной деятельности переводчика является **ответственность**. Внимательность, самоконтроль и организованность переводчика являются формой реализации переводческой ответственности. Переводчик несет ответственность за качество текста перевода, это возлагает на него обязанность максимально полно и точно передавать содержание текста оригинала:

При завершении одного экономического форума, на фуршетте, переводил я последовательно выступление тогдашнего губернатора области (ныне одного из лидеров внесистемной оппозиции), который очень неплохо владеет английским языком. И вот, после перевода очередной ремарки, слышу, как губернатор говорит в микрофон, явно обращаясь ко мне: «Я сказал, “в геометрической прогрессии”». И тут я вспоминаю, что оратор по образованию физик, и значит, наверняка знает и математическую

терминологию. А я в переводе как-то без не обошелся (хотя ничего не мешало мне использовать и английское соответствие), передав общий смысл. В общем, пришлось повторить уже сказанное, только другими английскими словами. Потом я долго и весьма эмоционально переживал этот казус, но для себя сделал, как мне кажется, правильный вывод: переводчику не следует ожидать от тех, кого он переводит, особо тактичного отношения к своей персоне и полного понимания сути и особенностей перевода (Мосты, 4 (36) 2012, с. 31).

Исправление допущенных ошибок прямым или косвенным путем является формой проявления ответственности переводчика, так как основная задача переводчика заключается в максимально точной передаче смысла текста оригинала.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что важной характеристикой личности переводчика является адаптивность. Профессиональная адаптивность переводчика представляет собой совокупность свойств и характеристик, позволяющих переводчику приспосабливаться к различным условиям осуществления перевода. Основу профессиональной адаптивности переводчика составляет превентивная адаптивность.

Превентивная адаптация переводчика представляет собой процесс подготовки устному переводу, который включает следующие этапы:

- определение тематики общения, места общения, характеристик коммуникантов и т.д.;
- моделирование потенциально возможных ритуализованных коммуникативных ситуаций (приветствие, прощание, встреча, знакомство, благодарность, поздравление и т.д.) с целью составления двуязычных глоссариев;
- прогнозирование смены коммуникативных ролей интерактантов.

Результатом превентивной адаптации переводчика является **превентивная адаптивность** как профессиональное новообразование, которое включает следующие компоненты:

- адекватная оценка собственных действительных и потенциальных возможностей;
- стремление и готовность совершать внутренние и / или внешние действия для эффективного участия в новой для переводчика коммуникативной ситуации;
- переживание стрессовых ситуаций как временных и необходимых для достижения цели;
- восприятие адаптации как неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, необходимой для создания и формирования эффективного коммуникативного пространства.

Переводческая оперативная адаптация представляет собой комплекс знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику адаптироваться к условиям конкретного коммуникативного события. Успешная оперативная адаптация переводчика зависит от его профессиональной активности, формируемой такими составляющими как целеустремленность, решительность, самоконтроль, инициативность.

2.2. Социокоммуникативное поведение переводчика: контексты русской лингвокультуры

Коммуникативное поведение является важной составляющей личности переводчика. Комплексный, многоплановый характер коммуникативного поведения переводчика обусловлен спецификой его профессиональной деятельности, позицией, занимаемой переводчиком в конкретном коммуникативном акте межъязыковой / межкультурной интеракции. В коммуникативном поведении эксплицируется все компоненты структуры языковой личности: цели, намерения как составляющие мотивационного пласта; умение использовать вербальные средства в соответствии с нормами языка и в зависимости от коммуникативной ситуации как реализация вербально-семантического уровня организации языковой личности; знания, идеи, понятия как результат сформированности языковой картины мира, представляющей лингвокогнитивный пласт структуры личности.

Коммуникативное поведение как один из сущностных компонентов культуры является национально-культурно маркированным феноменом, отражает нормы, стереотипы, традиции, символы, жесты, присущие конкретной лингвокультуре (Черничкина, 2007, с. 177). Переводчик, осуществляя общение между носителями разных лингвокультур, должен обладать способностью распознавать культурно-маркированные аспекты поведения интерактантов, помогать им преодолевать лингвокультурные барьеры с целью избежать или минимизировать возможное возникновение когнитивного диссонанса.

Качество осуществления устного последовательного перевода часто оценивается, в том числе по поступкам и поведению переводчика. Характеристики личности переводчика проявляются и реализуются в его профессиональной деятельности. Сознательный выбор определенных действий, умение определять как общую тональность коммуникации, так и тональные программы, избранные коммуникантами для реализации своих частных интенций, способность гибко реагировать на смену регистра общения,

самостоятельно принимать решения в конфликтных ситуациях, все это свидетельствует об уровне сформированности коммуникативной личности переводчика.

Сущность любого вида общения заключается в передаче или обмене мыслями, идеями, знаниями, эмоциями, которые вызывают у коммуниканта определенное отношение к партнеру по общению. В связи с этим, определение коммуникативного статуса переводчика возможно с позиции самих участников межъязыковой интеракции, которые произвольно или сознательно воспринимают действия переводчика, дают им оценку, которая может быть вербально эксплицирована как осознанно с целью выразить свое мнение о переводчике как о личности и как о профессионале, так и бессознательно в комментариях и рассуждениях о личностных и профессиональных качествах и действиях переводчика. Иными словами необходимо проанализировать, как воспринимают переводчика участники общения, считают ли общение, опосредованное переводом равноценным одноязычному, отождествляют ли переводчика с равноправным участником общения или напротив определяют его роль в коммуникации как второстепенную. За основу анализа взяты рефлексивные высказывания (размышления, обсуждения, наблюдения, комментарии) о переводчике и его профессиональной деятельности, представленные в контекстах Национального корпуса русского языка.

Как показал анализ авторефлексий переводчиков, личности переводчика свойственна **реляционность**, которая заключается в его стремлении обеспечивать взаимосвязь коммуникантов и их результативное общение. В рефлексиях о переводчике как субъекте двуязычной коммуникации отмечается такое свойство переводческой реляционности как её наполненность. **Переводческая реляционность** непостоянна, степень её **величины и интенсивности** зависит от прагматических параметров коммуникации. Переводческая реляционность может быть **полной и частичной** в зависимости от координационной способности переводчика.

Разнообразие ситуаций межъязыкового общения детерминируют специфику переводческой деятельности, одним из аспектов которой является сопровождение коммуникантов практически в любые моменты коммуникации. Известно, что устный переводчик при осуществлении двустороннего и одностороннего последовательного перевода в большинстве случаев должен находиться рядом с коммуникантами. Согласно условиям некоторых коммуникативных ситуаций переводчик вынужден постоянно сопровождать общающихся. Это наглядно отражено в следующем фрагменте текста:

На поле бразильцы приходят последними, когда остальные, дурачась, уже разыгрывают квадрат в одно касание. Веллитон, Алекс и Кариока, сложив руки в подмышки, ежатся от холода на скамейке.

*– Вот с этой девушкой у тебя будет интервью, – **представляет меня бразильцу переводчик Роман.***

– Ола! – сверкают железные брекеты форварда.

*– **Я Веллитону как второй папа,** – рассказывает Роман. – С тех пор как он приехал в Россию, постоянно с ним. Когда он был травмирован, я лежал с ним в больнице в одной палате, не отходил ни на шаг. Когда приезжает его сын, мы проводим вместе выходные. При Лаудрупе на тренировках бегал с ним по полю – переводил слова тренера. Сейчас он хорошо понимает и немного говорит по-русски. (Насекина А. Нападающий «Спартака» Веллитон: Я бы сыграл за сборную России! // Советский спорт, 2009.10.02).*

Переводчик бразильского футболиста Соареса де Мораиса Веллитона подчеркивает необходимость сопровождать спортсмена не только во время тренировок и игр, но и в других случаях, когда может потребоваться перевод. Переводчик сравнивает отношения между ним и футболистом с родственными, когда называет себя *вторым папой*, отмечая то, что *постоянно* находится рядом со спортсменом даже в ситуациях, выходящим за рамки его профессиональной деятельности. Кардинально меняя свое поведение, подстраиваясь под условия профессиональной деятельности своего клиента, переводчик проявляет полную профессиональную реляционность.

Такое поведение переводчиков, обусловлено как самой ситуацией перевода – одним из важным прагматических факторов коммуникации, так и задачей сделать общение максимально продуктивным для обеих сторон – спортсмена и его тренера. Примечательно, что постоянное присутствие переводчика рядом со спортсменом вызывает удивление не только у журналистов, для которых эта ситуация оказывается новой, но и у тренеров, для которых общение со спортсменами через переводчика является частью профессиональной практики:

И вот что перед матчем с «Эвертоном» Рэднапп рассказал о нем в интервью британскому изданию «Daily Mail»: – В первые дни моего пребывания в команде Романа всюду сопровождал переводчик. Они даже по полю вместе носились. Представляете, переводчик надевал спортивный костюм и бутсы! – смеется тренер. – На первом тренировочном занятии ко мне постоянно подбегал этот парень, говорил со мной, а потом бежал назад и передавал Павлюченко мои слова. Смотрелось это, конечно, комично (Д. Бутырский. Советский спорт, 2008.12.01).

Недоумение, вызванное у тренера подобным поведением переводчика, очевидно: восклицание *«Представляете, переводчик надевал спортивный костюм и бутсы!»* выдает эмоции, связанные с приятным «сюрпризом» – удивлением готовности переводчика максимально соответствовать социокоммуникативному контексту, в данном случае, даже не выделяться одеждой. Речь тренера, сопровождающаяся смехом и высказыванием *«Смотрелось это, конечно, комично»*, характеризует ситуацию как нечто занимательное и удивительное.

Заинтересованность переводчика в эффективности коммуникации управляет его стремлением достичь максимально полной профессиональной реляционности. Спокойное перекодирование информации в стрессовых ситуациях является одним из элементов медиации в межкультурной коммуникации:

- *Затем Гвардиола отвечает на вопросы, заданные на каталонском языке. Российские журналисты просят перевести, но куда там! У «Барсы» свои традиции, вопросы на каталонском не переводятся. Гвардиола отвечает долго, обстоятельно.*

– *Не волнуйтесь, он здесь сидеть будет, никуда не уйдет, – успокаивает переводчик россиян.*

– *Анри мог забить в концовке матча, – наконец российским журналистам удается задать вопрос. – Что ему помешало? Может, ему пора заканчивать?* (А. Егоров. Советский спорт, 2009.11.05).

Коммуникация, происходящая в рамках таких жанров устного дискурса как брифинг, пресс-конференция, интервью и т.д., а также неформального общения с журналистами в нередких случаях протекает в эмоциональной атмосфере, обусловленной профессиональным стремлением журналистов получить ответы на все интересующие их вопросы. В описываемой ситуации знание переводчиком специфики такого рода мероприятий, а также традиции испанской футбольной команды отвечать на вопросы, заданные на каталонском, на их родном языке без перевода для местной прессы дает переводчику основание вступить с представителями российской прессы в краткий диалог и смягчить ситуацию посредством митигативной тактики.

Двуязычная коммуникация, опосредованная переводом, в идеале должна быть максимально приближена к одноязычной, то есть отношения в коммуникации должны строиться по принципу «адресант-адресат» – каждый вопрос или высказывание должно быть адресовано непосредственно партнеру по коммуникации, а не переводчику. В некоторых случаях коммуниканты предпочитают задавать вопрос не напрямую своему собеседнику, а переводчику:

Мне про легионера, знаешь, какой случай рассказали? Привезли пять лет назад в одну из футбольных команд нашей премьер-лиги шведа. Тренер на него орет, а швед не понимает и спрашивает у переводчика: «За что меня тренер ругает?» Тот шведу поясняет: «Не открываешься, нас вовремя не отдаешь».

А швед отвечает: «Так я же не футболист! Я в хоккее с мячом играю. Мы в футбол только на разминках бегали» (Савоничева Е. Руслан Аушев. «Игрока по глазам видно. Иногда смотришь – пустота...» // Советский спорт, 2010.02.23).

Эмоциональный накал разговора, протекающего на повышенных тонах, вызывает недоумение спортсмена, связанное, в том числе с непониманием иноязычной речи. Желание спортсмена как можно скорее узнать причину недовольства тренера заставляет его, не дожидаясь самого перевода, обратиться с вопросом к переводчику *«За что меня тренер ругает?»*. Примечательно, что переводчик старается сохранить диалогичность общения, и передает речь тренера, используя не сложноподчиненное предложение с косвенной речью (например, *тренер сказал, что..., тренер недоволен тем, что... и т.д.*), что было бы логичной формой ответа на поставленный вопрос, а использует односоставное определенно-личное предложение с главным членом сказуемым: *«Не открываешься, нас вовремя не отдаешь»*, что позволяет данному высказыванию звучать как сказанное тренером от первого лица.

Глубокая эмоциональная и когнитивная включенность в текущую ситуацию позволяет переводчику осуществлять выбор стратегий и тактик, направленных на достижения оптимального решения его коммуникативных задач. Переводчик, работающий продолжительное время со своим клиентом, обладает определенным запасом знаний об особенностях его характера, привычках, предпочтениях, то есть обретает **внутреннюю интегральность**, что позволяет ему предугадывать реакции его клиента:

*Я решил спросить Алекса напрямую, какой у него размер ноги. Только вот на каком языке спросить? Алекс говорит только на португальском. – **Не надо нервировать человека**, – сказал переводчик на базе в «Тарасовке». – Лучше пришлите вопросы, а мы вам вышлем ответы... И все-таки я предпринял попытку если не поговорить с Алексом, то хотя бы посмотреть (без слов), какого размера у него бутсы. После тренировки, вместо того чтобы заняться штрафными ударами, Алекс побежал в раздевалку,*

отделенный от россиян непреодолимым языковым барьером. Не знаю, что на меня нашло, но я закричал ему вслед... по-французски: «Мсье Алекс! (Туманов Д.. «Спартак» – «Локомотив». Чьи пушкاري сильнее? // Советский спорт, 2010.03.30).

Вероятностное прогнозирование негативной реакции спортсмена на вопросы журналиста, основанное на внутренней интегральности переводчика, дает переводчику основание попытаться остановить журналиста для чего он в несколько резкой форме просит не задавать спортсмену лишних вопросов. Примечательно, что журналист, охваченный профессиональным желанием разузнать интересующую его информацию, такую просьбу переводчика не посчитал резкой и достаточно убедительной.

Уточнение и объяснение необходимых сообщений является также одной из составляющих медиации в межъязыковой коммуникации:

- – *Читал, что его знакомство с Жорже получилось забавным.*
- *Ну да. Был сбор в Турции. Жорже знакомится с командой. Спрашивает, кто из какого клуба. Ну, Юрок и отвечает, что из «Спартака». «О, «Спартак», о'кей!» – португалец его по плечу похлопал. **Переводчик догоняет, говорит:** «Спартак» не московский, а из второго дивизиона». Жорже все равно: «О'кей, он остается в ЦСКА». (Локалов А.. «Тамбов славен медом, картошкой и Юрой немножко». Корреспондент «Советского спорта» пообщался с родными, тренерами и учителями лучшего игрока страны // Советский спорт, 2008.12.29).*

Во многих ситуациях опосредованной коммуникации переводчик объективно участвует в межъязыковом общении на равных и порой следует за клиентом по пятам, что является наглядным примером его полной профессиональной интегральности:

- ***Постоянно был у скамейки запасных со своим переводчиком, реагировал на все ситуации.** (Марк Волохов. Оптимистичная драма хоккейного «Кузбасса» // Комсомольская правда, 2010.10.24)*

- *Как ганская федерация могла назначить на пост главного тренера человека с такими скудными достижениями, который к тому же не знал английского языка? Раевац, кстати, так и не выучил его. И поэтому, работая со сборной Ганы, всюду таскал с собой переводчика.* (Тарасенко И.. Белый колдун. Тренера Милована Раеваца обожает вся Африка, а сам серб любит исчезновения // Советский спорт, 2011.03.29)

- *Узнать на тренировке его просто: небольшого роста, смуглый, но главное - с любого конца поля можно услышать его быструю и громкую речь. Он редко произносит русские слова типа «право-лево» и «давай-давай», в основном говорит по-испански. Но для игроков это не проблема. **Неизменно следующий за ним переводчик Руслан Зубик синхронно повторяет слова Пепе по-русски.*** (А. Белоусов. Комсомольская правда, 2011.02.04).

В большинстве комментариев коммуникантов постоянная готовность переводчика осуществлять перевод описывается такими словосочетаниями, как: *постоянно с ним, неизменно следующий за ним, всюду таскал с собой, не отходил ни на шаг, буквально следует по пятам, бегаем за ним, приходится бегать по полю и объяснять, всюду сопровождал, даже по полю вместе носились, постоянно подбегал.*

Интегральность переводчика не означает взятие на себя главной роли в коммуникации. Так, в рефлексиях о переводчике преобладают описания, в которых агенсом, порождающим высказывание, называют не переводчика, а самого говорящего, что подчеркивает роль коммуникантов как инициаторов и главных субъектов общения:

- – *Нет, сейчас, наоборот, важно отвлечь его от этих ужасных мыслей, – на этих словах Одерленд, вконец замерзший, делает рывок на другой конец поля. Там **Адвокат при помощи переводчика дает указания**.*

– *Василий, иди на мяч, на мяч иди! – что есть мочи кричит Дик одному из братьев Березуцких.*

– *Вратарь – это тоже игрок вашей команды, пасуйте на него! – крик защитникам. – Почему не пасуете?!*

– О-о, Костя, вот это гол! – Зырянову.

– Алан, жестче, жестче с ними! – Дзагоеву

(Кузовенко С. «О-о, Костя, вот это гол!». Дик Адвокат устроил открытую тренировку для прессы и был на ней главным солистом // Советский спорт, 2011.03.24).

- Вдруг он призывно замахал руками и с помощью переводчицы объяснил, что он есть мсье Мишель Лабардин, вице-президент компании «Мортье и сыновья», и дегустировать сегодня мы будем бордо. (В. Казаков. Бордо рассыпчатое и округлое (1997) // «Столица», 1997.11.11)

- Уже у офиса фирмы, после раздачи бесплатных горячих обедов, при помощи переводчика удалось уговорить рабочих отправиться в общежитие. (А. Козырин. Почему китайские рабочие устраивают марши протеста по Благовещенску // Комсомольская правда, 2009.09.17).

Как показал материал, в предложениях, описывающих ситуацию опосредованной коммуникации, в позиции подлежащего стоят не существительные *переводчик* и *переводчица*, а местоимения и существительные, обозначающие агенса:

- Актер представил журналистам сына Оливье, который, к слову, нисколько не похож на отца. Отпрыск через переводчика объяснил, почему не стал комиком. Он всегда любил джаз, а профессиональный весельчак (кивает на папу) в семье и так уже был. (С. Дмитренко. Комсомольская правда, 2011.03.22).

Таким образом, свойственная профессиональной личности переводчика **реляционность** характеризуется непостоянностью, степень её **величины и интенсивности** зависит от прагматических параметров коммуникации. Переводческая реляционность может быть **полной и частичной** в зависимости от координационной способности переводчика.

Выбор стратегий и тактик, релевантных для достижения оптимального решения коммуникативных задач переводчика, зависит от степени профессиональной интегральности переводчика. Переводчик, работающий со

своим клиентом продолжительное время, обладает определенным запасом знаний о его прагматических характеристиках, то есть обретает **внутреннюю интегральность**, что, не подразумевает взятие на себя переводчиком главной коммуникации роли.

2.3. Социокоммуникативное поведение переводчика: контексты британской и американской лингвокультур

Активная позиция, занимаемая переводчиком в процессе формирования двуязычной коммуникации, возлагает на него большую ответственность за её результат. Двуязычная коммуникация представляет собой трехсторонний обмен информацией и действия каждой стороны оказывают на нее влияние, но поведение переводчика имеют особое значение, так как именно его действия формируют общее для коммуникантов интеракционное пространство.

При осуществлении двустороннего последовательного перевода переводчики придерживаются, как правило, следующего алгоритма действий:

- 1) переводчик прослушивает речь адресанта;
- 2) переводчик фиксирует / не фиксирует речь адресанта время её прослушивания, используя переводческую запись;
- 3) переводчик воспроизводит текст перевода, с опорой или без опоры на переводческую запись.

Данный алгоритм действий представляется весьма наглядным и понятным, в полной мере отражает, что должен делать переводчик для того, чтобы осуществлять последовательный перевод. Данный алгоритм действий ставит перед переводчиком конкретное задание «**что** нужно делать, чтобы переводить» и «**как** нужно делать, чтобы переводить». Не вызывает сомнения, что профессиональный переводчик будет придерживаться данного алгоритма, видоизменяя его в зависимости от ситуации перевода. Помимо этих структурирующих действий, переводчик также осуществляет другие действия. Именно эти действия имеют особое значение для коммуникации, так как определяют «**как** будет протекать коммуникативный процесс» и «**каким** будет его конечный продукт». Несомненный интерес представляет то, какие действия переводчика оказывают наибольшее влияние на коммуникацию и чем эти действия обусловлены.

Для определения того, чем обусловлено коммуникативное поведение переводчика в конкретном акте коммуникации, необходимо проанализировать ситуации перевода, в которых действия переводчика имели особенное значение для положительного / отрицательного результата коммуникации.

Материалом исследования послужили фрагменты англоязычных текстов, в которых описаны ситуации осуществления двустороннего последовательного перевода, в которых английский является одним из языков языковой комбинации: английский – русский, английский – немецкий, английский – французский, английский – испанский и т.д.

Одной из самых главных причин возникновения непонимания между коммуникантами в двуязычном общении является неточно переданный переводчиком смысл их высказываний. Приведем пример, который показывает, что незнание переводчиком культурно-обусловленного значения слова привело к смысловой ошибке в переводе:

Адвокат: *Did you say to Ms X that you were gonna go into her home and strangle her?*

Переводчик: *¿ Usted le dijo a a lad señora X que iba ir a la casa de ella y estrangularrla?*

Did you say to Mrs. X that you were going to go to her house and strangle her?

Допрашиваемый: *No, yo soy una persona muy educada para decir eso.*

-No, I'm a very educated person to say that.

Переводчик: *No, I'm an educated person, I couldn't say that .*

Перевод на русский язык:

Адвокат: *Вы говорили мисс X, что собираетесь прийти к ней домой и задушить её?*

Переводчик: *¿ Usted le dijo a a lad señora X que iba ir a la casa de ella y estrangularrla?*

Вы говорили миссис X, что собираетесь прийти к ней домой и задушить её?

Допрашиваемый: *No, yo soy una persona muy educada para decir eso.*

- *Нет, Я очень хорошо воспитан, чтобы сказать такое.*

Переводчик: *Нет, я образованный человек, я не мог так сказать.*

В приведенном примере допрашиваемое лицо говорит дословно “*No, I’m a very educated person to say that*”. Его ответ был передан переводчиком следующим образом “*I couldn’t say that*”. В испанском языке понятие “*education*” (образование/ воспитание) имеет два значения: 1) образование, полученное в школе и 2) образование, полученное дома, то есть воспитание. Второе значение культурно-специфично и отражается в том, как люди ведут себя в обществе. В своем ответе допрашиваемый говорит не о том, что он получил хорошее образование, а о том, что он – хорошо воспитанный человек, что означает, что его воспитали должным образом и поэтому угрожать таким образом кому-либо для него не свойственно. Таким образом, незнание культурно-обусловленного значения существительного “*education*”, существующего в итальянском языке, привело к искажению смысла высказывания.

Переводчики часто сталкиваются с разнообразием диалектов и стилей речи, незнание которых может затруднять коммуникацию. Из-за непонимания высказываний коммуникантов перед переводчиком встает необходимость задавать уточняющие вопросы. Коммуниканты также не всегда понимают переводчиков. В некоторых случаях переводчикам приходится перефразировать или объяснять смысл высказываний в более понятной для коммуниканта форме. Не смотря на это, простые объяснения не всегда приводят к лучшему пониманию. Обратимся к примеру перевода слушания по делу предоставления политического убежища, который показывает, как ведет себя переводчик, столкнувшийся с проблемой непонимания диалекта респондента (П – переводчик, С – соц. работник, Б – претендент на получение политического убежища):

С: *Weshalb nicht?*

Why not?

П: *Why not? You said there was no possibility to get...*

Б: *They say they have curfew...*

П: *...there at that time. Why not?*

С: *Coffee.*

Б: *...there. They say they have curfew. Yes.*

П: *Pardon? Coffee?*

С: *...to drink?. What do you mean by coffee?*

Б: *Hä?*

Перевод на русский язык:

С: *Weshalb nicht?*

Почему нет?

П: *Почему нет? Вы сказали, что не было возможности...*

Б: *Говорят, что был введен комендантский час*

П: *...там, тогда. Почему нет?*

С: *Кофе*

Б: *...там. Говорят, что был введен комендантский час. Да.*

П: *Извините? Кофе?*

С: *...пить? Что Вы имеете в виду, говоря «кофе»?*

Б: *Что?*

Социальный работник говорит на немецком языке, а претендент на получение политического убежища, гражданин Нигерии – на нигерийском диалекте английского языка. Респондента просят объяснить, почему он бежал из своей страны, а не попытался искать убежища в какой-нибудь другой части Нигерии, в которой не было религиозных конфликтов. Респондент объясняет, что это было невозможно, так как был введен комендантский час (*curfew*). Респондент произносит английское существительное *curfew*, произнося его не в оригинальной транскрипции [k'z : fju :], а на нигерийском диалекте ['kofi]). Переводчик, услышал существительное *curfew*, произнесенное респондентом в транскрипции английского существительного *coffee* ['kofi], и не понял, почему в данной ситуации респондент стал говорить о *кофе*. Социальный работник также как и переводчик услышал ['kofi] и произнес существительное *coffee*

вслух, так как его удивило, что респондент заговорил о кофе в данном контексте. Переводчик не сразу перевел ответ респондента *They say they have curfew*, а решил уточнить, что именно он ответил, задав респонденту следующий вопрос: *...there at that time. Why not?* (...там, тогда. Почему нет?). Респондент повторил свой ответ, снова произнеся [*'kofi*]. Переводчик понимает, что социальный работник также как и он сам слышит слово *coffee*, и принимает решение переспросить респондента: *Pardon? Coffee?*, за чем также следует уточняющий вопрос социального работника: *...to drink?. What do you mean by coffee?*. Эти вопросы привели респондента в замешательство, что он выразил в своем вопросе “*Hä?*” («Что?»).

Приведенный пример наглядно показывает, что, если между переводчиком и участниками коммуникации возникает непонимание, то переводчик обязан приложить дополнительные усилия для того чтобы сбалансировать потенциальные шероховатости в коммуникативном процессе. Действия, совершаемые переводчиком в данной ситуации, можно пояснить следующим образом: переводчик не сразу перевел ответ респондента, так как попытался скрыть, что услышал слово, которое, как ему показалось, неуместно в данном контексте, и он не был уверен, что переведет его правильно. Переводчик постарался замаскировать свое незнание и попытался сделать это, задав респонденту уточняющий вопрос. Когда социальный работник повторил, услышанное им [*'kofi*], переводчик, понял, что ему не удастся скрыть свое незнание, и он задал респонденту еще один уточняющий вопрос, в котором он произнес непонятное ему слово [*'kofi*]. Таким образом, переводчику удалось прояснить ситуации и одновременно сохранить свое «профессиональное лицо».

Профессиональная ответственность диктует переводчику необходимость осознания значимости интернальности. **Интернальность переводчика** представляет собой уровень субъективного контроля над ситуацией перевода. Чем выше этот уровень, тем больше переводчик осознает ответственность за результат коммуникации. И наоборот, чем больше переводчик отдает себе отчет в своей профессиональной ответственности за достижение цели

коммуникации, тем выше уровень его профессиональной интернальности. Термин **интернальность** введен в научный обиход психологом Дж. Роттером, который полагает, что чем выше интернальность, тем в большей степени человек считает именно себя причиной происходящего с ним.

Профессиональная ответственность обязывает переводчика стремиться предупреждать или нивелировать потенциальные сбои в коммуникации. Если при осуществлении двустороннего перевода между собеседниками существует / возникает недостаток совместного внимания и фокусирования на предмете общения, то переводчик может взять на себя инициативу и ликвидировать пробел в понимании, что позволит собеседникам преодолеть расхождения во взглядах. Приведем пример:

Адвокат: *did you see the doctor's wife, Mrs. Garcia, in the surgery?*

Переводчица: *- Mrs. Garcia?*

Адвокат: *- Yes.*

Переводчица: *- That's the name of the doctor.*

Адвокат: *- Sorry, that's Mrs. Barrientos, Mrs. Barrientos.*

Переводчица: *- Oh, I'm sorry.*

Адвокат: *- Sorry, you're right.*

Перевод на русский язык:

Адвокат: *Вы видели в приемной миссис Гарсия, супругу доктора?*

Переводчица: *миссис Гарсия?*

Адвокат: *Да*

Переводчица: *Так зовут доктора.*

Адвокат: *Простите, миссис Барриентос, миссис Барриентос.*

Переводчица: *Прошу прощения.*

Адвокат: *Извините, Вы правы.*

Ошибка, допущенная в данной ситуации несущественна и легко поправима. Переводчица поняла, что адвокат допустил ошибку в имени из-за недостатка концентрации внимания на беседе. Переводчица, контролируя все высказывания коммуникантов, решила задать адвокату уточняющий вопрос,

вместо того, чтобы буквально перевести его высказывание, содержащее ошибку, что без сомнения вызвало бы вопрос у допрашиваемого лица. Оперативное решение, принятое переводчицей, позволило избежать путаницы и не потребовалось дополнительное время для разъяснений.

Данный пример подчеркивает **регулирующую функцию переводчика**, который берет на себя ответственность уточнять и корректировать вопрос адвоката. Однако, это действие переводчика, позволившее сделать общение более понятным для обоих собеседников и избежать дополнительных разъяснений, разделило интеракционное пространство на две коммуникативных зоны, в которых актантами выступили 1) переводчик – адвокат и 2) допрашиваемое лицо. Решение переводчицы, без сомнения, ускорило процесс коммуникации, но изолировало допрашиваемое лицо (не понимающее, о чем говорили адвокат с переводчиком) от коммуникации. Как видно из примера, одно и то же действие, совершаемое переводчиком, может быть одновременно эффективным и деструктивным.

Для того чтобы двусторонний перевод стал успешным, необходимо, чтобы каждая из сторон общения была максимально полно «погружена» в ситуацию перевода и в конкретное коммуникативное событие. Однако, в силу определенных обстоятельств это не всегда возможно. Так в коммунальном переводе обе стороны общения рассматривают переводчика не только как человека, который ретранслирует смыслы высказываний на языке перевода, но и как человека, который хорошо ориентируется в ситуации. По этой причине, в некоторых случаях коммуниканты, полностью доверившись профессионализму переводчика, начинают чувствовать себя более раскрепощенно и расслабленно, что может приводить к потере концентрации внимания. Соответственно, переводчик в такой ситуации выступает организующим, контролирующим элементом, то есть внимательность переводчика выступает стержневым элементом концентрации внимания коммуникантов. **Общая интеракционная концентрация внимания в двустороннем переводе** заключается в фокусировании внимания всех партнеров по коммуникации на основной теме

общения. Общая интеракционная концентрация внимания является важным элементом достижения взаимосвязи коммуникантов. На всех этапах процесса перевода переводчик, опираясь на свою внимательность, стимулирует коммуникантов к концентрации внимания в процессе коммуникации, что позволяет коммуникантам.

Все действия переводчика являются частью реализации его задачи по координированию интеракции. Действия переводчика ориентированы на то, чтобы подготовить адресата к получению информации от адресанта или на то, чтобы получить информацию от него самого, то есть действия переводчика определяют порядок смены коммуникативных ролей, то есть реализуют координирующую функцию переводчика. Другими словами, форма и содержание разговора находится в частичной зависимости от действий или отсутствия действий со стороны переводчика. Это значит, что в опосредованной переводом коммуникации, действия переводчика, осознанно направленные на частичное или полное изменение смысла высказываний коммуникантов, как например смягчение категоричности высказываний или опущение высказываний могут являться показателем стремления переводчика достичь наибольшей связности и согласованности всего коммуникативного процесса. Обратимся к примеру:

Ingrid works as an interpreter with Russian-speaking refugees in Denmark. Once she had an assignment at a camp for refugees where a social worker met a family of four, a husband and wife with two small children. They were newcomers in the country and at the camp. Introducing himself and his family, the husband mentioned their origin as being Armenian. One of the first things he pointed out was that Armenians are Christians, and Ingrid quotes his statement: vveli christianstvo usche v 301 godu do nashej ery ("Christianity was already introduced [by the Armenians] in the year 301 BC.") The last part, "before Christ" (in Russian: do nashej ery, lit. "before our era"), Ingrid says she deliberately left out. (It is impossible to tell, however, whether she willfully decided to interpret as she did, or if

she interpreted automatically, as it were, but, on second thoughts, wanted to explain the omission.)

Перевод: *Ингрид работает устным переводчиком русскоговорящих беженцев в Дании. Однажды, получив задание на работу в лагере для беженцев, Ингрид познакомилась с одной семьей, состоящей из четырех человек: главы семейства, его жены и двух маленьких детей. Они впервые приехали в страну и также были новичками в лагере. Представляя себя и свою семью, глава семьи упомянул, что они по происхождению армяне. Одним из первых он подчеркнул, что армяне являются христианами, и Ингрид процитировала это утверждение: ввели христианство уже в 301 году до нашей эры. Последнюю часть «до нашей эры» Ингрид намеренно опустила. Невозможно сказать, перевела ли она так специально или просто так получилось автоматически, но спохватившись, переводчица захотела объяснить причину пропуска.*

В примере, который описывает переводчица Ингрид, она приняла высказывание мужчины как противоречащее правилам коммуналного перевода и побоялась переводить его в оригинальном виде, так как это вполне могло бы нарушить ее беспристрастный вид, зная себя, а также соцработника (женщину своего возраста), она бы рассмеялась. Следовательно, появлялся риск выставить мужчину на посмешище не только в присутствии двух иностранных женщин, но и перед собственной женой и детьми. По её мнению, подобное «дословное» перевыражение могло бы разрушить авторитет человека, который старался выглядеть осведомленной главой семьи, в то время как его речь привела бы к диаметрально противоположному результату.

Она поняла высказывание мужчины-беженца, включая добавленное «до нашей эры», которое, прежде всего, необходимо было рассчитывать как подтверждение принадлежности его и его семьи к новой стране. Акцентируя внимание на том, что все армяне христиане по вероисповеданию, данный мужчина позиционирует себя частью конкретного религиозного и культурного пространства, например, тот факт, что он не мусульманин.

Опережая возможные ксенофобные настроения по отношению к людям другой религии, цвета кожи, с другой манерой одеваться и говорить, мужчина представляет себя и свою семью, акцентируя внимание на очевидных общих чертах Армении и принимающей страны.

Переводчик должен точно передавать смысл высказываний коммуникантов, без преувеличений, добавлений или опущений. Текст перевода должен максимально соответствовать содержанию и значению текста оригинала. Выбор переводческого соответствия зависит от таких факторов как социальный статус коммуникантов и преследуемый / желаемый результат ситуации коммуникации.

Например, если начальник просит сотрудника “*Would you mind typing this for me?*”, переводчик должен понять, является ли это высказывание вопросом или «вежливой» формой просьбы напечатать текст. Переводчик также должен учесть то, насколько срочным является выполнение этой просьбы для начальника. Соответственно, в данной ситуации перед переводчиком стоит задача выбрать и построить на языке перевода такое высказывание, которое будет воспринято сотрудником как вопрос, но в тоже время будет императивным, выражающим требование начальника напечатать текст.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что важной характеристикой профессиональной ответственности переводчика является осознание значимости профессиональной интернальности. **Интернальность переводчика** представляет собой уровень субъективного контроля над ситуацией перевода. Чем больше переводчик осознает ответственность за достижение цели коммуникации, тем выше уровень его профессиональной интернальности.

Переводчик выступает организующим, контролирующим звеном, внимательность которого выступает **стержневым элементом концентрации внимания коммуникантов**. На всех этапах процесса перевода переводчик, стимулирует коммуникантов к концентрации внимания в процессе коммуникации. **Общая интеракционная концентрация внимания в**

двустороннем переводе заключается в фокусировании внимания всех партнеров по коммуникации на основной теме общения.

Выводы по главе 2

Анализ качеств и характеристик профессиональной личности переводчика как профессионала может быть произведен с двух позиций: 1) на основе рефлексивных суждений участников двуязычной коммуникации как совокупности мнений и критических замечаний о переводчике как субъекте двуязычной коммуникации и его профессиональной деятельности и 2) на основе авторефлексий переводчиков как формы размышления относительно собственной профессиональной деятельности, самопознания, самокритики, как одной из составляющих профессионального дискурса переводчиков. Специфика переводческого авторефлексирования как формы субъективного осмысления собственной профессиональной деятельности заключается в возможности регулировать свои действия в различных ситуациях перевода.

Анализ рефлексий и авторефлексий переводчиков показал, что важной характеристикой профессиональной личности переводчика является адаптивность. **Профессиональная адаптивность переводчика** представляет собой комбинацию свойств и характеристик, которые позволяют переводчику приспосабливаться к различным рамкам коммуникативных ситуаций. В основе профессиональной адаптивности переводчика лежит превентивная адаптивность. **Превентивная адаптация** переводчика представляет собой процесс подготовки к устному переводу, который включает следующие этапы:

- определение тематики общения, места общения, характеристик коммуникантов и т.д.;
- моделирование потенциально возможных ритуализованных коммуникативных ситуаций (приветствие, прощание, встреча, знакомство, благодарность, поздравление и т.д.) с целью составления двуязычных глоссариев;
- прогнозирование смены коммуникативных ролей интерактантов.

Результатом превентивной адаптации переводчика является **превентивная адаптивность** как профессиональное новообразование, которое включает следующие компоненты:

- адекватную оценку собственных действительных и потенциальных возможностей;
- стремление и готовность совершать внутренние и / или внешние действия для эффективного участия в новой для переводчика коммуникативной ситуации;
- переживание стрессовых ситуаций как временных и необходимых для достижения цели;
- восприятие адаптации как неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, необходимой для создания и формирования эффективного коммуникативного пространства.

Переводческая оперативная адаптация представляет собой комбинацию знаний, умений и навыков, которые позволяют переводчику адаптироваться к условиям конкретного коммуникативного события. Успешная оперативная адаптация переводчика зависит от его **профессиональной активности**, формируемой такими составляющими как **целеустремленность, решительность, самоконтроль, инициативность**.

Важной составляющей личности переводчика является его коммуникативное поведение. Коммуникативное поведение переводчика имеет комплексный, многоплановый характер, обусловленный спецификой его профессиональной деятельности, позицией, занимаемой переводчиком в конкретном коммуникативном акте межъязыковой / межкультурной интеракции. В коммуникативном поведении переводчика эксплицируется все компоненты структуры его языковой личности: цели, намерения как составляющие мотивационного пласта; умение использовать вербальные средства в соответствии с нормами языка и в зависимости от коммуникативной ситуации как реализация вербально-семантического уровня организации языковой личности; знания, идеи, понятия как результат сформированности

языковой картины мира, представляющей лингвокогнитивный пласт структуры личности.

Важной характеристикой языковой личности переводчика является **реляционность**. **Степень величины и интенсивности переводческой реляционности** зависит от прагматических параметров коммуникации. Переводческая реляционность может быть **полной и частичной** в зависимости от координационной способности переводчика.

Глубокая эмоциональная и когнитивная включенность в ситуацию перевода позволяет переводчику осуществлять выбор стратегий и тактик, направленных на достижение оптимального решения его коммуникативных задач. Переводчик, обладающий определенным запасом знаний об особенностях характера, привычках, предпочтениях коммуникантов, обретает внутреннюю интегральность.

Активная позиция, занимаемая переводчиком в процессе формирования двуязычной коммуникации, возлагает на него профессиональную ответственность за её результат. Двуязычная коммуникация представляет собой трехсторонний обмен информацией и действия каждой стороны оказывают на нее влияние, но поведение переводчика имеют особое значение, так как именно его действия формируют общее для коммуникантов интеракционное пространство.

Профессиональная ответственность диктует переводчику необходимость осознания значимости интернальности. **Интернальность переводчика** представляет собой уровень субъективного контроля над ситуацией перевода. Чем выше этот уровень, тем больше переводчик осознает ответственность за результат коммуникации, и наоборот, чем больше переводчик отдает себе отчет в своей профессиональной ответственности за достижение цели коммуникации, тем выше уровень его профессиональной интернальности.

Переводчик выступает организующим, контролирующим звеном, внимательность которого выступает **стержневым элементом концентрации внимания коммуникантов**. Важной составляющей достижения взаимосвязи

коммуникантов в двуязычной коммуникации является **общая интеракционная концентрация внимания**, которая заключается в фокусировании внимания всех партнеров по коммуникации на основной теме общения. Действия переводчика являются частью реализации его задачи по координированию интеракции.

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка комплексного анализа социокоммуникативных характеристик языковой личности переводчика, которая представляет собой комплексный коммуникативный феномен, являющийся результатом взаимосвязи первичной и вторичной языковой личности и трансляционной личности.

Языковая личность переводчика принадлежит к элитарному или эталонному типу речевой личности, соотносится с вторичной языковой личностью и коммуникативно-деятельностной речевой личностью и является функционально-обусловленным типом языковой личности.

Профессиональная личность переводчика обладает профессиональной картиной мира и совокупностью профессиональных языковых черт, владеет стандартным и специальными регистрами и необходимым профессиональным запасом дискурсивных способностей.

Переводчик как коммуникативно-активный субъект представляет особый функционально-обусловленный тип языковой личности, трансляционную личность, задача которой заключается в максимально адекватном перевыражении текста оригинала на языке перевода. Особенности сознания переводчика обусловлены характером его профессиональной деятельности, что позволяет рассматривать переводчика как социокоммуникативную личность, цель которой заключается в эффективном взаимодействии с другими участниками коммуникативного процесса.

Анализ рефлексий и авторефлексий переводчиков показал, что языковая личность переводчика характеризуется адаптивностью. **Профессиональная адаптивность переводчика** является комплексом свойств и характеристик, позволяющих переводчику осуществлять перевод в различных коммуникативных ситуациях. Основу профессиональной адаптивности переводчика составляет его превентивная адаптивность. **Превентивная**

адаптация переводчика представляет собой процесс подготовки к устному переводу, результатом которого является сформированная превентивная адаптивность. **Профессиональная превентивная адаптация** переводчика включает следующие этапы подготовки:

- определение тематики общения, места общения, характеристик коммуникантов и т.д.;
- моделирование потенциально возможных ритуализованных коммуникативных ситуаций (приветствие, прощание, встреча, знакомство, благодарность, поздравление и т.д.) с целью составления двуязычных глоссариев;
- прогнозирование смены коммуникативных ролей интерактантов.

Результатом превентивной адаптации переводчика является **превентивная адаптивность** как профессиональное новообразование, которое включает следующие компоненты:

- адекватную оценку собственных действительных и потенциальных возможностей;
- стремление и готовность совершать внутренние и /или внешние действия для эффективного участия в новой для переводчика коммуникативной ситуации;
- переживание стрессовых ситуаций как временных и необходимых для достижения цели;
- восприятие адаптации как неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, необходимой для создания и формирования эффективного коммуникативного пространства.

Было установлено, что переводчик обладает способностью приспосабливаться к условиям конкретного коммуникативного события благодаря **оперативной адаптации**. Успешная оперативная адаптация переводчика зависит от его **профессиональной активности**, которая

реализуется посредством следующих характеристик личности переводчика: **целеустремленности, решительности, самоконтроля, инициативности.**

Проведенное исследование показало, что коммуникативное поведение переводчика как важная составляющая его профессиональной личности имеет сложный, многоплановый характер, обусловленный спецификой его профессиональной деятельности.

Также было выявлено, что важной характеристикой языковой личности переводчика является **реляционность**. Переводческая реляционность может быть как **частичной**, так и **полной** в зависимости от прагматических параметров коммуникации и координационной способности переводчика.

Внимательность как характеристика личности переводчика выступает организующим, **стержневым элементом концентрации внимания коммуникантов. Общая интеракционная концентрация внимания** является важной составляющей достижения взаимосвязи коммуникантов в двуязычной коммуникации и заключается в фокусировании внимания всех коммуникантов на основной теме общения.

Было выявлено, что **интернальность** как особый уровень субъективного контроля над ситуацией перевода является значимой характеристикой личности переводчика, чем больше переводчик отдает себе отчет в своей профессиональной ответственности за достижение цели коммуникации, тем выше уровень его профессиональной интернальности.

Перспективу исследования мы видим в дальнейшей разработке социокоммуникативных характеристик языковой личности профессионального переводчика, параметров коммуникативных действий переводчика в различных коммуникативных ситуациях.

Список литературы

1. Абдулмянова, И. Р. Проблема формирования профессиональной языковой личности переводчика при обучении иностранным языкам / И. Р. Абдулмянова // Исследования молодых ученых: сб. ст. аспирантов / отв. ред. А.В. Зубов. – Минск: Минск. гос. лингв. ун-т, 2006. – С. 199–203.
2. Агагюлова, С. И. Языковая личность и профессиональная языковая личность как объекты исследования лингвистики / С. И. Агагюлова // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В. И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 389–394.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – 2-е изд., стер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 352 с.
4. Алексеева, Л. М. Новые категории в современном переводоведении / Л. М. Алексеева // Теория перевода: новый вектор исследований. – СПб, 2002. – С. 7–12.
5. Аликина, Е. В. Переводческая семантография. Запись при устном переводе / Е. В. Аликина. – М. : Восток-Запад, АСТ, 2006.
6. Аликина, Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода / Е. В. Аликина. – М. : Восточная книга, 2010. – 192 с.
7. Аликина, Е. В. Интуиция в переводческой деятельности: переводческий аспект / Е. В. Аликина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 11– 1 (29). – С. 13–15.
8. Аликина, Е. В. Переводчик как метаязыковая личность / Е. В. Аликина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №4 (34): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 15–16.

9. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высш. школа, 1986. – 295 с.
10. Базылев, В. Н. Формирование «вторичной языковой личности» (исторический экскурс в русскую культуру иноязычного образования) / В. Н. Базылев // Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / отв. ред. Л. П. Клобукова, В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 93–116.
11. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
12. Бахтин, М. М. (Волошинов В. Н.) Марксизм и философия языка / М. М. Бахтин // Тетралогия. – М. : Лабиринт, 1998. – С. 298 – 456.
13. Бейлинсон, Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бейлинсон Любовь Семеновна. – Волгоград, 2001. – 19 с.
14. Бейлинсон, Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография / Л. С. Бейлинсон. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 266 с.
15. Белянин, В. П. Языковая личность автора в объявлении о знакомстве / В. П. Белянин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 185–191.
16. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 38 с.
17. Борисова, Е. Г. Интерактивный подход в лингвистике: пределы применимости // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог – 2006» / Под

- ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея – М.: Изд-во РГГУ, 2006 – С. 84–88.
18. Брандес, М. П. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 3-е изд., стереотип. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. – 224 с.
19. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. – М.: ВЦП, 2009. – 118 с.
20. Бушев, А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бушев Александр Борисович. – М., 2010. – 21с.
21. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика / А. Б. Бушев. – Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. – 265 с.
22. Бушев, А. Б. Психотерапевтическая риторика: монография / А. Б. Бушев, А. Б. Зиньковский, М. Г. Агкацева. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. – 256 с.
23. Валеева, Н. Г. Перевод – языковое посредничество, способ межкультурной и межъязыковой коммуникации / Н. Г. Валеева // Бюро переводов TR Publish. – М., 1996. [Электронный ресурс]. – URL <http://www.trpub.ru/valeeva-perevod-kommu>.
24. Вашурина, З. Родословная военных переводчиков / З. Вашурина, А. Шишканов // Независимое военное обозрение. [Электронный ресурс]. – URL : http://nvo.ng.ru/notes/2000-05-19/8_interpreters.html.
25. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 412 с.
26. Вендина, Т. И. Введение в языкознание / Т. И. Вендина. – М.: Высш. школа, 2003. – 288 с.

- 27.Вербицкая, М. В. Устный перевод Английский язык. Часть 1 / М. В. Вербицкая, Т. Н. Беляева, Е. С. Быстрицкая. – М. : ГЛОССА, 2008. – 384 с.
- 28.Вине, Ж.-П., Дарбельне, Ж. Технические способы перевода / Жан-Поль Вине, Жан Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 157–167.
- 29.Виноградов, В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов. – М. – Л., 1930. – 186 с.
- 30.Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 279 с.
- 31.Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
- 32.Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во института среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
- 33.Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М. : КДУ, 2006. – 240 с.
- 34.Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
- 35.Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография / Т. А. Волкова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2010. – 128 с.
- 36.Волкова, Т. А. Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика / Т. А. Волкова // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 6. – С. 192–209.
- 37.Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

38. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
39. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – 2-е изд. – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
40. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и лингвометодика: учеб. пособие для студ. линг. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.
41. Гилберт, Э. Есть, молиться, любить = Eat, Pray, Love; [пер. с англ. Ю.Ю. Змеевой] / Э. Гилберт. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 368 с.
42. Гойхман, О. Я. Основы речевой коммуникации: учебник / О. Я. Гойхман / под ред. О. Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА, 1997. – 269 с.
43. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики / Е. И. Голованова // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 261–270.
44. Гребенюк, О. С. Автобиография: философско-культурологический анализ: дис... канд. филос. наук : 24.00.01 / Гребенюк Олеся Сергеевна. – Ростов на Дону, 2005. – 142 с.
45. Гришаева, Л. И. Гендер и специальный язык / Л. И. Гришаева // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2002. – С. 47–56.
46. Гришаева, Л. И. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде: монография / Л. И. Гришаева, И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 262 с.
47. Гудков, Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1997. – С. 114–128.

48. Гуляева, Е. В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гуляева Евгения Вячеславовна. – Волгоград, 2009а. – 23 с.
49. Гуляева, Е. В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат» / Е. В. Гуляева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009б. – № 2. – С. 49–53.
50. Гуляева, Е. В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе / Е. В. Гуляева // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 184–187.
51. Гуляева, Е. В. Роль английского языка как посредника в глобальном пространстве образования / Е. В. Гуляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1–2 (31). – С. 72–75.
52. Делил, Ж. Анализ дискурса как метод перевода / Ж. Делил. – Оттава, 1980. – 166 с.
53. Добровольский, Д. О. Идиоматика в тезаурусе языковой личности / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2.
54. Долбунова, Л. А. Тезаурус языковой личности переводчика в аспекте межкультурной коммуникации / Л. А. Долбунова // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / отв. ред. Ю. М. Трофимова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 116–18.
55. Дридзе, Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М. : Наука, 1976. – С. 34–46.
56. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 137–156.

- 57.Егер, Г. Язык и личность: учебное пособие / Г. Егер, И. А. Раппорт. – Харьков: Издательство ХГУ, 1991. – 80 с.
- 58.Емельянова, Я. Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика: монография / Я. Б. Емельянова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2010. – 201 с.
- 59.Емельянова, Я. Б. Процесс формирования лингвострановедческой компетенции переводчика / Я. Б. Емельянова // Ярославский педагогический вестник – 2011. – № 2. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 67–71.
- 60.Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: Монография / М. Р. Желтухина / Ин-т языкозн. РАН. – М.-Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. – 264 с.
- 61.Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 91 с.
- 62.Жумагулова, Н. С. Модель языковой личности Г. И. Богина в ее отношении к современности [Электронный ресурс]. – URL : <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/4246/model%27-yazykovoi-lichnosti.pdf>.
- 63.Загидуллина, М. В. Введение / М. В. Загидуллина, Л. А. Нефёдова // Языковая личность переводчика: коллективная монография. – Челябинск, 2011. – С. 4–7.
- 64.Зимняя, И. А. Психология перевода: учебное пособие / И. А. Зимняя. – М. : МГПИИЯ, 1981. – 99с.
- 65.Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 226 с.
- 66.Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход: уч. пос / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – Нижний Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. – 91с.
- 67.Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие / Н. Н. Ивакина. – М. : Юность, 2004. – 384 с.

- 68.Иеронова, И. Ю. Формирование профессионально-посреднической культуры переводчика в культуросообразной среде университета: автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Иеронова Ирина Юрьевна. – Калининград, 2008. – 36 с.
- 69.Каде, О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 69–90.
- 70.Казакова, Т. А. Стратегии решения задач в художественном переводе Т. А. Казакова // Перевод и интерпретация текста. – М., 1988. – С. 246.
- 71.Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English-Russian / Т. А. Казакова. – СПб. : Лениздат; Союз, 2003. – 320 с.
- 72.Казакова, О. В. Особенности художественного перевода / О. В. Казакова. – Ростов на Дону: Феникс, 2006. – 160 с.
- 73.Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. Теория и практика / Т. А. Казакова. – М. : Инъязиздат, 2006. – 320 с.
- 74.Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 75.Карасик, В. И. Дискурсивная персонология. Язык, коммуникация и социальная среда / В. И. Карасик. – Воронеж: ВГУ, 2007. – Вып. 7. – С. 78–86.
- 76.Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
- 77.Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 422 с.
- 78.Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 261 с.
- 79.Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
- 80.Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

81. Карпухина, В. Н. Эффективность современных теорий и моделей перевода: когнитивно-аксиологический аспект / В. Н. Карпухина // Известия Алтайского государственного университета, серия Филология, том 1. – 2012. – № 2(74). – С. 134–139.
82. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.
83. Кашкин, В. Б. Метакоммуникация переводчика в примечаниях и комментариях / В. Б. Кашкин, Д. С. Князева, С. С. Рубцов // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 6. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 110–119.
84. Киндеркнехт, А. С. Монокультурная самоидентификация переводчика в процессе формирования межкультурной компетентности / А. С. Киндеркнехт // История перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: материалы Международной научно-практической конф. (Пермь, 28 – 30 мая 2008 г.). – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 79–84.
85. Клобукова, Л. П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 2. – М. : Филология, 1997. – С. 70–77.
86. Кованова, Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кованова Евгения Анатольевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 21 с.
87. Комиссаров, В. Н. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / В. Н. Комиссаров. – М., 1978. – 286 с.
88. Комиссаров, В. Н. Перевод и языковое посредничество / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика: Научно-теоретический

- сборник. Вып. 21 / под ред. Л. С. Бархударова. – М. : Высш. шк., 1984. – С.18 – 26.
- 89.Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студ. ин-тов и фак-тов иностр. языков / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253с.
- 90.Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.
- 91.Конецкая, В. П. Социология коммуникации: учебник / В. П. Конецкая. – М. : Международный университет управления, 1997. – 304 с.
- 92.Королькова, С. А. Дидактика письменного перевода / С. А. Королькова // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др.; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 214–272.
- 93.Королькова, С. А. «Сценарная» модель обучения устному переводу [Электронный ресурс] / С. А. Королькова, Э. Ю. Новикова // Современные проблемы науки и образования. – 2013а. – № 3. – Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/109-9286> (дата обращения: 06.06.2013).
- 94.Королькова, С. А. К вопросу о языковой подготовке переводчиков / С. А. Королькова // Мир образования – образование в мире. – Москва: Московский психолого-социальный университет. – 2013б. – № 3 (51). – С. 101–108.
- 95.Королькова, С. А. Текстотипологическая модель обучения письменному переводу / С. А. Королькова. – Германия: Издательство LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. – KG, 2013с. – S.165.
- 96.Королькова, С. А. Сценарно-ситуативный подход при обучении устному переводу / С. А. Королькова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014а. – № 2. – С. 105–109.

- 97.Королькова, С. А. Рефлексия и перевод / С. А. Королькова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. – 2014б. – № 2 (21). – С. 46–52.
- 98.Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 40 с.
- 99.Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
100. Крюков, А. Н. Актуальные методологические проблемы науки о переводе (Полемика по основным положениям лингвистической концепции перевода В. Н. Комиссарова) / А. Н. Крюков // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. Вып. 21 / Под ред. Л. С. Бархударова. – М. : Высш. шк., 1984. – С. 3–13.
101. Крюков, А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация / А. Н. Крюков // Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – С. 19–34.
102. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кубиц Галина Васильевна. – Челябинск, 2005. – 19 с.
103. Кушнина, Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кушнина Людмила Вениаминовна. – Челябинск, 2004. – 32 с.
104. Кушнина, Л. В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушнина, М. С. Силантьева // Вестн. Пермск. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 71–75.
105. Кэтфорд, Д. К. Лингвистическая теория перевода / Д. К. Кэтфорд // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 91 – 113.

106. Латышев, Л. К. Технология перевода: учебное пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.) / Л. К. Латышев. – М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 2000. – 280с.
107. Латышев, Л. К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л. К. Латышев, В. И. Провоторов. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.
108. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.
109. Леонтович, О. А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире / О. А. Леонтович // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 191–199.
110. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Монография / О. А. Леонтович. – М.: Перемена, 2002. – 434 с.
111. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
112. Леонтьев, А. А. Языковой сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. : ИЯ РАН, 1993. – С. 18–25.
113. Лутовинова, О. В. Докоммуникативные лингвистически релевантные средства саморепрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова // Мир науки, культуры, образования. – 2013а. – № 2 (39). – С. 236–240.
114. Лутовинова, О. В. Сетевой ник как способ саморепрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст. / отв. соред. В. В. Колесов,

- М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. – Киев: Изд. дом В. Бураго, 2013б. – Ч. 2. – С. 497–504.
115. Любимов, Н. М. Перевод – искусство / Н. М. Любимов. – М. : Сов. Россия, 1982. – 132 с.
116. Ма, Т. Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): автореф. дис... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Ма Татьяна Юрьевна. – Москва, 2012. – 43 с.
117. Махортова, Т. Ю. Скопос-теория как основа коммуникативно-прагматической концепции перевода / Т. Ю. Махортова // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных трудов по материалам первой международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». Выпуск 1. В 2-х томах. Т. 2. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2013. – С. 148-154.
118. Минец, Д. В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / Минец Диана Владимировна. – Вологда, 2012. – 22 с.
119. Минзюкова, В. В. Автобиография: речевая стратегия как аспект реализации языковой личности / В. В. Минзюкова // Известия ВГПУ. – Краснодар, 2011. – С. 8–11.
120. Минченков, А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности / А. Г. Минченков. – СПб. : Антология, 2007. – 256 с.
121. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев; отв. ред. М. Я. Блох. – М. : Готика, 1999. – 176 с.
122. Мирам, Г. Э. Профессия: переводчик / Г. Э. Мирам. – К.: Ника-Центр, 1999. – 169 с.
123. Митягина В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия / Митягина В. А. // монография; Первое издание – Волгоград : Издательство ВолГУ, 2007. – 460 с.

124. Митягина, В. А. Тип коммуникативного действия в дискурсе: верификация в рамках жанра / В. А. Митягина // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. – 2008. – № 1 (7). – С. 116–119.
125. Митягина, В. А. Коммуникативная компетенция: методология анализа и задачи переводчика / В. А. Митягина // Homo Loquens: (Вопросы лингвистики и транслятологии): сб. ст. – Вып. 4 / отв. ред. Р. Л. Ковалевский. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009а. – С. 15–21.
126. Митягина, В. А. Коммуникативные действия идеального транслятора / В. А. Митягина // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов по материалам 4-й Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию РУДН, Москва. 20-21 мая 2009 г. – М. : РУДН, 2009б. – С. 388–395.
127. Митягина, В. А. Коммуникация и перевод в эпоху глобального поликультурного информационного пространства / В. А. Митягина // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др.; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012а. – С. 9–35.
128. Митягина, В. А. Перевод как трансфер коммуникативных действий / В. А. Митягина // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Международной науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2012 г. / сост.: А. В. Простов, Н. Н. Остринская и др.; ВолГУ, ВГСПУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012б. – С. 26–33.
129. Мишланова, С. Л. Профессиональная языковая личность как категория когнитивного терминоведения С. Л. Мишланова // Материалы Международной научной конференции «Изменяющийся языковой мир». – Пермь: Пермский госуниверситет, 2001. [Электронный ресурс]. – URL : <http://language.psu.ru>.
130. Муртазина, Н. Ф. Морфотемная организация перефразирования сложных словообразовательных и атрибутивных конструкций немецкого

- языка: автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / Муртазина Нина Фаргеновна. – Ульяновск, 2004. – 26 с.
131. Найда, Ю. А. Наука перевода / Ю. А. Найда // Вопросы языкознания, 1970. – № 4. – С. 3–14.
132. Найда, Ю. А. К науке переводить. Принципы соответствий / Ю. А. Найда, А. Юджин // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 114–137.
133. Нефедова, Л. А. Языковая личность переводчика: коллектив. моногр. / отв. ред. Л. А. Нефедова; науч. ред. М. В. Загидуллина. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. Ун-та. – 2011. – 420 с.
134. Новикова, Э. Ю. Дидактическая модель обучения устному переводу / Э. Ю. Новикова, С. Р. Хайрова. – Вестник ВолГУ. – Сер. 6, вып. 10. – 2007. – С. 131–136.
135. Новикова, Э. Ю. Дидактика устного перевода. / Э. Ю. Новикова // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др.; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 88–160.
136. Новикова, Э. Ю. Дискурсивно-ориентированная дидактика двустороннего перевода на примере коммунального перевода / Э. Ю. Новикова / *Nemo loquens*: (Вопросы лингвистики и транслятологии): сборник статей. – Вып. 6. Федер. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т»; Каф. теории и практики перевода; редкол.: В. А. Митягина (отв. ред.) и др. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 62–72.
137. Нойберт, А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 185–201.
138. Оболенская, Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю. Л. Оболенская. – М. : Высшая школа, 2006. – 335 с.

139. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис. – 407 с.
140. Ортега-и-Гассет. Нищета и блеск перевода / Ортега-и-Гассет // Что такое философия? – М. : Наука, 1991. – С. 336–352.
141. Остапенко, Д. И. К вопросу о метакоммуникации переводчика / Д. И. Остапенко // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С.128–138.
142. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М. : Русский язык, 1989. – 276 с.
143. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
144. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М. : МГУ, 1997. – 208 с.
145. Петрова, Е. С. Автокоррекция переводчика и принцип дистанцирования / Е. С. Петрова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб, 2006. – № 2. – С. 16–22.
146. Петровский, А. В. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для студ. ВУЗов / А. В. Петровский. – М. : ИНФРА– М, 1998. – 528 с.
147. Плехов, А. Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: автореф. дис... канд. психол. наук : 19.00.07 / Плехов Антон Николаевич. – Н. Новгород, 2007. – 23 с.
148. Плотникова, С. Н. Говорящий / пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность / С. Н. Плотникова // Вестник НГГУ. – 2008. – №4. – С. 37–42.
149. Поликарпов, А. М. Многомерность и синтаксическая интегративность системы сложного предложения в немецкой разговорной

- речи / А. М. Поликарпов // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 3. – С. 77–83.
150. Поликарпов, А. М. Топологические особенности оформления немецкого устно-порождаемого синтаксиса / А. М. Поликарпов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 99–104.
151. Поликарпов, А. М. О сопряжении в синтаксисе немецкой устно-порождаемой речи / А. М. Поликарпов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 85–89.
152. Попова, О. И. Виды перевода и языковая личность / О. И. Попова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: мат-лы международной науч. конф. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008а. – С. 72–76.
153. Попова, О. И. Перевод международных конференций и личность переводчика / О. И. Попова // Язык. Культура. Коммуникация: мат-лы 2-й Международной научной конференции. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008б. – С. 332–336.
154. Попова, О. И. Положения интерпретативной теории перевода в процессе подготовки переводчика / О. И. Попова // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др.; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 187–213.
155. Попова О. И. Специфика подбора текстов при обучении устному переводу / О. И. Попова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: мат-лы международной науч. конф. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2013. – С. 265–269.

156. Поршнева, Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика: монография / Е. Р. Поршнева. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. – 148 с.
157. Поршнева, Е. Р. Подготовка к устному переводу при обучении иностранному языку / Е. Р. Поршнева // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков. Устный перевод: матер. науч.- метод. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 96–103.
158. Прагматический аспект перевода. Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2009. – Вып. 39. – 136 с. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_39_03akas.pdf.
159. Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л. В. Куликов. – СПб.; М. : Питер, 2001. – 476 с.
160. Психология личности: хрестоматия: учеб. пос. для студ. вузов. Т. 2: Отечественная психология / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – М. : БАХРАХ-М, 2004. – 544 с.
161. Пшёнкина, Т. Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: дисс... на соискание учен степени д-ра филол. наук : 10.02.19 / Пшёнкина Татьяна Геннадьевна. – Барнаул, 2005. – 330 с.
162. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–227.
163. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Международные отношения, 1974. – 216 с.
164. Робинсон, Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон, пер. с англ. – СПб. : КУДИЦ-ПРЕСС, 2007. – 304 с.

165. Роль переводчика на переговорах. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.business-perevod.ru/rol-perevodchika.htm> (дата обращения: 28.05.2012).
166. Романова, А. А. Типология текста: мемуарный дискурс Мирчи Элиаде: автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Романова Анастасия Анатольевна. – Москва, 2011. – 20 с.
167. Самигуллина, А. Д. Особенности становления лексико-семантического поля «военное обмундирование» в английском и русском языках: автореф. дис... канд. филол. наук / А. Д. Самигуллина. – М. : Петроруш, 2009. – 22 с.
168. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 14–27.
169. Сдобников, В. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 448 с.
170. Сдобников, В. В. Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. – Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2007. – 165 с.
171. Сдобников, В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход / В. В. Сдобников // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып.10. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. – С. 17–23.
172. Серебрякова, С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте / С. В. Серебрякова // Язык. Текст. Дискурс. – 2008а. – № 6. – С. 240–245.

173. Серебрякова, С. В. Языковая личность переводчика как результат реализации лингвокогнитивного потенциала обучаемого / С. В. Серебрякова // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. – 2008b. – Вып. 58. – С. 25–30.
174. Серебрякова, С. В. К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика / С. В. Серебрякова, А. А. Серебряков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012а. – № 3 (303). – С. 95–100.
175. Серебрякова, С. В. Прагматика адъективных номинаций в семантическом пространстве немецких поэтических текстов / С. В. Серебрякова // Язык. Текст. Дискурс. – 2012б. – № 10. – С. 427–431.
176. Серебрякова, С. В. Лингвокультурная адаптация ключевого слова в разновременных переводах художественного текста / С. В. Серебрякова // Индустрия перевода. – 2013. – № 1. – С. 274–278.
177. Серова, Т. С. Профессиональные квалификационные характеристики переводчика как специалиста по информационному обеспечению и сопровождению международного сотрудничества предприятий / Т. С. Серова // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006а. – С. 232–242.
178. Серова, Т. С. Эмотивно-эмпатийный компонент иноязычного делового общения в сфере бизнеса / Т. С. Серова // Роль университетов в международной интеграции регионов : материалы международной науч.-практ. конф. Тюмень, 2006b. – С. 163–165.
179. Серова, Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур / Т. С. Серова // Язык и культура. 2010. – № 4 (12). – С. 44–46.

180. Силантьева, М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Силантьева Марина Сергеевна. – Пермь, 2012. – 24 с.
181. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи. Хорошая речь / О. Б. Сиротинина. – Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 16–28.
182. Сиротина, И. Л. Отечественный тип философствования в мемуарах русской интеллигенции от XIX к XXI веку / И. Л. Сиротина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 112 с.
183. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
184. Соколова, В. В. Культура речи и культура речевого общения / В. В. Соколова. – М., 1995. – 146 с.
185. Стернин, И. А. Психолингвистика и виды сознания / И. А. Стернин // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. статей / под общ. ред В. А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 141–159.
186. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус / Е. Ф. Тарасов // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент: сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2001. – С. 301–311.
187. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 224 с.
188. Усачева, А. Н. Устный переводчик – интерпретатор / А. Н. Усачева // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. тр. По материалам 4-й Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию РУДН, Москва, 20-21 мая 2009 г. – Москва: Издательство РУДН, 2009. – С. 568–573.
189. Усачева, А. Н. Когнитивная «подкладка» коммуникативного поведения устных переводчиков / А. Н. Усачева // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности. Материалы выступлений на V Международной конференции РКА «Коммуникация-

- 2010» / под ред. М. Б. Бергельсон, М. К. Раскладкиной. – Москва: Издательство Моск. ун-та, 2010. – С. 363–368.
190. Усачёва, А. Н. Когнитивная деятельность переводчика. / А. Н. Усачёва // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др.; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 45–76.
191. Усачёва, А. Н. Коммуникативно-ситуационная парадигма в профессиональной деятельности устного переводчика / А. Н. Усачева // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Международной науч. конф., г. Волгоград, 18 окт. 2013 г. / редкол.: Н. Л. Шамне, В. П. Свиридонова (отв. ред.), А. В. Простов (отв. ред.), А. А. Сидоров; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т филологии и межкультур. коммуникации, Каф. ром.-герм. филологии. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 36–48.
192. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М. : ООО «Издательский Дом «Филология Три», 2002. – 416 с.
193. Хабибрахманова, Ю. Р. Категория тональности в жанре очерка / Ю. Р. Хабибрахманова // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. об-ва. Т. 14. – Екатеринбург, 2004. – С. 179–185.
194. Хайрова, Х. Ж. О формировании языковой личности переводчика: результаты 3-й Международной научно-практ. Интернет конференции «Молодежь. Наука. Инновации» Раздел 4. Психология, педагогика, филология. [Электронный ресурс]. – URL : http://rgu-penza.ru/mni/content/files/2011_1_Hajrova.pdf.
195. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): монография / И. И. Халеева. – М. : Высш. школа, 1989. – 238 с.

196. Хэллидэй, Майкл А. К. Сопоставление языков / Майкл А. К. Хэллидэй // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 43–54.
197. Цвиллинг, М. Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода / М. Я. Цвиллинг // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1991. – С. 151–156.
198. Чуковский, К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. – СПб. : Авалон, 2008. – 448 с.
199. Шамне, Н. Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: учеб. пособие / Н. Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 208 с.
200. Шамне, Н. Л. Пространство языка и коммуникативные барьеры / Н. Л. Шамне // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей международной научной конференции, г. Волгоград, 14–17.09.2004 г.: в 2 т. Т. 2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 129 – 132.
201. Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 36–42.
202. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Военное изд-во министерства обороны СССР, 1973. – 280 с.
203. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 214 с.
204. Швецова, Ю. О. Аликина, Е. В. Формирование экстралингвистической компетентности будущих устных переводчиков / Ю. О. Швецова, Е. В. Аликина // Современные проблемы науки и образования. – 2012. - № 2. – С. 189–195.
205. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера): автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шевченко Ольга Николаевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.

206. Шереминская, Л. Г. Настольная книга переводчика / Л. Г. Шереминская. – Ростов на Дону: Феникс, 2008. – 252с.
207. Шлыкова, Ю. Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: автореф. дис... канд. психол. наук : 19.00.01 / Шлыкова Юлия Борисовна. – Краснодар, 2006. – 22 с.
208. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко. – СПб: Symposium, 2006. – 568 с.
209. Alexieva, B. A Typology of Interpreter-Mediated Events / B. Alexieva // The Interpreting Studies Reader / edited by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. – London : Routledge, 2002. – P. 221–233.
210. Angelelli, C. V. Interpretation as a Communicative Event: A Look through Hymes' Lenses / C. V. Angelelli // Journal des Traducteurs / Meta: Translators' Journal, vol. 45, No. 4, 2000. – P. 580–592. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.erudit.org/revue/meta/2000/v45/n4/001891ar.html?vue=resume> (дата обращения: 24.03.14).
211. Angelelli, C. V. The Visible Co-participant: the Interpreter's Role in Doctor-patient Encounters / C. V. Angelelli // From topic boundaries to omission: New research on interpretation / edited by M. Metzger, S. Collins, V. Dively & R. Shaw . – Washington DC : Gallaudet University Press, 2003. – P. 3–26.
212. Angelelli, C. V. Revisiting the Interpreter's Role: a Study of Conference, Court, and Medical Interpreters in Canada, Mexico, and the United States / C. V. Angelelli. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. – 128 p.
213. Angelelli, C. V. Medical Interpreting and Cross-cultural Communication – Inaugural Lecture. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.youtube.com/watch?v=sAjY7q-XFIM> (дата обращения: 20.04.14).
214. Bassnett, S. The translation of Literature / S. Bassnett // The Linguist, vol. 36, No. 3, 1997. – P. 71–74.

215. Bassnett, S. *Translation Studies (New Accents)* / S. Bassnett. – 3rd edition. – New York and London : Routledge, 2002. – 192 P.
216. Berk-Seligson, S. *The Impact of Politeness in Witness Testimony: the Influence of the Court Interpreter*, // *The Interpreting Studies Reader* / edited by F. Pöchhacker and M. Shlesinger. – London and New York : Routledge, 2002. – P. 279–92.
217. Bruce, D. *Translating the Commune: Cultural Politics and the Historical Specificity of the Anarchist Text* / D. Bruce // *Traduction, Terminologie, Rédaction*. – vol. 1(1), 1994. – P. 47–76.
218. Anderson, R. Bruce W. *Perspectives on the Role of Interpreter* / R. Bruce W. Anderson // *The Interpreting Studies Reader* / edited by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. – London : Routledge, 2002. – P. 211–217.
219. Buhring, K. *Ad hoc Interpreting and the achievement of communicative purposes in specific kinds of doctor-patient discourse* / K. Buhring, B. Meyer // *Multilingual Communication*. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. – P. 43– 62.
220. Cambridge, I. *Public Service Interpreting: Practice and Scope for Research* / I. Cambridge // *Translation Research & Interpreting Research: Traditions, Gaps and Synergies* / edited by C. Schäffner. – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – P. 49–51.
221. Catford, J. C. *A linguistic Theory of Translation* / J. C. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 110 p.
222. Chen, G.-M. *Intercultural Awareness* / G.-M. Chen, W. J. Starosta // *Intercultural Communication: A Reader* / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel, T. Wadsworth, 11th edition, 2006. – P. 357 – 365.
223. Fraser, J. *Public accounts: using verbal protocols to investigate community translation* // *Applied Linguistics*, vol. 14(4), 1993. P. 325–343.
224. Fraser, J. *Translation Research and Interpreting Research – Pure, Applied, Action or Pedagogic* / J. Fraser // *Translation Research & Interpreting*

- Research: Traditions, Gaps and Synergies / edited by C. Schäffner. – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – P. 57–61.
225. Gilbert, E. Eat, Pray, Love: One Woman's Search for Everything Across Italy, India and Indonesia / E. Gilbert. – New York : Penguin, 2006. – 352 p.
226. Gile, D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training / D. Gile. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1995. xvi, 278 p.
227. Gile, D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training / D. Gile. – Rev. ed. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins B.V., vol. 8, 2009. – 277 p.
228. Haffner, L. Translation Is Not Enough. Interpreting in a Medical Setting [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gagalanti.com/articles/articles_haffner.html (дата обращения: 03.05.13).
229. Harris, B. Translating as an Innate Skill / B. Harris, B. Sherwood // Language Interpretation and Communication, D. Gerver and H.W. Sinaiko, New-York_London, Plenum Press, 1978. P. – 155–170.
230. Hatim, B. Discourse features in non-verbal communication: Implications for the translator / B. Hatim; edited by F. Poyatos // Nonverbal communication and translation: new perspectives and challenges in literature, interpretation, and the media. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 49–66.
231. Hatim, B. The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. – London : Routledge, 1997. – 244 p.
232. Hatim, B. Text Politeness: A Semiotic Regime for a More Interactive Pragmatics / B. Hatim // The Pragmatics of translation / ed. by L. Kickey. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – P. 73–102.
233. Hickey, L. The Pragmatics of Translation / L. Hickey. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – 217 p.

234. House, J. *Politeness and Translation* / J. House // *The Pragmatics of translation* / edited by L. Kickey. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – P. 54–71.
235. Inghillery, M. *Aligning Macro- and Micro-Dimensions in Interpreting Research* / M. Inghillery // *Translation Research & Interpreting Research: Traditions, Gaps and Synergies* / edited by C. Schäffner. – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – P. 71–76.
236. Jiang, L. *From Community Interpreting to Discourse Interpreting: Establishing Some Useful Parameters*, 2007. – P. 1–10. [Электронный ресурс]. URL : http://www.euroconferences.info/proceedings/2007_Proceedings/2007_Jiang_Lihua.pdf (дата обращения : 02.06.13).
237. Jones, R. *Conference Interpreting Explained* / R. Jones. – UK, Manchester : St. Jerome Publishing, 2002. – 142 p.
238. Kalina, S. *Quality in interpreting and its prerequisites: a framework for a comprehensive view* // *Interpreting in the 21st Century: Challenges and opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies, 9-11 November 2000* / edited by G. Garzone, M. Viezzi. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 121–130.
239. Kelly, L. *The True Interpreter: History of translation theory and practice in the West*, New York: St Martin's Press, 1979.
240. Kussmaul, P. *Comprehension processes* / P. Kussmaul // *Translation as intercultural communication*. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 239–247.
241. Landers, C. E. *Literary Translation. A Practical Guide* / C. E. Landers. – New Jersey City University, 2001. – 230 p.
242. Mason, I. *Discourse, ideology and translation* // R. de Beaugrande, A. Shunnaq and M. Helmy Heliel (eds) *Language, Discourse and Translation in the West and Middle East*, Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1994, P. 23–34.

243. Mason, I. Triadic Exchanges: Studies in Dialogue Interpreting / I. Mason. Manchester: St Jerome Publishing, 2001. – P. 243-247.
244. Mason, I. Conduits, Mediators, Spokespersons: Investigating Translator/Interpreter Behaviour / I. Mason // Translation Research & Interpreting Research: Traditions, Gaps and Synergies / edited by C. Schäffner. – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – P. 88–97.
245. Meyer, B. Medical Interpreting / B. Meyer // Interpreting in the 21st Century: Challenges and opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies, 9-11 November 2000 / edited by G. Garzone, M. Viezzi. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 159–169.
246. Mayer, B. Interpreting Proper Names: Different Interventions in Simultaneous and consecutive Interpreting? B. Mayer // Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. / herausgegeben von Leona Van Vaerenbergh und Klaus Schubert, 2008 – Nr. 1. – S. 105–122. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.trans-kom.eu> (дата обращения: 15.04.2012).
247. Mikkelson, H. Towards a Redefinition of the Role of the Court Interpreter / H. Mikkelson // Interpreting: International Journal of Research and Practice in Interpreting, issue 3(1), 1998. – P. 21–46.
248. Moody, B. Literal vs. Liberal: What Is a Faithful Interpretation? / B. Moody // The Sign Language Translator and Interpreter-Volume 1, Number 2. 2007. 179–220.
249. Munday, J. The Routledge Companion to Translation Studies / J. Munday. – London : Routledge, 2009. – 304 p.
250. Narasimhan, R. Modelling Language Behaviour / R. Narasimhan. – Berlin/New York : Springer Verlag, 1981, – 213 p.
251. Neubert, A. Text and translation Text / A. Neubert. – Leipzig : John Benjamins Publishing Company, 1985. – 168 p.

252. Nida, E. A. *Linguistics and Ethnology in Translation Problems* / E. A. Nida // *Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology*. – New York : Harper & Row, 1964. – P. 90–97.
253. Nida, E. A. *Toward a Science of Translating* / E. A. Nida. – Leiden : E. J. Brill, 1964. – 331 p.
254. Nida, E. A. *The Theory and Practice of Translation* / E. A. Nida, C. R. Taber. – Leiden : Brill Academic Pub, 1969. – 218 p.
255. Nord, C. Skopos, loyalty and translational conventions, *Target*, 3(1): 1991. – P. 91–109.
256. Paneth, E. The interpreter's task and training / E. Paneth // *The Incorporated Linguist* ¼, 1962. P. 102–109.
257. Pistillo, G. The Interpreter as Cultural Mediator / G. Pistillo // *Journal of Intercultural Communication*. – 2003. – Issue 6. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.immi.se/jicc/index.php/jicc/article/view/135/103and> (дата обращения: 10.08.2012).
258. Pöchhacker, F. *Researching interpreting quality: models and methods* / F. Pöchhacker // *Interpreting in the 21st Century: Challenges and opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies, 9-11 November 2000* / edited by G. Garzone, M. Viezzi. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 95–106.
259. Pöchhacker, F. *The Interpreting Studies Reader* / F. Pöchhacker, M. Schesinger. – London : Routledge, 2002. – 436 p.
260. Pöchhacker, F. *Introducing Interpreting Studies* / F. Pöchhacker. – London : Routledge, 2004. – 264 p.
261. Pöchhacker, F. *Research and methodology in healthcare interpreting* / F. Pöchhacker // *Taking Stock: Research and methodology in community interpreting* / edited by E. Hertog and B. van derVeer, Antwerp: Hogeschool Antwerpen, 2006. – P. 135–159.
262. Poyatos, F. The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation / F. Poyatos // *Nonverbal*

- Communication and Translation: New perspectives and challenges in literature, interpretation and the media. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 249–282.
263. Poyatos, F. Nonverbal Communication in Simultaneous and Consecutive Interpretation: a theoretical model and new perspectives / F. Poyatos // *The Interpreting Studies Reader* / edited by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. – London : Routledge, 2002. – P. 237-246.
264. Presas, M. Bilingual competence and translation competence / M. Presas // *Developing Translation Competence* / edited by B. Adab and C. Schaffner, Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 19–31.
265. Pym, A. Propositions on cross-cultural communication and translation // *Target*, issue 16(1): 2004, P. 1–28.
266. Raskin, V. Semantic mechanisms of Humour / V. Raskin. – Dordrecht : D. Reidel, 1985. – 284 p.
267. Reiss, K. Type, kind, and individuality of text: decision-making in translation / K. Reiss // *The Translation Studies Reader* / edited by L. Venuti, 2nd edition, London and New York: Routledge, 2004. – P. 168–179.
268. Roberts, R. P. Community Interpreting: A Profession in Search of its Identity / R. P. Roberts // *Teaching Translation and Interpreting 4: Building Bridges*, Hung, Eva, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2002. – P. 157–175.
269. Robinson, D. *Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation* / D. Robinson. – London and New York : Routledge, 2nd edition, 2004. – 301 p.
270. Roy, C. B. *A Sociolinguistic Analysis of the Interpreter's Role in the Turn Exchanges of an Interpreted Event* // C. B. Roy. Ph.D. dissertation, Georgetown University, Washington D. C. 1989.
271. Schäffner, C. *Discourse Analysis for Translation and Translator Training: Status, Needs, Methods* // *The Role of Discourse Analysis for*

- Translation and Translator Training. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – P. 1–8.
272. Seleskovitch, D. Interpretation, A Psychological Approach to Translating / D. Seleskovitch // Translation Applications and Research / ed. by R. W. Brislin. – New York : Gardner Press, Inc., 1976. – P. 101–102.
273. Seleskovitch, D. Interpreting for International Conferences. Problems of Language and Communication / D. Seleskovitch. – Washington : Pen and Booth, 1994. – 154 p.
274. Shlesinger, M. Interpreting as a Cognitive Process: How can we know what really happens? / M. Shlesinger // Tapping and mapping the processes of translation and interpreting: outlooks on empirical research / edited by S. Tirkkonen-Condit, R. Jääskeläinen. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. – P. 3–15.
275. Snell-Hornby, M. The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints? / M. Snell-Hornby. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2006. – 205 p.
276. Snell-Hornby, M., Translation Studies / M. Snell-Hornby. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1995. – 170 p.
277. Tebble, H. Research into Tenor in Medical Interpreting / H. Tebble // Collected Papers from Interpreting Research. Editorial Committee of the Japan Association for Interpretation Studies. Tokyo: Japan Association for Interpretation Studies. 2004. – P. 37–49.
278. Tirkkonen-Condit, S. Tapping and Mapping the Processes of Translation and Interpreting / ed. by S. Tirkkonen-Condit, R. Jääskeläinen. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. – 176 p.
279. Trosborg, A. Discourse Analysis as Part of Translator Training / A. Trosborg // The Role of Discourse Analysis for Translation and Translator Training. – Clevedon : Multilingual Matters, 2002. – P. 9–52.

280. Vermeer, H. J. Scopus and Comission in Translation Studies / H. J. Vermeer // The Translation Studies Reader / edited by L. Venuti. – London and New York, 2003. – P. 221–232.
281. Vik-Tuovinen, G.-V. The Interpreters' Comments in Interpreting Situations / G.-V. Vik-Tuovinen // Tapping and mapping the processes of translation and interpreting: outlooks on empirical research / edited by S. Tirkkonen-Condit, R. Jääskeläinen. – Amsterdam / Philadelphia : John Bejamins Publishing Company, 2000. – P. 17–26.
282. Wadensjö, C. Dialogue interpreting and the distribution of responsibility / C. Wadensjö // In: Hermes. Journal of Linguistics 14, 1995. – 111–129 p.
283. Wadensjö, C. The Double Role of a Dialogue Interpreter / C. Wadensjö // The Interpreting Studies Reader / edited by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. – London : Routledge, 2002. – P. 357–370.

Список лексикографических изданий

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Большой Российский энциклопедический словарь / А. Е. Махов, Л. И. Петровская, В. М. Смолкин, В. Д. Шолле. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 1888 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins) / Д. Джери, Дж. Джери. – М. : Вече : АСТ, 1999. – Т. 1. – 543 с.
4. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концептов / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1999. – 301 с.
5. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концептов и терминов / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.

6. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.: под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – 7-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2002. – 832 с.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под. общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998.
8. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация XXI век, 2002. – 256 с.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
10. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 416 с.
11. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. – 974 с.
12. Социологический энциклопедический словарь / ред.-коорд. Г. В. Осипов. – М. : Норма, 2000. – 480 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
14. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 4-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 320 с.
15. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

17. An Encyclopedia of Language / edited by N. E. Collinge. – London : Routledge, 1990. – 1032 p.
18. Collins English Dictionary / general consultant J. M. Sinclair. – 5th edition. – Glasgow : Harper Collins Publishers, 2000. – 1785 p.
19. Longman Dictionary of Contemporary English. – 6th revised edition. – London : Pearson Longman. – 2224 p.
20. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition / G. Fox, M. Rundell. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.
21. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – 2nd edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 506 p.
22. Webster's New American Dictionary / M. Webster. – New York : Smithmark Publishers, 1995. – 687 p.

Список источников

- Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова – Вып. 9. – М. : Междунар. отношения, 1972. – 120 с.
- Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова – Вып. 10. – М. : Междунар. отношения, 1973. – 112 с.
- Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова. – Вып. 11. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 104 с.
- Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. Г. Я. Туровер. – Вып. 12. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 112 с.
- Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – Вып. 13. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 128 с.

Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – Вып. 24. – М. : МГЛУ, 1999. – 117 с.

Тетради переводчика : научно-теоретический сборник / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – Вып. 25. – М. : МГЛУ, 2005. – 117 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. В. И. Тархов. – Вып. 3. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1966. – 111 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. В. И. Тархов. – Вып. 4. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1967. – 119 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под. ред. Бархударова; отв. ред. А. В. Кунин. – Вып. 1. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1963. – 110 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под. ред. Бархударова; отв. ред. А. В. Кунин. – Вып. 2. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1964. – 123 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. В. Г. Гак. – Вып. 7. – М. : Междунар. отношения, 1970. – 112 с.

Тетради переводчика : ученые записки / под. ред. Л. С. Бархударова – Вып. 8. – М. : Междунар. отношения, 1971. – 127 с.

Тетради переводчика : ученые записки. / под. ред. Л. С. Бархударова; отв. ред. Г. Я. Туровер. – Вып. 5. – М. : Междунар. отношения, 1968. – 126 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2004. – № 1 (1). – 85 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2004. – № 2 (2). – 95 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2004. – № 3 (3). – 88 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2004. – № 4 (4). – 88 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2005. – № 1 (5). – 96 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2005. – № 2 (6). – 92 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2005. – № 3 (7). – 93 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2005. – № 4 (8). – 85 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2006. – № 1 (9). – 92 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2006. – № 2 (10). – 88 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2006. – № 3 (11). – 88 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2006. – № 4 (12). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2007. – № 1 (13). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2007. – № 2 (14). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2007. – № 3 (15). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2007. – № 4 (16). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2008. – № 1 (17). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2008. – № 2 (18). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2008. – № 3 (19). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2008. – № 4 (20). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. З. В. Зарубина. – М. : Р.Валент, 2009. – № 1 (21). – 85 с.

Мосты : журнал для переводчиков. – М. : Р.Валент, 2009. – № 2 (22). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2009. – № 3 (23). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2009. – № 4 (24). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2011. – № 1 (29). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2011. – № 2 (30). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2011. – № 3 (31). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2011. – № 4 (32). – 81 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2012. – № 1 (33). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2012. – № 2 (34). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2012. – № 3 (35). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2012. – № 4 (36). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2013. – № 1 (37). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2013. – № 2 (38). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2013. – № 3 (39). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2013. – № 4 (40). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2014. – № 1 (41). – 80 с.

Мосты : журнал для переводчиков / гл. ред. В. К. Ланчиков. – М. : Р.Валент, 2014. – № 2 (42). – 81 с

Автономова, Н. С. «Меня интересуют современные формы пост-структурализма» [Электронный ресурс] / Н. С. Автономова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040421_kalash.html.

Александровский, С. А. «От Чосера до Фернандо Пессоа» [Электронный ресурс] / С. А. Александровский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011206_kalash.html.

Амелин, М. А. «Мне не хотелось, чтобы из Катулла получился очередной литпамятник» [Электронный ресурс] / М. А. Амелин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021119_kalash.html.

Апт, С. К. «Перевожу в день минимум 3 страницы ...» [Электронный ресурс] / С. К. Апт // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010910.html>.

Бабков, В. О. «Люди пишут не всегда так, чтобы их понимали мгновенно и лишь единственным образом» [Электронный ресурс] / В. О. Бабков // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020531_kalash.html.

Баевская, Е. В. «Должно тянуть сквозняком из затекста, иначе текст не выживет» [Электронный ресурс] / Е. В. Баевская // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020423_kalach.html.

Баскакова, Т. А. «Мне хочется переводить немногих авторов с немецкого... » [Электронный ресурс] / Т. А. Баскакова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030115_kalash.html.

Белобратов, А. В. «Интерес к переводу был естественный, но не доминирующий» [Электронный ресурс] / А. В. Белобратов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040115_kalash-pr.html.

Бернштейн, И. М. «Со временем я научилась не оглядываться» [Электронный ресурс] / И. М. Бернштейн // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010410.html>.

Богдановский, А. С. «Храбрость и скромность» [Электронный ресурс] / А. С. Богдановский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030403_kalash.html.

Бородицкая, М. Я. «Я не теоретик и тяжело прорубаюсь сквозь теоретические дебри» [Электронный ресурс] / М. Я. Бородицкая // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021216_kalash.html.

Британишский, В. Л. «Просто мы знатоки самой поэзии» [Электронный ресурс] / В. Л. Британишский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020607_kalash.html.

Булатов, Э. «Меня интересует только пространство» [Электронный ресурс] / Э. Булатов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/culture/vystavka/20031016_bul.html.

Ванханен, Н. Ю. «Единственное влияние перевода - плохое» [Электронный ресурс] / Н. Ю. Ванханен // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020808_kalash.html.

Веденяпин, Д. Ю. «Только к концу работы ты понимаешь, как нужно было переводить» [Электронный ресурс] / Д. Ю. Веденяпин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010925_ved.html.

Витковский, Е. В. «Точность в переводе невозможна» [Электронный ресурс] / Д. Ю. Веденяпин // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010521.html>.

Волевич, И. Я. «Хороший перевод - это незаметный перевод» [Электронный ресурс] / И. Я. Волевич, С. Зенкин // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010514.html>.

Волохонский, А. «Понятие «теория перевода» существует как измышленная конструкция окрестных бездельников» [Электронный ресурс] / А. Волохонский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021029_kalash.html.

Волчек, Д. Б. «Мне всегда хочется забраться в дом писателя, которого я перевожу, с черного хода» [Электронный ресурс] / Д. Б. Волохонский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020725_kalash.html.

Воскресенский, Д. Н. «Обычно я не перерабатываю свои старые переводы» [Электронный ресурс] / Д. Н. Воскресенский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011011_voskr.html.

Вотрин, В. Г. «Я сторонник глубоководного ныряния в русский язык» [Электронный ресурс] / В. Г. Вотрин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030826_kalash.html.

Гаспаров, М. Л. «Не заслонять собой подлинник от читателя» [Электронный ресурс] / М. Л. Гаспаров // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010626_kal.html.

Глазова, А. С. «Мои авторы скорее подставляют себя под влияние текста, чем выставляют себя в нем» [Электронный ресурс] / А. С. Глазова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040130_kalash-pr.html.

Голышев, В. П. «Паршивую книгу хорошо перевести нельзя» [Электронный ресурс] / В. П. Голышев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010628_kal.html.

Графов, А. Э. «Перевод должен быть хуже оригинала, иначе что это за оригинал!» [Электронный ресурс] / А. Э. Графов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040901_kalash.html.

Грушко, П. М. «Считаю себя одним из наиболее точных переводчиков» [Электронный ресурс] / А. Э. Графов // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010806.html>.

Гузман, А. Б. «Сложные книги переводить в каком-то смысле проще» [Электронный ресурс] / А. Б. Гузман // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021016_kalash.html.

Гурова, И. Г. «Свой метод я никому не рекомендую, но судят-то по результату» [Электронный ресурс] / И. Г. Гурова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021128_kalash.html.

Дашевский, Г. М. «Не почтовые голуби наслаждения» [Электронный ресурс] / Г. М. Дашевский // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011115_kalash.html.

Демурова, Н. М. «Все произведения я переводила с удовольствием» [Электронный ресурс] / Н. М. Демурова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020315_kalash.html.

Дмитриев, А. «Пытаюсь увести человека в сторону трезвого отношения к себе и к реальности» [Электронный ресурс] / А. Дмитриев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020329_dmit.html.

Дубинин, Б. В. «Переводчик перебирает варианты до сотых интонаций» [Электронный ресурс] / Б. В. Дубинин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011026_kalash.html.

Дьяконова, Е. М. «Я занялась японским на волне детского романтизма» [Электронный ресурс] / Е. М. Дьяконова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030131_kalash.html.

Зельдович, А. «Могу руководить любым предприятием» [Электронный ресурс] / А. Зельдович // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/culture/20010621_kal.html.

Иванов, В. В. «Работа над одним переводом может тянуться всю жизнь» [Электронный ресурс] / В. В. Иванов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040928_kalash.html.

Ильин, С. Б. «Жду, когда придет внимательный читатель» [Электронный ресурс] / С. Б. Ильин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020801_kalash.html.

Кабалкин, А. Ю. «Прежде чем начать переводить, никогда не читаю произведение» [Электронный ресурс] / А. Ю. Кабалкин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011220_kalash.html.

Казавчинская, Т. Я. «Искусство портретирования» [Электронный ресурс] / Т. Я. Казавчинская // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021111_kalash.html.

Калашникова, Е. Притягательность иноязычного текста [Электронный ресурс] / Е. Калашникова // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Prityagatel-nost-inoazychnogo-teksta>

Кацева, Е. А. «Немецкий язык - мой личный военный трофей» [Электронный ресурс] / Е. А. Кацева // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010529_kaz.html.

Керви, А. «Я не знаю, как относиться к своим переводам» [Электронный ресурс] / А. Керви // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020828_kalash.html.

Коваленин, Д. В. «Ту же шаманскую раскачку хочется сделать по-русски...» [Электронный ресурс] / Д. В. Коваленин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020524_kalash.html.

Коган, В. И. «Самые идеальные условия для меня - переводить в никуда» [Электронный ресурс] / В. И. Коган // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011123_kalash.html.

Кольцова, О. П. «Перевод в первую очередь должен быть грамотно выполнен» [Электронный ресурс] / О. П. Кольцова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020204_kalash.html.

Костюкович, Е. «Перевод – самое комфортное из состояний письма» [Электронный ресурс] / Е. Костюкович // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010921_k.html.

Кружков, Г. М. «Тяга к сферичности» [Электронный ресурс] / Г. М. Кружков // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011101_kalash.html.

Кузнецова, И. И. «Бальзак, Готье, Аполлинер по-русски не писали!» [Электронный ресурс] / И. И. Кузнецова // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010904.html>.

Ливергант, А. Я. «Игры слов я никогда не боялся» [Электронный ресурс] / А. Я. Ливергант // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010814.html>.

Лимонов, Э. «Быть как Байрон» [Электронный ресурс] / Э. Лимонов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20031226_el.html.

Липкин, С. И. «Тем, кого я переводил, я часто советовал, что убрать, где расширить» [Электронный ресурс] / С. И. Лимонов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020507_kalash.html.

Лысенко, В. Г. «У индийца есть ощущение, что он на своем месте» [Электронный ресурс] / В. Г. Лысенко // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040816_kalash.html.

Лысенко, Е. М. «Переводчику необходима душевная чуткость» [Электронный ресурс] / Е. М. Лысенко // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030423_kalash.html.

Малевич, Н. «Перевод - мышление картинками» [Электронный ресурс] / Н. Малевич // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010425.html>.

Малыхина, Е. И. «Язык - великая вещь... им разве что замки не откроешь» [Электронный ресурс] / Е. И. Малыхина // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020517_kalash.html.

Медведев, К. Ф. «Целый роман, полный оргий, смертей и мук, можно перевести ради одной фразы» [Электронный ресурс] / К. Ф. Медведев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011213_kalash.html.

Микушевич, В. Б. «Если я знаю, как перевести стихотворение, мне не стоит за него браться» [Электронный ресурс] / В. Б. Микушевич // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020218_kalash.html.

Мильчина, В. А. «Не хочу превращаться в сороконожку» [Электронный ресурс] / В. А. Мильчина // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020128_kalash.html.

Михайлин, В. Ю. «Только критика профессионала имеет смысл» [Электронный ресурс] / В. Ю. Михайлин // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020410_kalash.html.

Мотылев, Л. Ю. «В переводе можно скорее говорить об интуиции» [Электронный ресурс] / Л. Ю. Мотылев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011001_mot.html.

Муравьев, В. С. «Нет хороших и плохих переводчиков, есть удачные и неудачные переводы» [Электронный ресурс] / В. С. Муравьев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010604_mur.html.

Некрасов, В. «Искусство без подлости – никак не другое оно-то и есть настоящее, нормальное искусство» [Электронный ресурс] / В. Некрасов // Русский журнал. – Часть 1. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20030730.html>.

Некрасов, В. «Искусство без подлости - никак не другое оно-то и есть настоящее, нормальное искусство» [Электронный ресурс] / В. Некрасов // Русский журнал. – Часть 2. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20030731.html>.

Немцов, М. «Какая-то фраза обязательно зацепит и потащит за собой» [Электронный ресурс] / М. Немцов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020625_kalach.html.

Нестеров, А. В. «Благодаря переводу начинаешь ценить более тонкие и глубокие вещи» [Электронный ресурс] / А. В. Нестеров // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020715_kalash.html.

Павлов, О. «Я не знаю, что напишу завтра, да и смогу ли написать» [Электронный ресурс] / О. Павлов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020529_pavlov.html.

Петрова, А. А. «Трудно переводить с близких языков» [Электронный ресурс] / А. А. Петрова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011129_kalash.html.

Пробштейн, Я. Э. «Соблазны перевода» [Электронный ресурс] / Я. Э. Пробштейн // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020103_kalash.html.

Прокопьев, А. П. «Все - перевод, и даже чемпионат Бундеслиги» [Электронный ресурс] / А. П. Прокопьев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020327_kalash.html.

Проханов, А. «Я хочу окропить своими книгами первую половину XXI века» [Электронный ресурс] / А. Проханов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020529_prox.html.

Ревич, А. М. «Я никогда не считал, что перевод - это донорство» [Электронный ресурс] / А. М. Ревич // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010505.html>.

Редько-Добровольская, Т. И. «Темные места в переводе надо оставлять» [Электронный ресурс] / Т. И. Редько-Добровольская // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020430_kalash.html.

Рудницкий, М. Л. «Если писатель плохо напишет 30 страниц» [Электронный ресурс] / М. Л. Рудницкий // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010830.html>.

Седакова, О. А. «Для того чтобы перевести одно стихотворение поэта» [Электронный ресурс] / О. А. Седакова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020228_kalash.html.

Силакова, С. В. «В большинстве случаев читатель не задумывается, перевод перед ним или нет» [Электронный ресурс] / О. А. Силакова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020403_kalash.html.

Смагина, Е. Б. «В первую очередь я научный сотрудник» [Электронный ресурс] / Е. Б. Смагина // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020121_kalash.html.

Смирнов, С. С. «Китайцы ценят в литературе пресность» [Электронный ресурс] / С. С. Смирнов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010614_smir.html.

Солонович, Е. М. «Под топором срока работать не могу» [Электронный ресурс] / Е. М. Солонович // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010705_sol.html.

Старосельская, К. Я. «Я долго работаю над текстом» [Электронный ресурс] / К. Я. Старосельская // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010824.html>.

Тихомиров, В. Г. «То, что умеешь делать, лучше не делать» [Электронный ресурс] / В. Г. Тихомиров // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030122_kalash.html.

Топоров, В. Л. «У современной молодежи установка на плохой перевод» [Электронный ресурс] / В. Л. Топоров // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011019_kalash.html.

Трауберг, Н. Л. «У нас немыслимо много людей без ремесла» [Электронный ресурс] / Н. Л. Трауберг // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010417.html>.

Фадеев, В. В. «Как выбирать слова для чужого текста» [Электронный ресурс] / В. В. Фадеев // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/columns/20040501_kalash.html.

Фальк, К. Р. «Я всегда считала перевод поэзии своим призванием» [Электронный ресурс] / К. Р. Фальк // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20010723.html>.

Федорова, Н. Н. «Лозунг переводчика – Я знаю, что ничего не знаю» [Электронный ресурс] / Н. Н. Федорова // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010717_fed.html.

Эппель, А. И. «Перевод – многообразное свидание с непредсказуемыми роскошествами» [Электронный ресурс] / А. И. Эппель // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20030319_kalash.html.

Яснов, М. Д. «Перевод - искусство потерь» [Электронный ресурс] / М. Д. Яснов // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020111_kalash.html.

Яхнина, Ю. Я. «Каждый перевод – интерпретация» [Электронный ресурс] / Ю. Я. Яхнина // Русский журнал. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20011108_kalash.html.

Интервью. Анна – профессиональный переводчик со стажем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvotutor.ru/intervyu-anna-professionalnyj-perevodchik-so-stazhem>.

Интервью с В. М. Суходревым [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.t-link.ru/about/extra/articles/intervu-s-suhodrevom/>.

В Египте и на Занзибаре (1960-1966 гг.). Мемуары советских военных переводчиков. – М. : Memories, 2011.– 200 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>.

Interview with Alan K. Melby [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=v0FiJAfbHnM>.

Interview with Alexis Nouss [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=8OQzS6mWnlc>.

Interview with Arnt Lykke [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=wIVdlWdGLss>.

Interview with Bob Hodgson [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=1YYdP2an-QU>.

Interview with Cecilia Wadensjö [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=z2Qvq026nrU>.

Interview with Christiane Nord [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=lhzgOzkJ1sw>.

Interview with Christina Schäffner [Electronic resource]. – Mode of access: youtube.com/watch?v=ko0-9ALng_U.

Interview with Claudia Angelelli [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=wAKcOm2XTn8>.

Interview with Daniel Gile [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=RArWfLoBfPo>.

Interview with Defeng Li [Electronic resource]. – Mode of access: <youtube.com/watch?v=TBIPJhL7Sdg>.

Interview with Dilek Dizdar [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=2FAtq78DAvU](https://www.youtube.com/watch?v=2FAtq78DAvU).

Interview with Donald C. Kiraly [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=UzYoefHEopA](https://www.youtube.com/watch?v=UzYoefHEopA).

Interview with Edwin Gentzler [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=oH3mv8XcLXI](https://www.youtube.com/watch?v=oH3mv8XcLXI).

Interview with Elzbieta Tabakowska [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=QnuLINBJ8IY](https://www.youtube.com/watch?v=QnuLINBJ8IY).

Interview with Fabio Alves [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=7Cdr_BK146k](https://www.youtube.com/watch?v=7Cdr_BK146k).

Interview with François Grin [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=-2wiklhrFYY](https://www.youtube.com/watch?v=-2wiklhrFYY).

Interview with Frank Austermühl [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=DKuCBAALgUbo](https://www.youtube.com/watch?v=DKuCBAALgUbo).

Interview with Gideon Toury [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=PJbNKGGHJ1I](https://www.youtube.com/watch?v=PJbNKGGHJ1I).

Interview with Hans Höning [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=2--swM8Mn-w](https://www.youtube.com/watch?v=2--swM8Mn-w).

Interview with Harish Trivedi [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=qr1OizVKDrA](https://www.youtube.com/watch?v=qr1OizVKDrA).

Interview with Harold Lesch [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=2OBIdvf19sE](https://www.youtube.com/watch?v=2OBIdvf19sE).

Interview with Holly Mikkelson [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=z_t0qpH81js](https://www.youtube.com/watch?v=z_t0qpH81js).

Interview with Ian Mason [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=0c6pmzx136M](https://www.youtube.com/watch?v=0c6pmzx136M).

Interview with Ilse Feinauer [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=S65xPjkSYA4](https://www.youtube.com/watch?v=S65xPjkSYA4).

Interview with Itamar Even-Zohar [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=x1upxc0vmYc](https://www.youtube.com/watch?v=x1upxc0vmYc).

Interview with Jean-Claude Loba-Mkole [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=l8ZPre6zR9A](https://www.youtube.com/watch?v=l8ZPre6zR9A).

Interview with Jesús Baigorri [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=O9KGmDGlt4o](https://www.youtube.com/watch?v=O9KGmDGlt4o).

Interview with John Milton [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=jGN2usDMF98](https://www.youtube.com/watch?v=jGN2usDMF98).

Interview with José Lambert [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=0fMYtISbiMc](https://www.youtube.com/watch?v=0fMYtISbiMc).

Interview with Kaisa Koskinen [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=0z7HuFtK_Rs](https://www.youtube.com/watch?v=0z7HuFtK_Rs).

Interview with Kayoko Takeda [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=irQKBS4PBVE](https://www.youtube.com/watch?v=irQKBS4PBVE).

Interview with Kirsten Malmkjaer [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=Yw8TbK_dkvc](https://www.youtube.com/watch?v=Yw8TbK_dkvc).

Interview with Kobus Marais [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=ELEN5OKNFZ0](https://www.youtube.com/watch?v=ELEN5OKNFZ0).

Interview with Leo Tak-hung Chan [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=L9kq1cmTT5E](https://www.youtube.com/watch?v=L9kq1cmTT5E).

Interview with Liren Zeng [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=EQ_5yELPvmQ](https://www.youtube.com/watch?v=EQ_5yELPvmQ).

Interview with María Inés Arrizabalaga [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=m8u1qfa8gpg](https://www.youtube.com/watch?v=m8u1qfa8gpg).

Interview with Michael Cronin [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=OicTnVoUJQ4](https://www.youtube.com/watch?v=OicTnVoUJQ4).

Interview with Michael Gold [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=mSdAh5VzvXE](https://www.youtube.com/watch?v=mSdAh5VzvXE).

Interview with Michael Smolens [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=U4fuDyCDULY](https://www.youtube.com/watch?v=U4fuDyCDULY).

Interview with Michaela Wolf [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=h7xDV6tbnmE](https://www.youtube.com/watch?v=h7xDV6tbnmE).

Interview with Mona Baker [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=rGRKkQuR31c](https://www.youtube.com/watch?v=rGRKkQuR31c).

Interview with Reine Meylaerts [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=ab3D36agvHU](https://www.youtube.com/watch?v=ab3D36agvHU).

Interview with Roger Bell [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=mk6BwfdNk0o](https://www.youtube.com/watch?v=mk6BwfdNk0o).

Interview with Seán Golden [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=ucKrLTRSFSk](https://www.youtube.com/watch?v=ucKrLTRSFSk).

Interview with Şebnem Bahadır [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=k_NqITOOQSA](https://www.youtube.com/watch?v=k_NqITOOQSA).

Interview with Sonia Colina [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=fZbT7t1VM4k](https://www.youtube.com/watch?v=fZbT7t1VM4k).

Interview with Theo Hermans [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=Sk3Qdphmfw](https://www.youtube.com/watch?v=Sk3Qdphmfw).

Interview with Uwe Muegge [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=p0HbLICV-M](https://www.youtube.com/watch?v=p0HbLICV-M).

Interview with Valerie Henitiuk [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=L4Jk30kSMxc](https://www.youtube.com/watch?v=L4Jk30kSMxc).

Interview with Youssef Dembele [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=kDsfhXY-fOc](https://www.youtube.com/watch?v=kDsfhXY-fOc).

Interview with Zinan Ye [Electronic resource]. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=ieReyjyvhSY](https://www.youtube.com/watch?v=ieReyjyvhSY).

COCA – The Corpus of Contemporary American English (COCA). [Electronic resource] – Mode of access : <http://corpus.byu.edu/coca/>.